

СОФИЯ

ОШО

* Чтобы очистить душу, нет необходимости терзать тело. Они могут вместе танцевать самый священный из танцев...

Нансэн

[отправная
Точка*}

священный танец души и тела

* После Бодхидхармы новой отправной точкой стал Нансэн. Он открыл новые грани, новые измерения дзэн. Дзэн перестал быть маленьким ручейком и обратился в океан.

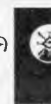
Ошо

The Point of Departure

[Nansen*}

СОСНУЯ 2011

ОШО

* Чтобы очистить душу, нет необходимости терзать тело. Они могут вместе танцевать самый священный из танцев...

Нансэн

[отправная
ТОЧКА*}
священный танец души и тела

УДК 141.339(520)
ББК 87.3
О-96

Перевод с английского Е. Мирошниченко

Ошо

О-96 Отправная точка: Священный танец души и тела / Перев.
с англ. — М.: ООО Издательство «София», 2011. — 256 с.

ISBN 978-5-399-00197-5

Ошо назвал этот цикл бесед «Отправная точка», поскольку ему по душе отважное новаторство Нансэна, в особенности его утверждение, что духовное неотделимо от материального. «Я очень люблю Нансэна именно за его понимание: он первый открыл эту дверь, ясно показав, что священное и мирское — одно, просто разные взгляды на одно и то же. Для того чтобы очистить душу, нет необходимости терзать тело. Они могут вместе танцевать самый священный из танцев... Я хочу, чтобы небо и земля были вместе. Лишь в их единстве — целостность; лишь в их единстве — радость и наполненность».

УДК 141.339(520)
ББК 87.3

Copyright © 1988 by Osho International Foundation, Switzerland,
www.osho.com/copyrights
All rights reserved
Originally English title:
NANSEN. The Point of Departure

Ошо — зарегистрированная марка Ошо Интернэшнл Фаундэйшн.
Информацию можно получить на сайте osho.com/trademark.

www.OSHO.com

Osho International,
oshointernational@oshointernational.com,
www.osho.com/oshointernational

Очень подробная Интернет-страничка: несколько рабочих языков,
возможность совершить виртуальное путешествие на Медитационный
Курорт, информация о проводимых на Курорте мероприятиях,
каталог книг и кассет, данные об информационных центрах Ошо
в разных странах мира, избранные беседы Ошо.

ISBN 978-5-399-00197-5

© «София», 2008
© ООО Издательство «София», 2008

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	7
К читателю	11
Земля и небо едины	13
Иди за пределы пустоты	37
Стремись настойчиво	55
Даже Гималаи приходят и уходят	85
Сядь в центре круга	109
Все, что для вас серьезно, — всего лишь песочные замки	135
Вы забыли о своих крыльях	159
Вам нужны розы, а не только пшеница	181
Просто утренняя прогулка	207
Мой танец завершен	229
Об авторе	252

Предисловие

Читать беседы Ошо на бумаге — все равно что читать с листа партитуру оркестрового произведения, при этом пытаюсь полноценно представить себе живой концерт. Слова — это кости дзэн, но «если вам удастся проникнуть внутрь и добраться до костного мозга... озаряется светом все небо».

Каждая беседа — частичка вечера живого дзэн. Вечер начинается с песен, танцев и приветствий любящих друг друга людей и заканчивается медитацией, к которой слушателей готовит безудержный смех над анекдотами, будоражащими разум перед тем, как «десять тысяч будд» войдут в океанические глубины безмолвия.

В основу каждой беседы положен тот или иной эпизод из жизни дзэнского мастера Нансэна, стихи Сесикё и вопрос ученицы. В этих беседах — истинная сущность дзэн. «Кому-то это может показаться головоломкой, но это не головоломка. Это способ указать на то, о чем невозможно сказать словами... Дзэн не заканчивает свои предложения; он все оставляет открытым; он просто дает намеки. А закончить их — задача для разума вопрошающего». Фраза за фразой, Ошо искусно проводит нас через эти истории: «Хотя может показаться, будто этот эпизод незамысловат, однако это не так».

Ошо назвал этот цикл бесед «Отправная точка», поскольку ему по душе отважное новаторство Нансэ-

на, в особенности его утверждение, что духовное неотделимо от материального. «Я очень люблю Нансэна именно за его понимание: он первый открыл эту дверь, ясно показав, что священное и мирское — одно; просто разные взгляды на одно и то же. Для того чтобы очистить душу, нет необходимости терзать тело. Они могут вместе танцевать самый священный из танцев... Я хочу, чтобы небо и земля были вместе. Лишь в их единстве — целостность; лишь в их единстве — радость и наполненность».

Но данный цикл бесед пропитан не только любовью к этому радикальному революционеру — Нансэну. Ошо использует любую возможность, чтобы показать нам, каким образом общество, традиции и прошлое калечат и порабащают нас. И еще Мастер непрестанно напоминает, что нам необходимо опять и опять уходить от общепринятых образцов, ощущая свое истинное Я в каждом своем действии и в бесконечности всего неба. Снова и снова Ошо смеется над идиотской моралью человека, над нашими слепыми предрассудками и бьет нас дзэнской палкой своего остроумия и истинного видения.

«Отправная точка» представляет собой тончайшую нить. «Разум — единственная нить, при помощи которой вы на данный момент можете притянуть к себе что-то запредельное». В этих беседах вы найдете также новые экспонаты Музея Богов — того зоопарка, которому поклоняется человек, — и станете свидетелем момента, когда отравленное тело мастера не смогло танцевать вместе с нами. Эти беседы одновременно легкомысленны и глубокомысленны, но не серьезны... «Дзэнские мастера играют... но эта игра всегда указывает на что-то вечное и высшее».

Эти слова открывают двери, но знает ли кто-то куда? Есть ли здесь кто-то, чтобы *знать*? «Я от-

существовал все эти тридцать пять лет», — говорит тихий сильный голос, наполняющий безмолвием тысячи искателей. Разум каждого открыт — для того, чтобы его дразнили, провоцировали, шокировали, заинтересовывали. Сердца танцуют, радуясь присутствию Мастера, радуясь изысканному изяществу каждого его жеста. И само существо слушателей пробуждается, волнуется, движется — словно лопающееся семя, словно новорожденный зеленый росток, с любопытством тянущийся к солнцу. Итак, перед вами учение о тайнах, и всякий разум, который хочет найти объяснения, должен найти их сам.

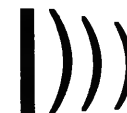
Свами Ананд Робин,
магистр гуманитарных наук (Кембридж),
март 1989

К читателю

Каждая беседа данного цикла заканчивается своеобразным ритуалом, который может озадачить читателя, не присутствовавшего на беседах.

Вначале наступает время Сардара Гурудаяла Сингха. Сардарджи — старый ученик Ошо, который так искренне и заразительно смеется шуткам, что его именем назвали время анекдотов.

За анекдотами следует медитация, состоящая из четырех частей. Каждой стадии медитации предшествует сигнал, который Ошо дает барабанщику Ниведано. Удар барабана представлен в тексте следующим образом:

Первый этап медитации состоит из бессвязного бормотания, или *тарабарщины*, когда вы, по словам Ошо, «очищаете разум от всякого рода грязи: говоря на несуществующем языке... чтобы отбросить прочь все свое безумие». На несколько секунд в зале воцаряется полное сумасшествие — тысячи людей кричат, визжат, бормочут бессвязные звуки и размахивают руками.

Это бормотание представлено в тексте следующим образом:

На следующем этапе слушатели сидят в безмолвии, сосредоточив сознание на центре своего существа, на *точке свидетельства*.

Третий этап — «отпускание», когда каждый человек бессильно падает на землю, растворяя границы, которые отделяют людей друг от друга. В тексте этот этап обозначен следующим образом:

Последний удар барабана служит сигналом для слушателей опять сесть, и они получают наставление о том, как включить опыт медитации в повседневную жизнь. Слова мастера ведут участников медитации через каждый этап, и текст всех вечерних медитаций воспроизведен здесь полностью.

Земля и небо едины

Беседа 1
5 октября 1988 года

Наш любимый Мастер...

Однажды, когда все монахи в монастыре Нансэна занимались приготовлениями к годовщине смерти Ма-цзы, которая должна была наступить на следующий день, Нансэн спросил у учеников:

— Завтра мы принесем в жертву Ма-цзы вегетарианскую пищу. Как вы думаете, он придет?

Никто не ответил, лишь один молодой странствующий монах по имени Тодзан шагнул вперед и сказал:

— Он подождет спутника, с которым можно будет прийти.

— Хотя этот монах юн, он готов к обучению, — заметил Нансэн.

— Почтенный господин не огорчит хорошего человека, отнесшись к нему как к недостойному, — ответил Тодзан.

Маниша, в длинной истории дзэн есть особо заметные вехи. Первая из них — Махакашьяпа, однако об этом человеке известно немного: в буддийских писаниях его упоминают лишь один раз. Только одно упоминание — и все-таки его считают величайшим учеником Гаутамы Будды.

За двадцать лет он не произнес ни слова, не задал ни единого вопроса, просто сидел рядом с Гаутамой Буддой. Даже сам Будда недоумевал: «Станный парень. Он даже ни разу не поздоровался. Тут тысячи монахов, и они непрестанно обращаются ко мне с вопросами и

проблемами, но у этого человека, похоже, нет вопросов». Но именно в этой полной тишине все и случилось.

Махакашьяпа проявил колоссальную выдержку, он хранил молчание в течение двадцати лет, не задавая Мастеру ни единого вопроса; он просто ждал: «Когда наступит время, Мастер передаст мне истину». В конце концов это произошло, и произошло очень странным образом.

К Гаутаме Будде пришел император Прасанджита и принес цветы, которых невозможно было достать в этот сезон. Вместе с ним пришел философ, которого Прасанджита до этих пор считал своим учителем. Император представил Гаутаме Будде своего учителя, Маулингапутту, и сказал:

— Я пришел выразить благодарность за то, что ты остановился в моем царстве. Если твоему огромному собранию монахов что-либо понадобится, дай мне только знать. И у меня к тебе есть одна просьба. Вот я привел своего учителя Маулингапутту, и с ним пришли пять сотен его учеников. Он — великий философ, человек широчайших знаний, очень ясно и четко выражающий свои мысли. Молю тебя, позволь ему обсудить с тобой важнейшие вопросы.

Гаутама Будда сказал, обращаясь к Маулингапутте:

— Я готов. Но готов ли ты?

Маулингапутта не понял, какого рода готовность необходима, и Гаутама Будда пояснил:

— Говоря о готовности, я спрашиваю, способен ли ты на тишину, полную тишину, когда в голове не проносится ни единой мысли?

— Мысль — это моя жизнь, — отвечал Маулингапутта, — Я — мыслитель. Философия — мое ремесло. Все, что я знаю о разуме, — это то, что он представляет собой мыслительный процесс. И я не знаю никакой тишины, о которой ты говоришь.

— Ты не готов, — сказал Будда. — Это будет очень странная беседа. Я стану кричать тебе с вершины холма, а ты будешь отвечать из сумрачной долины, не понимая меня. Поэтому вначале давай придем к точке, где наше сознание будет находиться на одном уровне.

Это были убедительные слова, и даже Прасанджита признал:

— Будда прав. Но что тут можно поделаться?

— Тут ничего не поделаешь, — отвечал Будда. — Разве что сесть около меня и посидеть безмолвно два года. Многие будут приходить, задавать вопросы и уходить, — но ты не тревожься ни о чем. Твое дело — просто наблюдать и хранить молчание. Ни слова за два года.

В этот момент сидевший под деревом Махакашьяпа расхохотался, не в силах совладать с собой. Все присутствующие были потрясены — они никогда не слышали от него ни звука, он не разговаривал ни с кем. Кто бы к нему ни обращался, он не отвечал, словно не замечал никого. Люди привыкли к тому, что парень со странностями. Но что случилось? Вдруг, ни с того ни с сего... И он смеялся так красиво, его смех так звонко переливался в тишине, воцарившейся среди присутствующих...

— Почему смеется твой ученик? — спросил Маулингапутта.

— Спроси у него, — отвечал Будда.

Это его единственное упоминание о Махакашьяпе.

— Я смеюсь над ловкостью этого парня, — сказал Махакашьяпа. — Он и меня провел точно так же, как пытается провести тебя. Однако теперь он постарел и предлагает тебе всего два года безмолвия. Мне он велел молчать двадцать лет. Если хочешь спросить его о чем-то, спрашивай сейчас. Через два года будет слишком поздно.

Это единственное упоминание о нем.

Когда Прасанджита преподнес цветы, Будда призвал Маулингапутту и отдал все цветы ему, говоря:

— Все, что можно высказать словами, я уже сказал всем. Все, что нельзя выразить в словах, но только через тишину, я уже передал Махакашьяпе.

Таким образом Махакашьяпа стал первым дзэнским Мастером. Но иных упоминаний о нем не существует. Возможно, тишина стала его методом. Должно быть, многие обрели просветление, просто сидя рядом с ним, но ничего не было высказано. Он был безмолвным Мастером, поэтому после него не осталось никаких записей.

Затем есть еще одна великая веха. Должно быть, их было много, но вторая отправная точка прошлого — это Бодхидхарма. Он был даже еще более странным человеком, чем Махакашьяпа. Он шестой в линии дзэнских патриархов.

После Бодхидхармы новой отправной точкой стал Нансэн. Он открыл новые грани, новые измерения дзэн. Дзэн перестал быть маленьким ручейком и обринулся в океан.

Сегодня мы начинаем цикл бесед о Нансэне. Маленькое введение, биографическая справка:

Нансэн, также известный под именем Нань-Цзянь, родился в Северном Китае в 748 году.

Начал свою медитативную практику, будучи еще мальчишкой.

В тридцатилетнем возрасте Нансэн стал буддийским монахом и много путешествовал, посещая прославленные буддийские монастыри.

Придя в Цзянси и встретив Ма-цзы, Нансэн сразу же стал одним из самых выдающихся его учеников.

Мы уже говорили о Ма-цзы. Не удивительно, что такой пронизательный человек, как Нансэн, сразу же стал... он не упускал ничего. Придя в монастырь Ма-цзы и увидев Мастера, Нансэн сразу же прикоснулся к его стопам.

И это почтение не было односторонним, эта любовь не была односторонней; Ма-цзы тоже одарил Нансэна огромной любовью и почтением. Они посмотрели вглубь друг друга, и между ними сразу же образовалась некая связь. Ма-цзы понял настойчивость и упорство поиска Нансэна. А Нансэн понял: «Это он. Если я не сумею сделать это, находясь с ним, то я не сделаю этого вообще».

Именно так ученик встречается с мастером. Это не поверхностно; это нечто врожденное, интуитивное, непосредственное. Нужно понять слово «непосредственное». Нансэн стал учеником Ма-цзы не из-за чего-то внешнего. Видимой причины не существует. Нет ничего такого, с помощью чего он стал бы учеником, — вот почему это произошло «непосредственно». Никакой причины, никакого видимого повода, ничего, что было бы понятно разуму... однако, что-то передалось от сердца к сердцу. Между ними родилась глубокая любовь, великая любовь.

Он обрел просветление и вскоре ушел из монастыря Ма-цзы.

Потому-то я и назвал этот цикл бесед «Отправная точка». У Ма-цзы были свои методы — он поднял методы Бодхидхармы до величайших высот. Нансэн любил Ма-цзы, но не был готов стать его *последователем*. Если бы он остался, то стал бы последователем Ма-цзы. Но для того, чтобы избежать неловкости, — ведь он бы отошел далеко в сторону от учения своего Мастера, и даже не в одну сторону, — лучше было уйти прочь прежде, чем Ма-цзы предложит: «Будь моим преемником». Тогда уйти было бы уже невозможно.

Он обрел просветление... В обычном случае — куда идти, если ты достиг просветления с этим Мастером? Ты нигде больше не найдешь такой любви и понимания. Больше идти никуда не нужно.

Ты постиг великую песню Мастера и эту незримую музыку. Нет смысла отправляться дальше.

Но причина, чтобы отправиться дальше из монастыря Ма-цзы, состояла в том, что если бы он не ушел тогда, то не смог бы уйти вообще. Едва Ма-цзы предложил бы: «Будь моим преемником», — и Нансэн не смог бы отказать своему мастеру.

Однако он собирался привнести в дзэн много нового. Иногда эти новшества противоречат Ма-цзы — они идут вразрез с выработанными им методами обучения, и Нансэн не хотел, чтобы кто-то потом говорил, что он предал своего Мастера. Именно для того, чтобы не предавать, он просто ушел из монастыря в пятидесятилетнем возрасте.

Нансэн создал собственную общину, куда пришли тысячи учеников.

Маниша принесла нам сутру:

Однажды, когда все монахи в монастыре Нансэна занимались приготовлениями к годовщине смерти Ма-цзы, которая должна была наступить на следующий день, Нансэн спросил у учеников:

— Завтра мы принесем в жертву Ма-цзы вегетарианскую пищу. Как вы думаете, он придет?

Прежде чем мы пойдем дальше... одним из многих правил Ма-цзы была вегетарианская диета. В его монастыре невегетарианская пища была категорически запрещена. И это вынуждает меня вернуться к Будде Гаутаме.

Гаутама Будда был вегетарианцем и придерживался вегетарианской диеты строжайшим образом. И все его последователи тоже были вегетарианцами. Это была своего рода революция, ибо человек жил невегетарианцем в течение миллионов лет. И, согласно Будде, он останется варваром, пока не станет вегетарианцем. Убийство жизни есть уничтожение собственной способности к росту. Нужно уважать жизнь... уважение к жизни способствует росту твоего собственного сознания. И он был совершенно прав.

Но произошло нечто странное... вы сейчас увидите, как лукавый разум человека может перехитрить даже таких Мастеров, как Гаутама Будда.

Он совершенно определенно говорил своим ученикам: «Что бы ни оказалось в твоей чаше для подаяния, принимай это с благодарностью».

Все прекрасно знали, что последователи Будды — вегетарианцы, поэтому люди предлагали его монахам вегетарианскую пищу.

А еще Будда говорил: «Но не отвергайте данное вам с любовью и почтением. Ешьте все, что падает в вашу чашу для подаяний».

Однажды некий монах пошел за подаянием и вернулся крайне озадаченным. Он сказал: «Пролетавшая птица уронила в мою чашу для подаяний кусок мяса. Собрав подаяние, я шел из города, чтобы сесть под деревом (под одним из деревьев в саду, где они остановились), — и съесть свою пищу. Однако проблема состоит в том, что если я выброшу этот кусок мяса, то пойду против слов: «Нужно съесть все, что оказалось в твоей чаше для подаяния». Если же я съем это, то опять-таки пойду против твоего учения: «Будьте вегетарианцами». Так что же мне делать?»

И вся община монахов недоумевала: «Как Будда разрешит этот вопрос?»

Будда подумал: «Если я скажу: «Выбрось этот кусок», — это станет всеобщим законом. Люди начнут выбирать... они съедят все, что хорошо, изысканно, — а остальное выбросят. Это будет против тех жителей земли, которые поддерживают монахов. Нельзя выбрасывать пищу, которую они добывают тяжким трудом. Так что я не могу велеть монахам выбрасывать эти куски. Что же касается птиц, то маловероятно, что в ближайшие тысячелетия еще одна сделает то же самое. Поэтому нет вреда, если один человек однажды съест маленький кусочек мяса».

И Будда сказал:

— Ешь все, что упало в твою чашу для подаяния.

И для хитрого человеческого ума это стало уловкой: «Будда не против мяса, нужно просто не убивать; он против убийства. Если тебе дают мясо, если тебе жертвуют мясо, нужно принимать его с благодарностью».

Поэтому ныне в Японии и Китае буддисты — не вегетарианцы. Ни один буддист там не является вегетарианцем. И в любом магазине или ресторане можно приобрести мясо животных, которые не были убиты специально, — это мясо животных, которые просто умерли сами.

А ведь немногие животные умирают сами. На самом деле очень немногие, — и ты не знаешь точно, как они умерли. Ты когда-нибудь видел, как умирает корова или ворона — как она стала мертвой? Иногда птица задевает провода линии электропередач... или животное просто исчезает, прежде чем умереть. Они уходят далеко в лес, уходят далеко в горы, чтобы найти себе тихое место для смерти.

Тут совсем недалеко есть национальный парк, где живут тысячи оленей. Я часто бывал там. Глубоко в лесной чаще стоит маленький домик у озера, куда ночью приходят на водопой тысячи оленей. И их глаза сияют в ночи, словно звезды. Ты видишь звездные по-

яса, блуждающие вокруг озера и отражающиеся в воде. Это одно из самых великолепных зрелищ, какие мне приходилось видеть.

Глядя на этих оленей, я спросил у человека, присматривающего за домом:

— Ты когда-нибудь видел хотя бы одного оленя мертвым?

— В этот парк приходили миллионы людей, — ответил смотритель, — но никто не задавал мне этого вопроса. Нет, я не видел мертвым ни одного оленя.

И тогда я спросил:

— А ты когда-нибудь задумывался о том, куда они деваются?

— Этот вопрос никогда не приходил мне в голову, — ответил он.

Откуда в Китае, в Корее, в Тайване, в Бирме, в Японии, — во всех буддистских странах... Похоже, животные придумали себе особо изысканное развлечение: они приходят в рестораны и умирают сами по себе — самопроизвольно. И ни один буддийский монах не задается вопросом: «Это же чужь, это невозможно. Должно быть, на животных охотятся и убивают их, только так можно получить невегетарианскую пищу».

Но Ма-цзы был совершенно сонастроен с Гаутамай Буддой.

Поэтому, когда Нансэн устраивал в своем монастыре церемонию в честь ухода Ма-цзы, он сказал ученикам, — и это так трогательно:

— Завтра мы принесем в жертву Ма-цзы вегетарианскую пищу. Как вы думаете, он придет?

Никто не ответил, лишь бывший среди них молодой странствующий монах по имени Тодзан шагнул вперед и сказал:

— Он подождет спутника, с которым можно будет прийти.

— Хотя этот монах юн, он готов к обучению, — заметил Нансэн.

— Почтенный господин не огорчит хорошего человека, отнесишься к нему как к недостойному, — ответил Тодзан.

Тодзан и сам в конце концов стал великим учителем. Он сказал, что Ма-цзы придет — и придет не один.

Он имел в виду обычай Ма-цзы всегда путешествовать вместе с просветленным учеником, ибо его метод обучения был слишком необычен, и многие недоумевали.

Поэтому Ма-цзы вначале направлял людей к просветленному ученику, который мог поговорить с ними и помочь им осознать, что «если хочешь общаться с Ма-цзы, то ты должен быть готовым ко всяким неожиданностям — может случиться все что угодно. Он может тебя отлупить, может сбить тебя с ног, затем прыгнуть тебе на грудь и спросить: «Понял?»

У него были свои методы, и мы не можем сказать, что он шел неверным путем, — ибо благодаря ему обрели просветление сотни учеников. И не имеет значения, какие средства он использовал, — результат был потрясающим.

Если вы обдумаете этот вопрос как следует, то увидите, что этот Мастер проявлял глубокий психологический подход. Приходит незнакомец — он и помыслить не может, что Мастер вдруг на него набросится. Он пришел спросить: «Что есть истина?» Ведь этот вопрос никоим образом не заслуживает того, чтобы Мастер в ответ тут же повалил вопрошающего на пол и уселся верхом, потрясая своим посохом. Очевидно, в этот момент мышление пришедшего остановится. Что можно думать в подобной ситуации? На миг разум со скрипом застывает на месте.

Ма-цзы был необыкновенно сострадателен. Обычно на то, чтобы остановить разум, уходят годы — он умел делать это за минуту. Его методы непостижимы, и поэтому непостижим он сам. Однако человек, осознавший состояние безмолвия, способен постичь. И многие обрели просветление.

Монах только входит в дверь — он еще наполовину внутри и наполовину снаружи, — Ма-цзы захлопывает дверь, защемляя беднягу, тот кричит, а Ма-цзы спрашивает: «Понял?» А ведь монах еще даже не задал вопрос, он еще даже не совсем вошел в храм.

И, как ни странно, эти люди поняли... ведь они больше ни о чем не спрашивали.

Однажды он вышвырнул человека в окно, затем выпрыгнул вслед за ним и спросил его... Несчастный переломал себе кости, но Ма-цзы не интересовали его травмы, он сказал:

— Забудь о переломах! Вначале ответь мне — ты уловил?

Говорят, что тот человек ответил, с трудом переводя дыхание:

— Да, я уловил.

И вот Тодзан говорит об обычае Ма-цзы всегда ходить со спутником, который объяснит его повадки любому незнакомцу, расскажет обо всем в словах и растолкует: «Если ты хочешь, чтобы Ма-цзы поработал над тобой, ты должен быть готов к разным штукам — может произойти что угодно. Он — непредсказуем».

Этот юнец, Тодзан, не был учеником Нансэна, он был всего лишь странствующий монах... Это тоже нужно понять: в Китае, в Японии и в других буддистских странах монахи странствуют из монастыря в монастырь, пока не найдут то сердце, с которым их сердце бьется в едином танце. В каждом монастыре их принимают с почтением. Они остаются на несколько дней

и, если ничего не происходит, идут дальше с благодарностью: «Спасибо, вы позволили мне побыть здесь несколько дней».

Молодой монах Тодзан не был постоянным обитателем монастыря Нансэна.

Он шагнул вперед и сказал: «Он подождет спутника, с которым можно будет прийти». Но он придет — именно это подразумевалось в словах юного монаха, — он придет. Если так много людей отмечают годовщину его смерти, как может он не прийти? Единственная проблема: если он не найдет спутника, то ему будет очень сложно прийти. Однако спутника он найдет — ведь среди мертвых так много просветленных. И если такой человек, как Ма-цзы, скажет кому-то: «Пошли со мной», — пойдет всякий.

А ученики Нансэна не ответили, они упустили суть.

Нансэн проявил красоту своего сердца во всей полноте; хотя он так и не стал преемником Ма-цзы, он обрел просветление с ним.

— *Завтра мы принесем в жертву Ма-цзы вегетарианскую пищу. Как вы думаете, он придет?*

Просветленный может прийти. Известны сотни случаев, когда просветленные приходили. Единственное условие — чтобы вы их пригласили с любовью.

Именно об этом и говорит Нансэн: «Мы приглашаем Ма-цзы с любовью, и мы предлагаем ему...» Ведь Нансэн отошел от вегетарианства и допустил в своем монастыре невегетарианскую пищу. Он рассудил, что если все человечество, — и этот аргумент достоин внимания, — если все человечество примет вегетарианство, то дать пищу всем будет невозможно. Почти девяносто девять процентов людей не являются вегетарианцами. Где вы возьмете столько вегетарианской пищи?

Итак, этот аргумент очень прагматичен: «Нельзя отрицать духовный рост людей лишь из-за их кулинарных предпочтений. Да, это правда, что, придерживаясь вегетарианской диеты, им было бы легче войти в медитативное состояние, но это их проблема. Не будучи вегетарианцами, они с большим трудом смогут достичь высшего сознания, но это не исключено».

Мастерам, не придерживающимся вегетарианства, просто пришлось идти по более сложному пути, но ситуация в мире такова, что обеспечить вегетарианской пищей всех просто невозможно.

Поэтому Нансэн говорит:

— Мы посылаем приглашение Ма-цзы — его просветленной душе, свободной от тела. Мы приносим ему вегетарианскую пищу — это наш знак ему. *Как вы думаете, он придет?* Я думаю, придет; должен прийти.

Просветленный живет в полной свободе, — вне тела, паря, словно белое облако, без корней в земле, без цели. Он движется, просто следуя свободе, — на север ли, на запад, на восток — повинуюсь порыву. Если пригласить его любовью, молитвой, глубокой медитацией, то, пусть ты его и не увидишь, но ощутишь его *присутствие*, — особенно если его присутствие тебе уже знакомо.

Нансэн почувствует, когда придет Ма-цзы. Нансэн знает его аромат, знает его прикосновение, знает атмосферу, которую он приносит с собой.

Он задал прекрасный вопрос, но ни один из учеников не был еще способен понять мистический феномен.

А Тодзан, которому суждено было и самому стать просветленным мастером, естественно, проявил более глубокое понимание. Этот юноша сказал: «*Он подождет спутника, с которым можно будет прийти.* Я знаю его, он не придет один, — это не в его стиле. Если он придет, то вместе с другим просветленным».

Видя, что этот человек понимает, Нансэн отметил:

— *Хотя этот монах юн, он готов к обучению.*

Нансэн не особенно высоко ценит ответ Тодзана, поскольку его ответ обусловлен. И, что касается присутствия Ма-цзы на церемонии, он не обязан следовать старой традиции, согласно которой за ним должен следовать некто.

Он придет сюда не для того, чтобы учить, так зачем же ждать спутника? Спутник был нужен лишь для того, чтобы избежать недоразумений с людьми. А сейчас он будет гостем, нет нужды ждать спутника.

Поэтому Нансэн не очень хвалит монаха, хотя Тодзан и проявил некоторое понимание.

И он говорит:

— *Хотя этот монах юн, он готов к обучению.*

— *Почтенный господин не огорчит хорошего человека, отнесишься к нему как к недостойному, — ответил Тодзан.*

Монах обижен. Должно быть, он думает, что его могли бы оценить выше.

Но я согласен с Нансэном... да, что-то есть в понимании того, что «он придет, но подождет спутника». Но это «ожидание спутника» разрушает все понимание. Поэтому Нансэн говорит: «он готов к обучению».

Но Тодзан оскорблен до глубины души. Он думал, что вызовет восхищение, ведь никто из учеников не сумел ответить, а он, странствующий монах, сказал, что Ма-цзы придет. Он проявил глубокое понимание, а Нансэн это понимание не оценил. Он всего лишь сказал, что Тодзан готов к обучению.

— Почтенный господин не огорчит хорошего человека, отнесишься к нему как к недостойному, — ответил Тодзан.

И это свело на нет ту малую истину, которую он высказал: «Он придет, но подождет спутника». Не стоит обижаться на мастера лишь потому, что, возможно, ты заслуживаешь большего, чем получил. И мастер ни в коей мере не заинтересован в том, чтобы кого бы то ни было оскорблять. Чего он добьется оскорблениями? Но он не может давать и слишком высокие оценки, ибо это сверх меры раздует твое эго. И таким образом мастер может стать преградой на пути твоего продвижения.

На том этапе Тодзан еще не понимал.

Эти небольшие эпизоды исключительно полезны в том случае, если вы понимаете, что мы изучаем их не просто ради изучения. Мы — люди пути. Мы все движемся в одном направлении. Поэтому нам следует обращать внимание на все, что случается на пути: ошибки, отклонения от пути в погоне за мелочами, злость на мастера; а ведь мастер шлепнул тебя лишь из любви и сострадания, он шлепнул тебя не ради собственного удовольствия.

Если ты поймешь эти эпизоды правильно, они помогут тебе в твоей личной эволюции, помогут тебе обрести центр.

Стихотворение Секисё:

*Священное и мирское изначально живут
в одном доме.*

Сострадательными руками

Великий Мастер

впервые открыл двери.

*Не спрашивай кто и много ли
людей в палатах.*

*Эти балки и черепица вмещают всё —
небо и землю.*

Секисё... великое прозрение.

Он говорит: *Священное и мирское — материальное и духовное — изначально живут в одном доме. Сострадательными руками Великий Мастер впервые открыл двери.*

Это утверждение, что мирское и священное живут в одном доме, представляет собой настоящее открытие. Тут впервые открываются прежде неведомые двери — ибо все мастера всегда проклинали материальное, мирское и восхваляли священное, духовное. Они всегда разделяли Зорбу* и будду. В их понимании Зорбу нужно убить — лишь тогда может обрести существование будда. Это — история всех религий.

Нансэн открыл новую дверь, сказав:

*Священное и мирское изначально живут в од-
ном доме.*

Секисё был учеником Нансэна.

*Сострадательными руками Великий Мастер
впервые открыл двери. Не спрашивай кто и мно-
го ли людей в палатах.*

Количество не имеет значения. Не спрашивай, сколько людей вошли в палаты. Важно лишь то, что

* Зорба — персонаж романа греческого писателя Никоса Казандзакиса «Грек Зорба» (К.: София, 2003. Серия «Игра в бисер»). Зорба — человек жизни, безраздельно и искренне любящий мир во всех его материальных проявлениях. Ошо не раз говорит о том, что слияние Зорбы (полная погруженность в мир) и будды (взгляд на мир извне) — есть высшее состояние человека, высшее состояние буддовости. — Прим. перев.

Нансэн открыл эту дверь, — теперь мирское и священное могут быть вместе. Им не нужно быть порознь.

Это радикальнейшая отправная точка по отношению к прошлому.

Не спрашивай кто и много ли людей в палатах. Эти балки и черепица вмещают всё — небо и землю.

Когда в храме живет такой человек, как Нансэн, то балки и черепица тоже становятся божественными, — они священны, но их святость не противоречит мирскому. Нансэн соединил небо и землю.

Я бесконечно люблю Нансэна за его понимание, что земля и небо не отделены друг от друга — они неразделимы. И нужно радоваться им обоим.

Маниша спрашивает:

*Наш любимый Мастер!
Почему Ты назвал этот цикл бесед «Нансэн:
Отправная точка»?*

Потому, что он впервые открыл двери, ясно показав, что священное и мирское — одно, просто разные точки зрения. Нет нужды истязать тело ради очищения души. Они могут вместе танцевать самый священный танец. И если духовность не трансформирует даже твое тело, значит это, на самом деле, не духовность.

Зорбу не нужно убивать, Зорбу нужно трансформировать. Зорба — это будда, но только семя будды. Не нужно разрушать семена. Нужно просто найти для них подходящую почву, подходящий климат и дожждаться времени года, когда облака принесут дожди, — тогда семена прорастут. Семена и цветы неразделимы: в се-

мени таится цветок, цветок — это вышедшее на свет семя.

Поэтому, Маниша, я и назвал данный цикл «Нансэн: Отправная точка». Нансэн — важнейшая отправная точка по отношению к духовности прошлого, ведь он воспринимает мирское и духовное вместе, воспринимает их как одно, как два аспекта единой реальности.

Вы можете понять мою любовь к Нансэну, ведь Нансэн забыт даже его преемниками. В их учение снова пришло то же разделение: «Это материальное, это банальное, это не духовное». Плоды усилий Нансэна уничтожили его же преемники. И никто не обратил внимания на великую отправную точку.

Я должен обратить ваше внимание на эту отправную точку, ибо понимаю этот вопрос точно так же, как Нансэн. Я хочу, чтобы небо и земля были вместе. Только в их единстве целостность; только в их единстве радость; только в их единстве завершенность. Сам по себе будда — половинка, сам по себе Зорба — половинка, и, пока они не будут вместе, им не достичь целостности.

Я хочу, чтобы мои люди были целостными личностями, которые ничего не отвергают, но все трансформируют и включают в свой духовный рост.

А теперь поговорим о серьезном:

Прекрасный летний день. Суббота. Забриски решил впервые в жизни позагорать нагишом. Забриски взобрался на крышу многоэтажного дома, где он живет, улегся на солнышке и совсем забыл о времени. Через пять часов он обнаружил, что зажарился едва ли не до хрустящей корочки.

Вечером Забриски лежит в постели со своей новой польской подругой Кармен Клопски, чуть не воя от боли. Наконец он встает с кровати, идет на цыпочках на кухню, наливает высокий

стакан ледяного молока, погружает туда свою распухшую машинку и облегченно постанывает. Вдруг в дверях появляется Кармен.

— О Боже! — изумленно восклицает она. — Значит, вот как вы, парни, заправляете эту штуку!

Дьявол Люцифер спокойно подрумянивает над вечным пламенем ада ломтики хлеба для вечернего чая. Вдруг он слышит сильнейший удар в ворота.

Дьявол тревожно оглядывается и видит длинный серебристый «роллс-ройс», едущий сквозь ревущие языки адского пламени. На переднем сиденье «роллс-ройса» сидит визжащая от восторга девушка, а на заднем бампере стоит рослый мужчина в тюрбане и смеется что есть мочи.

Вслед за стоящим на бампере человеком идет целая процессия поющих и веселящихся людей.

Новоприбывшие располагаются в преисподней как у себя дома, и дьявол скоро обнаруживает, что ад стал совсем не тот, что прежде.

Тогда Люцифер звонит Богу, чтобы тот срочно пришел и помог навести порядок. Бог прибывает в ад и изумляется увиденному.

— Что случилось с вечным огнем и проклятием? — спрашивает Бог. — Это место ничуть не напоминает то, что мы рекламируем на земле!

— Это ужасно. Ужасно! — тяжело вздыхает дьявол. — Но после того, как сюда приехал Раджниш со своими санньясинами, мы даже не успеваем кондиционировать воздух в нашем заведении.

Король Карл Испанский, принц Бернар Нидерландский и принц Филипп Английский сидят вместе в баре и выпивают. Немного опьянев, они

начинают наперебой бахвалиться длиной своих членов.

Вокруг них понемногу начинают собираться зеваки, и тут король Карл достает свою машинку и выкладывает на стол. Шесть дюймов! Все аплодируют и поют государственный гимн Испании.

Тогда принц Бернар выкладывает на стол свой прибор. Восемь дюймов! Все радостно визжат и поют государственный гимн Нидерландов.

Наконец спускает брюки принц Филипп и выкладывает на стол свои двенадцать дюймов.

Толпа восторженно замирает, а затем все хором начинают петь:

«Боже, храни королеву».

Ниведано...

Ниведано...

Тишина.

Закрой глаза и почувствуй, что все твое тело окаменело.

Теперь посмотри внутрь себя.
 Собери воедино все сознание и отправляйся
 прямо к центру своего существа.
 Этот центр — дверь в вечность.
 Этот центр идет за порог смерти.
 Войди в него глубже. Это твой будда.
 Ты должен жить им каждый день своей жизни.
 Мне не по душе монахи.
 Я хочу, чтобы будды были везде,
 в любой деятельности.
 Я хочу, чтобы весь мир наполнился буддами.
 Это единственный способ превратить мир в рай.

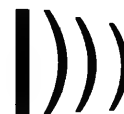
Чтобы стало понятнее, Ниведано...

Расслабься и просто будь свидетелем своего тела,
 своего разума и той великой тишины,
 что царит над ними...
 Кого в этот миг интересуют числа?
 В этот миг все становится священным;
 все превращается в вечное сокровище...
 в истину, в добро, в красоту.
 Крепко держи будду,
 тебе нужно вынести его наружу.
 Ты должен прожить его в своей жизни —
 мгновение за мгновением.
 Этот вечер прекрасен сам по себе,
 но ты превратил его в само великоление,

в возвышенный опыт,
 в тайну,
 в момент волшебства.
 Принеси это волшебство с собой.

Ниведано...

Возвращайся, но возвращайся как будда —
 безмолвно, изящно.
 Посиди несколько минут и вспомни то место,
 где ты только что был, тот храм,
 который посетил, и тропу,
 ведущую к этому храму.
 Тропа, по которой ты пришел туда, —
 это та же тропа, по которой ты вернулся.
 Понемногу, понемногу,
 эта тропа станет совершенно отчетливой.
 И буддовость уже не будет вопросом,
 она станет твоим опытом.

- Хорошо, Маниша?
- Да, наш любимый Мастер.
- Можем ли мы праздновать явление десяти тысяч будд?
- Да, наш любимый Мастер!

Иди за пределы пустоты

Беседа 2
6 октября 1988

Наш любимый Мастер...

Некий монах спросил у Нансэна:

— Есть передача от патриарха к патриарху.
И что же такое они хотят передать друг другу?

— Один, два, три, четыре, пять, — ответил Нансэн.

Тогда монах спросил:

— Чем владели древние?

— Когда можно будет овладеть этим, я тебе скажу, — ответил Мастер.

— Для чего бы тебе лгать, Мастер? — спросил монах с сомнением.

— Я не лгу. Это лгал, — сказал Мастер.

В другой раз некий монах спросил у Нансэна:

— В небесах есть сокровище. Как нам овладеть им?

— Срежь бамбук, смастери лестницу, — отвечал Нансэн, — прислони ее к небу и достань его!

— Как же можно прислонить к небу лестницу? — спросил монах.

— А как ты можешь сомневаться в том, что уже владеешь сокровищем?

Маниша, очень редко удается последовательно сопоставить деятельность двух мистиков. Но иногда могут совпадать их слова, символы, метафоры. Это происходит случайно, поскольку нередко бывает, что они даже ничего не знают друг о друге. Именно так обстоят дела с эпизодом, который принесла нам Маниша...

Некий монах спросил у Нансэна:
— Есть передача от патриарха к патриарху.
И что же такое они хотят передать друг другу?

Это очень содержательный вопрос, однако на него почти невозможно ответить. Но само существо Мастера направлено на то, чтобы втиснуть невозможное в рамки возможного — если не саму луну, то хотя бы ее отражение. Отражение можно дать. А по отражению можно найти и саму луну.

— Один, два, три, четыре, пять, — ответил Нансэн.

Этот ответ напоминает мне о Кабире. Не думаю, что они слышали друг о друге, но именно так отвечал на вопросы Кабир, — в точности так. Кому-то такой ответ покажется головоломкой, но это не головоломка. Это просто способ указать на то, о чем невозможно сказать словами.

Этот опыт — о небытии (*nothingness*). Ибо, когда ты переживаешь просветление, оно *одно*; ничего кроме просветления не существует, все это — небытие. Но ты тут же осознаешь просветление, то есть приходит осознание, — и вот их уже *два*. В тот миг, когда ты осознаешь, твое осознание еще неуловимо, оно еще не осмыслено. Когда ты осмысливаешь этот опыт как просветление, как пробуждение, как буддовость, их тем самым становится *три*. Когда ты рассказываешь об этом другому человеку, — это и есть передача, — когда ты передаешь это, сообщая об этом еще кому-то, это *четыре*. А если человек, которому ты передал, понимает тебя, это *пять*.

С каждым шагом ты уходишь все дальше от небытия, но с этим ничего не поделаешь. Такова природа реальности. И когда вы понимаете, что имеют в виду

эти мистики, говоря *один, два, три, четыре, пять*, их слова уже не кажутся вам головоломкой. На пяти передача завершена.

Тогда монах спросил:

— Чем владели древние?

«Древние» — это не люди давних времен. «Древние» — это люди, достигшие высот сознания. Они — истинные древние, но не во времени, а в сознании. Во времени они могут быть твоими современниками, они могут сидеть рядом с тобой. Что касается времени, то ты вполне можешь быть современником будды. Но, поднявшись на высоты сознания, он ушел очень далеко отсюда. Он стал древним.

Обычно, когда человек стареет, мы не говорим, что он древний. Мы просто называем его старым. Но если человек становится буддой, это значит не только то, что он постарел во времени — созрел, вырос, — но и то, что он достиг источника жизни за пределами времени; этого же достигли все древние будды. Это один и тот же источник. Теперь он — одно со всеми буддами древности.

Поэтому, когда вы слышите подобные вопросы, не забывайте: «древние» не означает «старика» или «люди былых времен». Это значит «люди великого сознания», «жильцы вершин бытия». Они — истинные древние. Они могут жить с вами в одно время, но вы существуете на разных уровнях, и их нельзя назвать вашими современниками.

— Чем владели древние?

— Когда можно будет овладеть этим, я тебе скажу, — ответил Мастер.

Мастер говорит о том, что этим никто не может владеть, — ни ты, ни кто-либо из древних. Когда ты достигнешь этого опыта, он тебя ошеломляет. Он овладевает тобой, а не ты им. Он овладевает тобой — понимаешь разницу? Этот опыт гораздо больше, чем ты. Ты вливаешься в него.

Мастер прав, говоря: *«Когда можно будет овладеть этим, я тебе скажу»*. Насколько я знаю, этим нельзя овладеть, нужно подготовиться к тому, что оно овладеет тобой. Но дзэн не заканчивает предложения, он оставляет все открытым, он просто дает намеки. Это испытание разума ученика... сможет ли он закончить предложение сам?

«Для чего бы тебе лгать, Мастер? — спросил монах с сомнением. «Ты овладел этим. И ты мне лжешь». Он упустил суть. Не мастер овладел этим, а это — мастером. Поскольку это переживание овладело мастером, мастера больше нет. Это чистая пустота, через которую может пройти все сущее — без преград, просто чистое восприятие.

— Я не лгу. Эно лгал, — сказал Мастер.

Эно был учителем Нансэна. Нансэн говорит: «Тебе следовало бы пойти к Эно. Он лгал мне, говоря: «Да, истиной можно овладеть». Но, когда я дошел до сути, дошел до того утеса, откуда прыгаешь в ничто, все оказалось совсем иначе... это овладело мною. Меня нигде не осталось, этот опыт слишком велик. Я не могу держать его в руках, он держит меня со всех сторон. Я не лгу. Если хочешь услышать ложь, отправляйся к мастеру Эно. Он солгал мне».

Но все это сказано с огромным уважением... «Благодаря этой лжи я смог прийти до точки, где мною овладела истина. Если бы он не солгал, я не сдвинулся бы ни на дюйм».

Всем мастерам приходится лгать, ибо нет способа высказать истину. Но можно начать движение по направлению к истине, используя определенные методы.

Я много раз рассказывал эту историю. Горит дом одного человека. Внутри находятся маленькие дети. Снаружи собралась толпа, и люди кричат детям: «Выходите из дома! Двери и окна открыты! Вы еще можете выйти! Через несколько минут выйти уже будет невозможно!» Но никто не решается броситься внутрь — слишком опасно. Слишком сильно бушует пламя.

Именно в этот момент возвращается из магазина отец. Дети не слушали соседей, поскольку не понимали. Им нравится пламя, охватившее дом, они никогда прежде не видели такого прекрасного зрелища. Они танцуют, веселятся и никак не могут понять, зачем нужно уходить из дома.

Но вот пришел отец, и люди сказали ему: «Сделай что-нибудь поскорее, скоро все выходы будут объяты огнем. Мы кричали, но твои дети очень странные. Они танцуют, поют и играют. Им нравятся красивые огни, пляшущие в доме».

Теперь уже точно нет ни времени, ни пути, чтобы войти в дом, и тогда отец закричал: «Я принес игрушки, которые вы просили».

И дети тотчас выскочили через последнее окно, которое еще не было объято пламенем. Они подбежали к отцу и спросили: «Где наши игрушки?»

Тот ответил: «Простите, сегодня я забыл купить их, но завтра принесу их точно».

Он солгал детям, но тем самым спас им жизнь, и поэтому об этом отце ничего плохого не скажешь.

Нансэн не жалуется на своего Мастера, он просто говорит, что тот был достаточно сострадателен, чтобы солгать. «Я не лгу, я просто говорю: *«Когда можно будет овладеть этим»*. Если наступит время, когда этим

можно будет овладеть, я тебе скажу. А сейчас это владеет мной, поэтому я ничего не могу тебе сказать».

Монахом овладели сомнения. Он сказал: *«Для чего бы тебе лгать, Мастер? Ты знаешь, и все знают, что у тебя это есть»*. Но вся проблема — в языке. Он говорит: *«У тебя это есть»*, — а нужно было сказать: *«Ты есть у этого»*, — и все было бы совсем иначе.

Мастер ответил: *«Я не лгу*. Я просто прямо говорю, как обстоят дела. Ты спрашиваешь у меня: *«Владеешь ли ты этим?»* Я не владею. А если когда-то овладею, то скажу тебе. Если ты думаешь, будто я лгу, то знай, что это не так. Лгал мой мастер Эно. Благодаря его лжи я тоже стал мастером. Тебе стоило бы отправиться к Эно».

В другой раз некий монах спросил у Нансэна:

— В небесах есть сокровище. Как нам овладеть им?

— Срежь бамбук, смастери лестницу, — отвечал Нансэн, — прислони ее к небу и достань его!

— Как же можно прислонить к небу лестницу? — спросил монах.

— А как ты можешь сомневаться в том, что уже владеешь сокровищем?

Вопрос не в том, как построить лестницу, вопрос в том, как развеять сомнения. И сокровище находится не в небе, оно в тебе. В небе только его отражение — так луна отражается в озере. Само сокровище находится в тебе, а далеко в небе — только отражение.

«Ты задал мне глупый вопрос, я дал тебе глупый ответ. Не задавай глупых вопросов, и я скажу правду. С чего ты взял, будто сокровище находится в небе? Ты когда-нибудь заглядывал в себя? Если бы ты заглянул в себя, то был бы изумлен... вся красота бытия — всего лишь отражение твоего внутреннего великолепия.

И все, что ты видишь снаружи — дивные розы, величественные звезды, — меркнет в тот миг, когда ты смотришь в себя. А пока у тебя даже нет критериев, позволяющих судить, где отражение, а где реальность».

Посмотри внутрь себя, и ты увидишь реальность — ее аромат, ее незабываемость, ее величие, — а все внешнее окажется таким бледным... всего лишь отражение.

Помни, что, прежде чем задать мастеру вопрос, нужно как можно глубже в этот вопрос взглядеться. Необходимо сделать этот вопрос более разумным, более значимым. Лишь тогда, когда поймешь, что вопрос созрел, что он отполирован до совершенства, что его уже нельзя сделать более разумным, — тогда спрашивай. Лишь на разумный вопрос можно дать разумный ответ. Если же вопрос глупый, то мастер дает глупый ответ. Он делает это только из доброты. Можно было бы просто сказать: «Не задавай глупых вопросов», — но вместо этого он отвечает:

— Срежь бамбук, смастери лестницу, прислони ее к небу и достань его!

Любой сколько-нибудь умный человек поймет, что получил глупый ответ потому, что задал глупый вопрос. Мастер не хочет говорить это прямо, но косвенно указывает на то, что вопрос был дурацким. Но вопрошающий на этом не останавливается, он идет дальше. Это особая проблема: когда глупец вырастает, он становится еще глупее; созрев и возмужав, идиот становится еще большим идиотом. Старые идиоты особенно опасны, — именно потому, что они старые, а люди полагают, будто старики мудры.

У Секисё есть стихотворение:

*Шесть лет просидел один,
неподвижный, словно змея*

*в бамбуковом стебле,
нет семьи, есть только лед
на заснеженной вершине горы...
Прошлой ночью, увидев, как пустота неба
разлетелась на куски,
он разбудил утреннюю звезду
и удержал ее в своих глазах.*

Необычайно красивое стихотворение. Он говорит: *Шесть лет просидел один* — то есть медитировал; «сидение» в дзэн эквивалентно медитации, когда просто сидишь и ничего не делаешь. *Шесть лет просидел один, неподвижный, словно змея...* Подстерегая добычу, змея застывает в полной неподвижности, словно умерла. Стоит ей совершить малейшее движение, и птица, которую она собирается поймать, улетит; бабочка, которую она собирается поймать, упорхнет. Змее нужно сохранять полную неподвижность, словно она умерла.

...Неподвижный, словно змея в бамбуковом стебле, нет семьи, есть только лед на заснеженной вершине горы. Прошлой ночью... просидев шесть лет, он созрел. Прошлой ночью наступил момент великого благословения.

Прошлой ночью, увидев, как пустота неба разлетелась на куски, он разбудил утреннюю звезду и удержал ее в своих глазах. Здесь речь идет о внутреннем небе, о внутренней пустоте, которая внезапно отступила. Он удерживал ее шесть лет. А прошлой ночью эта пустота внезапно разлетелась на куски. Он думал, что для медитации достаточно оставаться пустым. Но просто оставаться пустым — это только начало. Приходит миг, когда пустота разлетается на куски. Ты выходишь за пределы пустоты.

Прошлой ночью, увидев, как пустота неба разлетелась на куски, он разбудил утреннюю звезду... Он говорит о своем внутреннем существе. Пустота, разлетаясь

на куски, разбудила утреннюю звезду, и он удержал ее в своих глазах. Теперь он несет эту звезду в глазах, — несет эту чистоту, этот свет, эту сияющую драгоценность, которая находится не в небе, но таится где-то в твоей пустоте, скрытая за мыслями и эмоциями. Твой разум заслоняет ее, но где-то внутри она сияет ярко. Нужно только настроиться на нее — и ты обрел совершенство.

Маниша спросила:

Наш любимый Мастер!

Ты часто говорил, что у Тебя не будет преемников. Но не станут ли все те люди, что Тебя любят, Твоими преемниками в том смысле, что мы несем Тебя в своей крови и плоти и поэтому Ты навсегда стал частью нас?

Маниша, сама идея преемственности является бюрократической. Идея преемственности не годится для мира сознания. Поэтому-то я и говорю, что у меня не будет преемников. Но ты права, что ваша кровь и плоть пропитались моей любовью, моим мировосприятием. Однако не используйте слово «преемник», лучше говорите, что вы *будете* мной. Зачем уходить так далеко от меня, становясь преемником, если можно быть *мной*? Будьте настолько пусты, чтобы я мог в вас поселиться, чтобы ваша пустота могла впитать мою пустоту, чтобы ваши сердца танцевали вместе с моим сердцем. Это не преемственность, это *передача*.

Сама идея преемственности является политической. Преемником может стать только один человек, поэтому неизбежно возникают амбиции, начинается конкуренция. Неизбежно возникает подспудная борьба за то, чтобы оказаться поближе к мастеру, оттеснив остальных. Возможно, на поверхности это незаметно,

но подспудно в сознании учеников стоит проблема: «Кто станет преемником?»

Я разрушил всю эту концепцию. Каждый любящий ученик обретает единство с мастером. Нет нужды ни в конкуренции, ни в *единственном* преемнике. Всё доступно всем, кто отдал себя с глубокой благодарностью, кто в некотором смысле обрел единство с мастером. Нет нужды конкурировать. Тысячи людей могут обрести один и тот же опыт, миллионы.

Для того чтобы религия не была отягощена политической, я сказал, что у меня не будет преемников. Я хочу, чтобы религия была абсолютно свободна от амбиций, от конкуренции, от ощущения, будто ты выше кого-то, от попыток поставить других ниже себя.

Со мной вы все равны. Я люблю вас и верю, что вы и впредь останетесь равными. Среди равных нет конкуренции, есть лишь совместное усилие. Вы все понесете мое послание, но никто не будет выше или ниже других, никто не станет преемником. Вы все любите меня и понесете меня в себе.

Мне вспомнился один случай: у Рамакришны был рак горла. На последней стадии он не мог даже пить воду. Все его ученики говорили: «Почему ты в молитве не попросишь Бога избавить тебя от рака? Мы знаем, что стоит тебе попросить, и твоя молитва будет услышана. Если же не будет услышана даже твоя молитва, значит, молитвы вообще ни к чему».

Рамакришна был таким человеком, что, если Бог не слышит его молитву, значит, либо Бога нет, либо Он глух. Если даже молитва Рамакришны останется без ответа, значит, никто в целом мире не может надеяться на исполнение молитв. И так, ученики настаивали снова и снова, но Рамакришна всякий раз отвечал:

— Мне кажется, это неправильно. Вы настаиваете, и я уже закрываю глаза для молитвы, но я не могу ниче-

го просить у Сущего. Возможно, рак мне нужен, иначе зачем он мне дан? Не может быть, чтобы я был мудрее Сущего.

В отчаянии ученики обратились к Шарде, жене Рамакришны:

— Поговори с ним, он не послушается никого, кроме тебя. Но будь очень настойчива.

Шарда поговорила с Рамакришной, и он ответил:

— Я так и знал, что ученики привлекут тебя к этому делу, и я не могу отказать тебе, поскольку никогда не отказывал. А ты никогда ни о чем и не просила. Сегодня ты впервые в жизни обратилась ко мне с просьбой, и как я могу отказать тебе в эти последние минуты своей жизни? Я попробую.

Он закрыл глаза, но через несколько секунд снова открыл их и расхохотался.

— Что произошло? Ты попросил? — спросила Шарда.

— Я спросил, — ответил Рамакришна. — И получил ответ: «Зачем ты настаиваешь на том, чтобы у тебя было свое горло? Пей устами всех своих учеников — ведь у каждого из них есть горло. Зачем ты так упорно идентифицируешь себя со своим телом? Почему бы не слиться со всеми, кто любит тебя?» Потому я и рассмеялся — ведь этот ответ был известен мне заранее. А ты без нужды заставила меня разыгрывать из себя дурака перед Сущим.

Если ученик любит мастера, если между ними есть доверие — и доверие, основанное на опыте, — то он понесет послание мастера.

А теперь поговорим о серьезном.

У Рональда Рейгана заканчивается президентский срок. И вот, для того чтобы прослыть большим ценителем искусства, он открывает галерею в Вашингтоне. На открытие Рейган пригласил Папу Польского, Маргарет Тэтчер и

Михаила Горбачева... кроме того, он взял своего старого приятеля, шимпанзе по имени Бонзо.

И вот Рейган в сопровождении голубого гида, Реджинальда, показывает этим всемирно известным особам коллекцию бесценных произведений.

— Ах вот, посмотрите, — говорит Рейган, новоиспеченный знаток искусства, — эта картина принадлежит кисти Рембрандта.

— А вот и нет, — говорит Реджинальд, — это Сальвадор Дали.

После секундного замешательства гости вздыхают и отправляются дальше.

— А это полотно, — с гордостью говорит Рейган, — написал Моне.

— Нет, — снова поправляет Реджинальд. — Это Ван Гог.

Рейган останавливается у следующего полотна, смотрит на него и так, и этак, чешет затылок и наконец громко объявляет:

— Ну уж это точно Пикассо.

— Ты снова ошибся, Ронни, — говорит Реджинальд. — Это зеркало!

Семья Малохолкинсон собирается в театр. Никто не хочет остаться дома, чтобы присмотреть за бабушкой, поэтому приходится взять его с собой.

Драма приближается к кульминации, и тут в пятом ряду партера начинается возня: старик Малохолкинсон ползает между кресел на четвереньках.

— Дедушка! — громко шепчет Борис. — Сядь на место!

— Не могу, — отвечает дедушка, — я уронил ириску.

— Сядь! — вскипел Борис. — Ты срываешь спектакль из-за какой-то вшивой ириски. Если ты сядешь на место, я куплю тебе целый пакет.

— Мне нужна именно эта, — говорит бабушка.
 — О Боже! — восклицает Борис. — Что же такого особенного в этой ириске?
 — В ней застряла моя челюсть!

Папа Польский отправился в путешествие в Индию стоимостью десять миллионов долларов. Естественно, первым делом он поехал в Калькутту, чтобы навестить мать Терезу.

В самый разгар приветственного обращения Папы к большому собранию христиан Индии к нему подходит маленький мальчик.

— Святой отец, — спрашивает мальчик, — у меня есть вопрос. А кем вы были бы, если бы ваш папа был гориллой и мама тоже гориллой?

Папа Польский раздражен, но, выдавив из себя улыбочку, он отвечает:

— Думаю, сын мой, что я, несомненно, был бы гориллой.

Чуть позже, во время проповеди, тот же мальчик перебивает папу вопросом:

— Святой отец, а если бы ваш папа был ослом, а мама ослицей, кем бы вы были в этом случае?

Папа Польский очень растерян, ему кажется, что над ним издеваются, но, сохраняя невозможное выражение лица, он отвечает мальчику напряженным голосом:

— Естественно, сын мой, я был бы ослом.

После проповеди Польский Папа случайно встречает этого мальчишку на улице. Он хватается за шиворот, тащит в укромный переулок и, кипя от злости, шипит:

— Ну ладно, умник, теперь задам вопрос! Если бы твой папа был гориллой, а мама ослицей, кем бы ты был?

— Но это же проще простого, — просиял мальчик, — я был бы Папой Польским!

Ниведано...

))))

Ниведано...

))))

Тишина.

Закрой глаза и ощути,
 будто твое тело обратилось в лед.

Теперь посмотри внутрь себя, — спеши,
 словно это последний миг твоей жизни.
 Иди так глубоко, как только сможешь.

В самом конце находится
 твой жизненный источник.

Это не очень далеко.

Нужно лишь немного смелости — смелости,
 чтобы войти в неведомое, —
 и ты уже у самого источника жизни.

Это пространство называется буддой.

Это — не достижение, это — открытие.
 Будда был с тобой всегда, он — твоя природа.
 Даже если ты захочешь его потерять,
 ничего не выйдет, ты можешь только забыть
 о нем — или вспомнить.
 Только две возможности.
 Ты прожил миллионы лет в забывчивости.
 Изначальное значение слова «грех» —
 забывчивость.

Теперь настал миг,
 когда ты можешь изменить свое лицо,
 свое существо, превратив его в воспоминание. Па-
 мять — это единственная добродетель,
 как забывчивость — единственный грех.

Посмотри, собрав воедино все свое сознание,
 и ты обнаружишь, что являешься буддой.

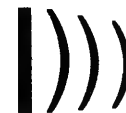
Чтобы стало понятнее, Ниведано...

Просто будь свидетелем своего тела и разума.
 Ты — не тело и не разум.
 Ты — только чистый свидетель.
 Твоя буддовость состоит только
 из чистого свидетеля — зеркала,
 которое отражает все, но не подвергается
 никаким влияниям со стороны чего бы то ни было.

Этот вечер прекрасен сам по себе,
 но ты сделал его еще более прекрасным,
 воистину незабываемым.
 Ты превратил его в золотой миг,
 веку своей жизни,
 ибо этот будда,
 это свидетельство должно стать
 твоим образом жизни.
 Тебя может трансформировать только
 пламя свидетельства, иного пути нет.
 Это отправная точка на дороге из невежества
 в мудрость, из тьмы в свет, из смертности
 в бессмертие, из времени в вечность.
 В этот дивный миг в Будда-Храме
 уже нет десяти тысяч человек,
 есть лишь единое океаническое сознание.
 Этот океан овладел каждым —
 каждый в нем растворился.
 Это — величайшее событие,
 какое только может произойти в жизни человека.
 И, если ты сможешь воплотить его
 в своей повседневности, в своих действиях,
 жестах, словах, молчании, значит,
 ты достиг величайшего пика Гималаев —
 Гималаев сознания.

Ниведано...

Позови будд обратно,
 кто-то может зайти слишком далеко.
 Возвращайся, но возвращайся как будда, —

*Безмолвно, изящно, помня, что ты — будда.
Не забывай об этом.*

*Я должен звать вас обратно,
как только вижу, что некоторые достигли точки,
откуда они могут совершить прыжок
за пределы будды.*

Оттуда нет возврата.

Будда — это последняя веха;

здесь дорога заканчивается.

Те, кто ушел за пределы будды,

просто растворились в Сущем.

Будда и сам говорил, что есть еще один шаг.

Все путешествие складывается всего

из двух шагов...

первый шаг — от тебя к будде, и второй —

от будды к океаническому существованию.

Вначале нужно постичь до конца первый шаг.

Когда вы будете жить в этом состоянии

двадцать четыре часа в сутки,

тогда я не скажу «Ниведано»,

чтобы призвать вас обратно,

и вы можете совершить этот прыжок, —

но не раньше, чем созреете.

Созрейте, и тогда прыжок произойдет сам собой.

Для этого не нужно прикладывать усилия.

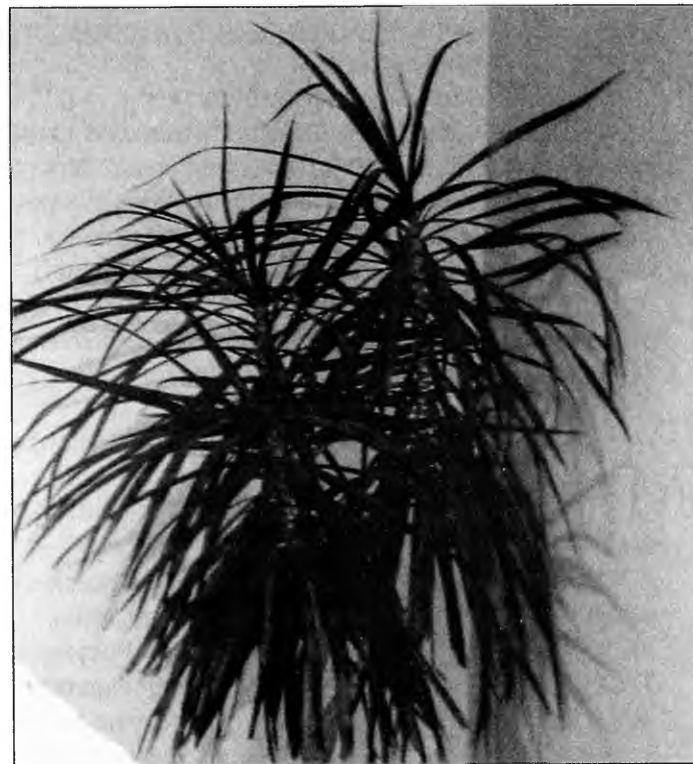
Это совершенно спонтанно.

— Хорошо, Маниша?

— Да, наш любимый Мастер.

— Можем ли мы праздновать явление десяти тысяч будд?

— Да, наш любимый Мастер!

Стремись настойчиво

Беседа 3

7 октября 1988

*Наш любимый Мастер...**Однажды наместник сказал Хансэну:**— У меня в доме есть камень. Иногда он стоит вертикально, иногда ложится плашмя. Скажи, можно ли вырезать из него образ Будды?**— Да, — ответил Хансэн, — это возможно.**— Но в то же время это невозможно, не правда ли? — возразил наместник.**— Это невозможно! — решительно произнес Хансэн. — Это невозможно.***М**аниша, небольшая справка:

Одним из самых выдающихся учеников Хансэна был Лу Сюань, наместник провинции Сюань, позже ставший известным под именем Рикую Тайфу. После того как Хансэн провел тридцать лет в уединенной горной обители, ни разу не выходя в мир, он в конце концов внял просьбе наместника спуститься в долину и учить людей дзэн. С тех пор он стал очень известен.

Однажды наместник попросил Хансэна прокомментировать высказывание о том, что все вещи происходят из одного и того же источника — ведь тогда получается, что ничто не может быть ни правильным, ни неправильным. Хансэн указал на клумбу пионов в саду и сказал: «Наместник, когда нынешние люди смотрят на эти цветы, они видят их словно во сне».

Наместник сделал очень важное замечание. Если у всего один источник, значит нет ни правильного, ни неправильного; ни хорошего, ни плохого; ни Бога, ни дьявола. Именно так и есть на самом деле, а все наши представления о правильном и неправильном — всего лишь суждения ума, ничего не знающего об источнике.

Наши представления моралистичны, но не религиозны. Они не основаны на опыте изначального источника, откуда все происходит и где все в конце концов исчезает, — так волны поднимаются из океана и падают обратно в океан.

Для того чтобы жить этим пониманием, нужна огромная смелость; нужен не судящий разум. А нас с детства приучали выносить суждения по поводу каждой отдельной вещи: это правильно, а это неправильно.

Мальчика в школе спросили:

— Как тебя зовут?

— Нельзя! — ответил малыш.

— Нельзя? — переспросила учительница. — Никогда не слышала такого имени.

— Что бы я ни делал, — сказал мальчик, — куда бы ни направился, мне всегда говорят: «Нельзя!» — вот я и подумал, что это мое имя.

Но на самом деле в таком положении оказался каждый из нас. Каковы твои критерии правильного и неправильного? Кто дал тебе эти критерии? Как ты решаешь, как судишь? Вся наша мораль — это всего лишь созданные людьми удобства. Все, что удобно для общества, становится морально приемлемым.

Например, природа распорядилась так, что на каждые сто мальчиков рождается восемьдесят четыре девочки. К тому времени когда они достигают брачного возраста, их число уравнивается. Мальчиков умирает больше, у девочек выше иммунитет.

У людей сила ассоциируется только с мышцами, но бывают и другие разновидности силы. У женщин выше сопротивляемость к заболеваниям, они заболевают не так часто. И к четырнадцати годам умирают в среднем шестнадцать мальчиков из ста. К этому возрасту количество девочек и мальчиков уравнивается. Очевидно, при таком соотношении удобна идея моногамии, без нее возникало бы много неудобств. Один мужчина, одна женщина... это стали считать правильным, но на самом деле это всего лишь удобно.

Для сравнения приведу другую ситуацию: во времена Мухаммеда царило варварство, люди постоянно сражались и убивали, — в особенности это касалось Саудовской Аравии. Разбойники грабили караваны, нагруженные товарами, убивая мужчин. В Саудовской Аравии того времени не было другой возможности выжить, убийство было самым распространенным ремеслом. Поэтому мужчин гибло больше, чем женщин, — ведь сражениями и убийствами занимаются именно мужчины. Это привело к тому, что на каждого мужчину приходилось по четыре женщины. В результате сложилась довольно напряженная ситуация, и Мухаммед в Коране вынужден был установить моральную норму: жениться на четырех женщинах. Сам он был женат на девяти, и это понятно: он — лидер и, устанавливая моральную норму, он должен следовать ей до конца.

Сегодня это уже глупо, поскольку подобные моральные нормы обусловлены временем и обстоятельствами. Сегодня ситуация изменилась. Но магометане настаивают... даже в Индии они вынудили правительство записать в конституции, что магометанам позволено иметь по четыре жены.

Но ведь это же глупо! В наше время количество женщин и мужчин среди магометан одинаково; откуда каждый мужчина возьмет четверых женщин? Теперь эти моральные нормы дают им повод воровать жен-

щин у других народов. Индуисты и джайны — крайние пуритане: если женщину силой продержат одну ночь в доме у магометан, то ее уже не примут обратно — ни муж, ни дети, ни родители. От нее откажется все общество: ее больше не считают своей. И женщина вынуждена идти обратно к магометанам и умолять, чтобы они оставили ее у себя.

Итак, моральная норма, которая некогда была основана на удобстве, теперь порождает преступление. И не одно, а многие преступления. Все моральные суждения так или иначе основаны на общественном удобстве; они не обладают безусловной ценностью. Стоит как следует взглянуть в природу человека, и выяснится, что ни мужчина, ни женщина не склонны к моногамии; оба склонны к полигамии, и это совершенно естественно.

Если следовать природе, то мы должны создать более гибкое общество, где люди могли бы хоть иногда меняться женами или мужьями с приятелями — на выходные. Общество стало бы более счастливым и удовлетворенным.

Но это противоречит всем моральным нормам, которые достались нам от прошлого. Ведь совершенно ясно, что человек пресыщается чем-то одним. Тут нет ничего неестественного, и это никак не характеризует человека. Как ни красива, как ни хороша твоя жена... возможно, все на свете признают ее красивой и хорошей, но подумайте о бедном муже! Долго ли он может считать ее красивой? Возможно, уже к концу медового месяца он стал относиться к ней как к чему-то совершенно привычному, само собой разумеющемуся. И любить ее так же крепко, как вначале, становится с каждым днем все труднее.

Мужу наскучивает его жена, как бы красива она ни была. Жене наскучивает муж, каким бы замечательным он ни был. Эта скука проявляется во всех сферах

жизни, все их действия обременены скукой. Их жизнь обращается в тюрьму, но стоит им сменить партнеров и против них восстает все общество: они утрачивают респектабельность, они могут потерять работу, стать отщепенцами. Поэтому они продолжают цепляться друг за друга, хотя давно уже приносят друг другу одни только страдания.

Сейчас я бы не назвал это моралью, основанной на ясном понимании; это — мораль, основанная на обыкновенном удобстве. Я понимаю, было бы очень неудобно, если бы люди непрерывно менялись супругами. Дети не знали бы, кто их отец, а кто дядя. Но разве это проблема? На самом деле это было бы хорошей возможностью для детей узнать многих отцов; это стало бы для них хорошей подготовкой к жизни, а многие матери... это было бы хорошей подготовкой к их собственной жизни. В будущем — если общество все еще будет существовать после 2000 года — во взаимоотношениях между мужчинами и женщинами произойдет настоящая революция. Представления о правильном и неправильном коренным образом изменятся.

Наместник задал действительно существенный вопрос; если источник один и тот же, то какая разница между правильным и неправильным? В каждый миг нужно решать этот вопрос заново, посредством ясного осмысления происходящего, без предубеждений, без каких бы то ни было заранее данных представлений. Я против морали по той простой причине, что она дает вам предубеждения — поверхностные предубеждения. И если что-то идет с ними вразрез, вы немедленно решаете, будто это неправильно, а что-то другое правильно.

Основателя даосизма Лао-цзы однажды назначили верховным судьей верховного суда Китая. Он умолял императора:

— Не совершайте ошибку; я не тот человек, который нужен вам на этом посту. Вам придется глубоко раскаяться в своем выборе.

Но император знал, что Лао-цзы — мудрейший из живущий, поэтому у него не возникало ни малейших сомнений по поводу своего решения. Он сказал:

— Почему же я стану раскаиваться? Ты — мудрейший.

— В том-то и проблема, — отвечал Лао-цзы. — Я буду судить исходя из своей мудрости. И мои решения окажутся для вас неприемлемыми.

Но император был упрям, и он сказал:

— Ладно, посмотрим.

И вот первый процесс: в доме богатейшего из людей столицы на горячем поймали вора. Лао-цзы выслушал, как было дело. Даже сам вор во всем признался со словами:

— Вам я лгать не могу. Если бы на вашем месте был другой судья, тогда другое дело, но вас я всегда любил и уважал. Поэтому не нужно никаких свидетелей. Да, я воровал. И не в первый раз: я уже много раз воровал в доме у этого человека. И вот наконец меня поймали. Какой бы приговор вы мне ни вынесли, я не стану роптать.

Выдержав секундную паузу, Лао-цзы произнес:

— Вы оба... и ты, и тот человек, у которого ты воровал, — преступники.

— Оба? — воскликнул богач. — Вы в своем уме?

— Ты скопил очень много денег, — ответил Лао-цзы, — в твоих руках оказалась почти половина всех богатств города, все остальные горожане довольствуются лишь малой частью из второй половины. Такая ситуация создает почву для воровства. Этот человек — жертва; на самом деле преступник — ты. Но вы получите поровну: шесть месяцев тюрьмы каждому.

— О Боже! — сказал богач. — Я никогда не слышал, чтобы сажали в тюрьму человека, чей дом ограбили! Нет уж, вначале я хочу видеть императора! Даже он должен мне. Всякий раз, когда императору нужны деньги, я ему даю.

Он отправился к императору и рассказал о случившемся, закончив такими словами:

— И вот я пришел предупредить, что вы тоже скоро окажетесь в тюрьме! Если этот человек и дальше будет верховным судьей империи, вам недолго осталось жить на свободе. Мы все, с его точки зрения, являемся лишь мелкими преступниками. А самый большой преступник — вы.

— Очевидно, он был прав, когда говорил, что мне придется раскаяться, — сказал император. — Не волнуйся, я немедленно освобожу его от должности.

Император призвал Лао-цзы и сказал:

— Ты очень странно судишь.

— Вовсе нет, — ответил Лао-цзы. — Если бы люди жили в согласии с природой, если бы люди проявляли сострадание друг к другу, тогда откуда взялись бы богатые и бедные? Были бы просто люди. И этого вполне достаточно.

По меньшей мере на то время он был совершенно прав: в те века всем могло бы хватить всего, что нужно для комфортной жизни.

Когда Лао-цзы говорил это, население Индии составляло всего два миллиона человек. Сейчас в этой стране живет девятьсот миллионов, и к концу текущего столетия, если человечество выживет — а шансы на это очень невелики, — население Индии достигнет миллиарда. Впервые Индия станет самой населенной страной в мире. Пока пальма первенства принадлежит Китаю, а Индия идет под вторым номером. Но за десять лет Индия опередит Китай в этой гонке.

В те времена, когда население нашей страны составляло всего два миллиона, природа могла дать людям

все в изобилии. Не было необходимости в существовании богатых и бедных. Каждый мог легко иметь все, что нужно для комфорта. Но этого не было — ни в Индии, ни в Китае, ни где бы то ни было еще. А в наши дни такое уже просто невозможно.

Но Лао-цзы был совершенно прав, говоря: «Человек, накопивший столько богатств за счет того, что тысячи недоедают — у них нет домов, нет работы, нет пищи вдоволь... Чего же ты хочешь? Неужели они не будут воровать? Их воровство — не преступление; преступником является богач. Какой смысл собирать в своих руках столько добра? Твое богатство — кровь народа. Ты должен радоваться, что я приговорил тебя всего к шести месяцам тюрьмы. На самом деле было бы справедливо, если бы этого человека я отправил в тюрьму на шесть месяцев, а тебя — на всю жизнь! Меньшего ты не заслуживаешь».

Император сказал: «Я понял. Я освобождаю тебя от должности. Ты был прав: мне пришлось раскаяться. Ты очень опасный парень».

Удобство императора, удобство крупных держателей капитала, богатых, сверхбогатых... Проблема состоит именно в их удобстве. Все, что им удобно, — правильно, а все, что им неудобно, — неправильно.

Всю нашу мораль определяет класс эксплуататоров, угнетателей. Те самые люди, которые являются причиной аморальности всего общества, являются решающей силой в определении морали.

У Кришны было шестнадцать тысяч жен, и ни одного индуиста это не смущает — Кришна по-прежнему остается совершенной инкарнацией Бога. Все остальные — несовершенные инкарнации; а он — единственная совершенная. Никто не задумывается о том, что этот мужчина был женат только на одной женщине, а всех остальных он просто брал, где видел. Стоило ему

увидеть красивую женщину, его солдаты тут же хватали ее и вели во дворец. У нее был муж, дети, пожилые родители, у ее мужа были пожилые родители, — это никого не волнует.

Можно подумать, что Кришна был сексуальным маньяком. Что можно делать с шестнадцатью тысячами женщин? Шестнадцать тысяч женщин за одну короткую жизнь! Ты относишься к ним как к скотине, ты даже не знаешь их по именам. У многих из них даже нет ни малейшего шанса когда-либо встретиться с тобой.

Но именно эти люди устанавливают правила в обществе. Моногамия — правило в обществе. Кришна стоит над правилами, он — инкарнация Бога. Итак, угнетатели в обществе определяют правила для угнетенных. Любая мораль преступна.

Лишь человек глубокой медитации и тишины может сказать что-то, но он не использует слова «правильно» и «неправильно». И он не определяет критерии навсегда, разве что критерий на данный момент, — но это спонтанный ответ, а не реакция. Этот человек не определяет мораль.

Если взглянуть с другой точки зрения, то правильно лишь одно — быть абсолютно сознательным; и неправильно лишь одно — быть абсолютно несознательным. Все, что исходит от неосознанности, всегда неправильно. Все, что исходит от сознательности, всегда правильно. Вопрос не в самих действиях, а в том, откуда они исходят.

Но в конечном счете и это относительно. Исходит ли что-то от осознанности или от неосознанности — не имеет значения, ибо все является тем, чем оно является. Речь не идет о правильном и неправильном, ибо сознательность и несознательность исходят из одного источника — источника вечной жизни.

Поэтому говорят, что будда выходит за пределы обычных правил... он живет в соответствии с собствен-

ной ответственностью. Он не действует на основании предписанной кем-то морали, но предпринимает шаги в соответствии с собственным осознанием — от мгновения к мгновению.

Обычным людям, ничего не знающим об осознанности, очевидно, нужна определенная мораль, определенная система правил. Но в том-то и беда. Это свидетельствует о том, что человек не стал достаточно сознательным, и поэтому ему нужны правила, которые будут держать его в каких-то границах и рамках. В день, когда общество в целом станет более сознательным, отпадет потребность в морали, отпадет потребность в правительствах, отпадет потребность в судах. Все эти отвратительные вещи оскорбительны для человечества. Они унижительны.

Первый вопрос, который задал мне чиновник визового ведомства в день, когда я приехал в Америку:

— Вы анархист?

Должно быть, он что-то знал, ибо у него была на меня заведена целая папка.

— Я — нечто большее, — ответил я.

Чиновник несколько смутился... видимо, на этот случай у него не было правил. Он начал листать папку. Анархистам отказывают во въезде в Америку. Анархист — это человек, который не верит правительствам и считает, что любое правительство — это рабство и если люди не освободятся от всех правительств, то они будут всегда жить в рабстве — иногда меняя одну форму рабства на другую и думая, будто они освободились. Но при этом свобода для них навсегда останется всего лишь несбыточной мечтой.

Но когда я сказал: «Я — нечто большее», — чиновник растерялся и не знал, что со мной делать.

— Что значит «нечто большее»? — поинтересовался он.

— Это значит, что, прежде чем покончить с правительствами, нужно покончить с человеческой несознательностью. Я — не анархист. Но анархизм является побочным продуктом моей деятельности.

— С вами трудно иметь дело, — сказал чиновник.

С тех пор я в течение пяти лет веду непрерывную борьбу с американским правительством. И мы ни в чем не были неправы. Но их предрассудки!..

Я сказал начальнику тюрьмы, куда меня заключили:

— Вам не кажется, что вы тут тоже иностранец?

Ни один американец не является американцем; они все иностранцы. Только краснокожие индейцы — американцы. Американцы даже перепутали названия: мол, это краснокожие индейцы (то есть «индейцы»), а Америка принадлежит белым.

И я сказал начальнику тюрьмы, — за те три дня, что я провел в его заведении, мы с ним подружились? — итак, я ему сказал:

— Вы, или ваш отец, или, в крайнем случае, ваш дед, приехали в Америку из-за океана. У меня есть хотя бы должным образом оформленный паспорт. А ваши предки приехали в Америку без паспорта. Ваши предки приехали в Америку как захватчики, а я приехал сюда просто как турист.

Вы убили почти девяносто процентов краснокожих индейцев. Оставшиеся в живых десять процентов наполовину живы, наполовину мертвы. Вы загнали их в резервации, в леса, а теперь платите им пособия. Почему? Потому что не хотите, чтобы они влились в общество, начали работать и стали частью этого общества. Для того чтобы отделить их от себя, вы платите этим людям пособия и не даете работы. А если ты получаешь деньги, но не имеешь работы, что тебе остается делать? Естественно, ты обратишься к алкоголю, наркотикам, азартным играм и проституткам. Что еще делать с этими деньгами?

Итак, краснокожих индейцев полностью сломали. Они даже не могут сражаться за свободу, ибо, сражаясь за свободу, они потеряют пособия. А ведь как хорошо иметь пособие! Достаточно нарожать побольше детей, и тебе будут платить больше денег. Наслаждайся жизнью, пей сколько влезет, накачивай себя наркотиками, но только не выходи за пределы резервации. Оставайся в лесной чаще.

И еще я сказал ему:

— По какому праву вы не позволяете другим людям въезжать в Америку? Это не ваша земля.

Но они давно присвоили ее себе, и никто на свете, даже их собственные мыслители, до сих пор не задался вопросом: «А не дать ли Америке свободу? Не пора ли нам наконец уйти отсюда?»

— И теперь вы заправляете здесь моралью и правосудием; вы написали конституцию, построили суды. Но ведь эта страна вам не принадлежит, вы — варвары-завоеватели. Если на свете есть более страшное преступление, расскажите мне!

— Вы правы, но теперь уже слишком поздно, — ответил начальник тюрьмы. — Мы живем здесь уже три столетия, и что случилось, то случилось. Теперь нам некуда идти. Среди нас есть итальянцы, и немцы, и англичане, и испанцы, и голландцы — выходцы из всех европейских стран. Их не примут обратно. Этих людей уже не примут в их родных странах.

Итак, идти им некуда. И они оккупируют землю бедных индейцев. Вы ужаснетесь, если узнаете, насколько по-варварски они себя вели на протяжении всей своей истории. Эти так называемые американцы купили у краснокожих индейцев целый город Нью-Йорк за двадцать четыре серебряных доллара. Это можно назвать торговой сделкой? Их вынудили. Весь Нью-Йорк за двадцать четыре доллара!

Что правильно, а что неправильно, до сих пор решали те, кто обладают властью и силой; решает сила. В Индии есть поговорка: «Чья палка, того и бык». Не важно, кому он в действительности принадлежит, вопрос лишь в том, чья палка увесистее, кто сильнее. Сильный устанавливает правила для слабого, богатый — для бедного. Естественно, эти правила работают на богатых и могущественных, но против бедных и слабых. Выступая против морали, я выступаю против всей этой структуры, против всей этой системы, когда власть имущие устанавливают правила для тех, кто власти не имеет.

Мужчина установил правила для женщины, поскольку он сильнее физически. Женщина слаба и зависима, поскольку она вынашивает ребенка. Будучи беременной, она во всем зависит от мужчины. Ее беременность обращается рабством. Если женщины хотят освободиться от этого рабства, они должны прежде всего думать о том, что именно им вынашивать ребенка. Они должны настаивать на регулировании рождаемости и на том, что общество обязано заботиться о них в период беременности — иначе они не готовы зачинать детей. На время беременности они становятся физически неполноценными, и мужчины во все времена без труда пользовались этим обстоятельством.

Для человека высшего сознания не существует правильного или неправильного. Все есть так, как есть, — и никаких суждений.

Наместник задал очень важный вопрос.

Если все вещи происходят из одного источника — получается, что не может быть ни правильного, ни неправильного.

Нансэн указал на клумбу пионов в саду и сказал:

— Наместник, когда нынешние люди смотрят на эти цветы, они видят их словно во сне.

Это не прямой ответ. Но Нансэн говорит о том, что люди очень несознательны и все, что они видят, — не более чем сон. И во сне они решают, что правильно, а что неправильно. Проснувшись, человек видит, как все вещи растворяются друг в друге... нет противоположностей, нет противоречий, все сущее представляет собой органическое единство.

Но поскольку люди несознательны, поскольку они спят... Что есть ваши мысли, если не сны среди белого дня, сны с открытыми глазами? И что есть ваши сновидения, если не ночные мысли? Как вы принимаете решения? Вам не хватает осознания для того, чтобы решать что бы то ни было. Вы просто следуете старым правилам. Но знаете ли вы, что люди, установившие эти правила, точно так же спали, как и вы?

Например, индуисты следуют правилам Ману. Пять тысяч лет назад этот человек создал индуистскую мораль. Согласно его системе, люди делятся на четыре касты. Высшая каста — брамины. Никто не может войти в эту касту со стороны... брамином нужно родиться. Переход из другой касты просто невозможен, поскольку рождение в семье брамина обусловлено твоими благими делами в прошлых жизнях. Однако где теперь прошлая жизнь и все эти благие дела? Это все прошло.

Второй класс — воины; третий класс — деловые люди; а четвертый класс — шудры, или неприкасаемые. Они настолько нечисты, что даже если на тебя упадет тень шудры, ты должен совершить омовение. Он к тебе даже не прикоснулся, только его тень упала на тебя, но этого достаточно, чтобы испачкаться. Представителям этого класса даже не позволено жить в городе, они селятся за его пределами. Им не позволено входить в некоторые места — например, в храмы, — не позволено читать писания, не позволено появляться в школах, и поэтому они не получают образования.

И за пять тысяч лет никто не восстал против такого положения вещей. Вы принуждаете человека быть сапожником лишь потому, что он родился в семье сапожника. Возможно, он обладает способностями Альберта Эйнштейна, но эта дверь для него закрыта, ибо он не может даже пойти в школу. Возможно, он обладает качествами Гаутамы Будды, но все двери закрыты, ему позволено только делать обувь. Все его предки за предыдущие пять тысяч лет были сапожниками, поэтому и ему придется быть сапожником.

Очень жесткие рамки и никакой мобильности — никакого движения из одной профессии в другую. Ману был брамином, поэтому, очевидно, брамины — лучшие. Они — решающий фактор, им предоставлено решать, что правильно, а что неправильно.

И такая же ситуация существует на всей земле... люди живут совершенно несознательно. Против меня ополчились все эти так называемые религиозные люди, — очевидно, потому, что я говорю им, что все их моральные нормы сделаны из того же материала, что и сны. Для того чтобы узнать, что правильно, нужно вначале обрести полное осознание, — это единственная возможность. А когда человек обретает полное осознание, все изменяется.

Например, Гаутама Будда сразу же отбросил идею о кастах. Первое, что он сказал после того, как обрел просветление: «Каст не существует. Каждый должен иметь свободу делать все, что он хочет, быть, кем он хочет. Рождение не может определять судьбу».

Учение Будды не могло выжить в Индии, поскольку под угрозой оказалось положение браминов. Если бы послание Будды получило широкую огласку, брамины потеряли бы свою власть, воины потеряли бы свою власть, и везде появились бы шудры — ведь они обрели бы свободу, которую до этого никогда за ними не признавали.

Пребывая в своей тишине, в своем покое, Будда увидел, что идея каст — не более чем глупость. Ее навязали людям именем морали, именем религии; но с этим необходимо покончить. Свобода является основой, фундаментальной основой человеческой природы. Все, что ограничивает свободу, противно человеческой природе.

Маниша предложила нам такую историю:

Наш любимый Мастер!

Однажды наместник сказал Нансэну:

— У меня в доме есть камень. Иногда он стоит вертикально, иногда лежит плашмя. Скажи, можно ли вырезать из него образ Будды?

— Да, — ответил Нансэн, — это возможно.

— Но в то же время это невозможно, не правда ли? — возразил наместник.

— Это невозможно! — решительно произнес Нансэн. — Это невозможно.

Странный диалог. Прежде всего нужно понять, что слова наместника метафоричны. Говоря: «У меня в доме есть камень», он имеет в виду себя. Он говорит: «Что я есть, если не камень? Иногда я стою вертикально, иногда ложусь плашмя. Но я так же несознателен, как камень». Не думаете ли вы, будто он и вправду спрашивает у Нансэна, можно ли вырезать будду из камня? Нет, он говорит не о камне, а о себе. Камни не встают и не ложатся, они не устают так быстро. Он имеет в виду себя.

«Да, — ответил Нансэн, — это возможно». Он не говорит, что это неизбежно. Он просто отвечает: «Это возможно». Если в камне возникнет стремление, то возможно всё: камень может стать буддой.

Наместник возразил: «Но в то же время это невозможно, не правда ли?» Увидев, что наместник не по-

нимает, что даже камень, если в нем возникнет стремление, тяга, сможет стать семенем и в конце концов буддой, увидев, что наместник не осознает эту возможность, ибо он говорит: «Но в то же время это невозможно, это очень сложно, так ведь?» — Нансэн вторит ему: «Это невозможно». И повторяет еще раз: «Это невозможно!»

Если ты сам думаешь, будто это невозможно, то ничего не поделаешь. Первое, что необходимо: увидеть и ощутить собственный потенциал, собственные возможности. Если ты сам говоришь, будто это невозможно, то никто не сможет увидеть эту возможность вместо тебя. Это — не то, что должен сделать кто-то другой, *ты* должен вырасти в будду. Если ты утверждаешь, что это неосуществимо, то можно оставить любые попытки.

В этом эпизоде Нансэн говорит о том, что само твое стремление стать буддой в конце концов открывает будду в тебе. Будда не находится где-то в дальних краях, поэтому нет нужды никуда отправляться на поиски. Он прячется позади тебя. Если ты стремишься настойчиво, то скрытое открывает свои двери. Если ты идешь внутрь с огромным упорством, стремясь во что бы то ни стало добраться до источника и центра своего существа, то найдешь будду.

Но, если ты думаешь, будто это невозможно, тогда ты сам закрыл двери своих возможностей. Никто не в состоянии сделать тебя буддой. Однако это возможно: если у тебя есть страсть, если у тебя есть тяга, если ты настроился, если ты отбросил всё внешнее, мирское, — то это возможно.

Секисё писал:

*Люди в своей глупости растратили все,
что было из золота,
и оно исчезло из мира.*

*Удачи и неудачи
принадлежат стране снов.
Не оглядывайся на этот мир,
на эту старую конуру в подвале.
От начала времен
летающие птицы
не оставляют следов в синеве неба.*

Секисё — великий поэт. Он говорит: *Люди в своей глупости растратили все, что было из золота.* Золотой век остался позади, мы неправильно пользовались им.

Мне вспомнилась одна знаменательная история. В Гималаях есть несколько весьма древних племен, придерживающихся правила, в котором есть немалая доля мужского шовинизма: гостю предлагают все, чем богат дом. А ночью хозяин предложит ему свою жену. Гость должен получить все.

Когда в Индию пришли британцы, они стали эксплуатировать эти несчастные народы так интенсивно, что теперь девяносто процентов жителей районов Манахи и Кулу больны сифилисом.

И за это ответственны британцы. Прослышав о том, что жители этих мест предлагают путникам своих жен, британцы завели моду отправляться в горы на охоту, а вечером стучаться в дверь какого-нибудь дома. И несчастные предлагали им все, что могли: пищу, кров, жен.

Местные жители и помыслить не могли, что эти люди приходят просто для того, чтобы эксплуатировать их, чтобы пользоваться их женами как проститутками. Таким образом британцы распространили сифилис по всей этой местности, среди целого племени. Даже дети рождались с сифилисом, но британцы не брали на себя ответственность за детей, родившихся в результате их забав с женами этих несчастных людей.

Так что вы понимаете, о чем говорит Секисё: *Люди в своей глупости растратили все, что было из золота.* Несомненно, раньше в мире было больше доверия, а в людях больше любви.

Я помню, еще совсем недавно, когда я был ребенком, у нас в деревне и в соседних деревнях нельзя было купить молока. Тебе бесплатно дадут столько молока, сколько нужно, но никто не продаст. У кого-то есть пища, а кто-то голоден, — нельзя же эксплуатировать его голод! Поэтому молоко давали любому. Теперь в той же деревне ты не купишь чистое молоко ни за какие деньги — наполовину молоко, наполовину вода.

В университете, где я учился, один человек поставлял студентам молоко. Это был очень добрый, очень симпатичный, очень мудрый пожилой человек. Люди называли его *сантджи* — святой. Он приходил в университет с двумя ведрами молока, а его сын нес еще одно ведро для студенческого общежития. Люди спрашивали:

— Сантджи, это правда, что ты не подмешиваешь воду в молоко?

Он клал руку на голову мальчику и говорил:

— В жизни своей я никогда не подмешивал воду в молоко. Если я хоть раз это делал, пусть умрет мой сын.

Я это услышал и удивился, поскольку молоко было явно наполовину разбавлено водой. Само по себе молоко — чистое молоко — на восемьдесят процентов состоит из воды, а если развести его еще наполовину, то все становится совершенно ясно с первого взгляда.

Итак, в первый же день учебы в университете я, услышав слова этого человека, отозвал его в сторонку и потребовал:

— Скажи мне правду: ведь твое молоко несомненно разведено водой. Если ты не скажешь правду, я отведу тебя к заместителю ректора и добьюсь, чтобы молоко

отослали на анализ. И если в нем обнаружат воду, твоему бизнесу пришел конец.

— Ты первый, с кем у меня возникли проблемы, — сказал он. — Я скажу тебе правду, но не рассказывай другим.

— Говори же, — потребовал я. — В чем правда?

— Правда в том, что я действительно никогда не подмешиваю воду в молоко. Я подмешиваю молоко в воду. Поэтому я могу так уверенно говорить об этом... но не нужно посылать молоко на анализ. Я буду давать тебе молоко и воду бесплатно. Если ты хочешь молока без воды, я буду давать неразбавленное. Но тогда тебе придется присылать кого-то за ним ко мне домой. Но не рассказывай никому; это моя тайна.

На заре истории в мире еще существовало некоторое доверие между людьми, и это был золотой век человечества.

Секисё говорит: *«...и оно исчезло из мира. Удачи и неудачи принадлежат стране снов. Не оглядывайся на этот мир, на эту старую конуру в подвале. От начала времен летящие птицы не оставляют следов в синеве неба».*

Это слова Гаутамы Будды. Он говорил: «Ты должен идти по непроторенной тропе. Ты должен сам ее протоптать и пройти по ней. Ты протопчешь ее, идя. Нужно самому создать свой путь. Нельзя следовать за кем-то, это — словно идти по небу». *Летящие птицы не оставляют следов в синеве неба.*

То же самое касается и внутреннего неба... будды не оставляют на нем своих следов. За буддой следовать невозможно, ты должен сам найти свою тропу — один. В этом твое достоинство. В этом великая свобода. Если бы существовали готовые пути, автострады к просветлению, то по ним ездили бы полные грузовики людей и все становились бы буддами. По ним следовали бы

целые автобусы. Но дело в том, что во внутренний мир не въедешь на грузовике, туда не въедешь даже на рикше или взятом напрокат велосипеде — это будет очень, очень сложно. На велосипеде можно добраться куда угодно, но только не внутрь.

Внутрь приходится идти своими ногами, своим зрением: нужно обратить взгляд внутрь. Там нет тропинок. Внутреннее небо абсолютно нехожено. Но расстояние до цели невелико — всего один шаг.

Когда настойчиво смотришь внутрь себя, ты словно глядишь в колодец, в глубине которого вода; или в туннель, в дальнем конце которого виднеется небо. Для того чтобы достичь будды, нужно сделать всего один шаг. Для приключения, для исследования необходимы только отвага и немного энергии. Но запомни это необыкновенно красивое изречение: *Летящие птицы не оставляют следов в синеве неба*. Нет возможности быть последователем.

Маниша спросила:

Наш любимый Мастер!

Кто из присутствующих здесь может согласиться с тем, что «все золото исчезло из мира»? Можно ли поверить в это, если среди нас Ты и в Твоем присутствии чувствуешь, как наполняешься золотом? Ты — Мидас духовного измерения.

Маниша, этот Будда-Холл не является частью вашего так называемого мира. Это остров в себе, где обитают лишь будды. Для вас, медитирующих, время не имеет значения. Чем глубже вы идете, тем в большей степени становитесь современниками Гаутамы Будды, Лао-цзы, Чжуан-цзы — всех, кто на опыте пережили наивысшее. Вы встречаете их у самого источника своего существа. Тот же вкус, тот же аромат, та же цель.

Ты права и в то же время не права. Права, потому что здесь, в Будда-Холле, вы так настойчиво и страстно ищете будду. Вы возвращаете золотой век к жизни.

Но за дверями находится огромный мир, где людям и в голову никогда не приходит заглянуть внутрь себя. Если кто-то из вас поведает им о своем намерении стать буддой, то эти люди за дверями станут смеяться: «Ты что, с ума сошел?» Затем посмотрят на него с подозрением и скажут: «Должно быть, он укололся героином, опиумом или еще какой-нибудь гадостью. Надо же, он собирается стать Буддой. Будда умер двадцать пять столетий назад».

Людам из обычного мира никогда и в голову не приходит, что у них есть другое предназначение — кроме того, чтобы быть бизнесменом, клерком, станционным смотрителем или учителем. Это все не предназначения, это — профессии. Они хороши для выживания в теле, но не помогут найти будду.

Нужно сделать кое-что еще, нужно войти внутрь себя, — но наше образование или общественная мораль ничего не говорят нам об этом. Узнав, что ты идешь внутрь, люди станут смеяться: «Ты с ума сошел. Как можно войти внутрь? В тебе нет ни двери, ни окна, куда же ты войдешь? И что ты там найдешь? Скелет! Не ходи туда, иначе ты испугаешься: там внутри скелет, череп, кровеносные сосуды и разные железы... Так что не ходи внутрь ни в коем случае! Ты занимаешься очень опасным делом. Но если тебе действительно интересно, что внутри, то просто дождись смерти. Лежа в могиле, ты сможешь смотреть внутрь сколько угодно — ведь снаружи уже ничего не будет. Вот тогда и созерцай свой скелет, ведь у тебя будет достаточно времени и никаких дел!»

Ты права: мы именно пытаемся вернуть золотой век. И мы рады всем, кто хочет принять участие в этой дерзкой затее. Но в мире, Маниша, этот золотой век,

несомненно, прошел. Я сейчас расскажу несколько анекдотов о том, что происходит во внешнем мире.

Посреди дальней коммерческой поездки у Честера Чиза вдруг сломалась машина. Он пошел к ближайшему фермерскому дому и постучался в дверь.

— Простите, — говорит Честер фермеру, — но у меня сломалась машина. Нельзя ли у вас переночевать?

— Думаю, можно, — отвечает фермер, — но свободных кроватей у нас нет, так что вам придется спать вместе с моей шестнадцатилетней дочерью Люси.

— В самом деле? — улыбается Честер, и фермер проводит его в комнату Люси.

Ночью, лежа рядом с девушкой, Честер кладет руку на ее нежное бедро.

— Прекратите! — взвизгивает Люси. — А не то я позову отца. — Но тут же пододвигается немного ближе к Честеру.

Чуть позже Честер предпринимает еще одну попытку.

— Прекратите! — взвизгивает Люси. — А не то я позову отца. — Однако пододвигается еще ближе.

После третьей попытки Люси вскакивает верхом на Честера, и они очень даже неплохо проводят время.

Через некоторое время Люси шепчет:

— Мистер, а можно еще?

Честер соглашается, и они повторяют все снова. Через пять минут Люси опять начинает теревить увядшую машинку Честера.

— Давайте еще раз! — просит она.

— Прекрати! — говорит Честер, со стоном. — А не то я позову твоего отца!

Вот что происходит во внешнем мире!

Однажды вечером групповой терапевт Свами Дэва Непромах выходит из парадного, и его окликает продавец цветов Черноморд:

— Здравствуйте, сэр. Не хотите ли купить роз для своей ненаглядной женушки?

— У меня нет жены, — отрезает Непромах, отмахиваясь от продавца.

— Ладно, — не унимается Черноморд, — может быть, купите роз для своей подружки?

— Нет, — кричит Непромах, — подружки у меня тоже нет!

— Ладно, — говорит Черноморд, — тогда купите два букета... нужно же как-то отпраздновать такое везение!

Пэдди и Симус сидят на лужайке перед домом Пэдди, попивая пиво.

— Эй, — говорит Симус, — а как прошло твое путешествие на корабле в Испанию?

— Потрясающе! — отвечает Пэдди. — Представь себе, впервые за пятнадцать лет я оказался один, без Марины! В первый же вечер я познакомился с роскошной девушкой — одной из самых красивых, кого я когда-либо видел. Мы немного поболтали и полюбили друг друга с первого взгляда. Скоро мы уже резвились в объятиях друг у друга совершенно обнаженные. Но наутро, обнимая ее, я узнал, что она — новая жена моего лучшего друга, Фергюса. Это был самый настоящий шок, и мы оба почувствовали себя очень виноватыми. И мы оба плакали, не жалея слез!

— Ну и ну! — восклицает Симус. — Вот так история! Ну и как же прошел остаток твоего путешествия?

— Да так... После этого мы все время трахались и плакали, трахались и плакали!..

Вот что происходит во внешнем мире!

Большая Ольга, толстая жена Ковальского, стала воистину необъятной. И вот она отправляется к доктору Гэзбэгу за советом.

— Вам нужно выполнять кое-какие упражнения, — говорит Гэзбэг, — и поменьше есть. Упражнения нужно выполнять каждый день.

— Но, доктор, — спрашивает Ольга, — какие именно упражнения?

— Очень простые, — отвечает врач. — Начните с малого. Разденьтесь, лягте на кровать и попытайтесь дотянуться руками до пальцев ног. Затем поднимите ноги и заведите их за плечи. Делайте эти упражнения, пока ваши килограммы не начнут выходить из вас с потом.

Тем же вечером Ольга разделась и улеглась на кровать. Женищина едва видит пальцы ног. Она наклоняется вперед и пытается ухватиться за них. Затем она поднимает ноги и пробует завести их за плечи, но застревает на полпути: задница, торчит вверх, а ноги нависают над головой.

Тут в спальню входит в стельку пьяный Ковальский.

— Боже мой, Ольга! — восклицает он. — Причешись и вставь зубы! Ты выглядишь в точности как твоя мать!

Вот что происходит во внешнем мире!

Ниведано...

))))

Ниведано...

))))

Тишина.
Закрой глаза и ощути,
будто твое тело обратилось в лед.

Теперь посмотри внутрь себя,
собрав все свое сознание в стрелу.

Иди все глубже и глубже.
Помни: каждый миг может стать последним
в твоей жизни.

Поэтому нужно спешить.
Ты не должен покинуть это тело,
не осознав свою буддовость.
Это возможно.

Даже из камня можно вырезать будду,
что же говорить о твоем сознании?
Это — сама буддовость.

Радуйся этому мгновению.
 Очень немногие люди в мире пытаются понять,
 кто они есть.
 Именно из-за этого в мире царит неразбериха.

Сознательно постигая источник своего существования,
 ты наполняешься удовлетворением,
 радостью, состраданием, любовью.
 В тебе расцветают тысячи и тысячи цветов.

Ты становишься великолепием.

Это право дано тебе от рождения.
 Ты не можешь о нем не знать,
 но можешь пренебречь им.
 В миг, когда ты хочешь вспомнить о нем,
 оно под рукой.

Достаточно желания.

Чтобы стало понятнее,

Ниведано...

Просто наблюдай.
 Ты — свидетель.

Ты не тело и не разум,
 ты свидетель — всего лишь зеркало.

Это свидетельствование —
 отправная точка, та точка,
 откуда начинается трансформация.

Пей из источника.
 Напитайся этой водой, чтобы, вернувшись,
 ты принес будду в своем сердце, в своем дыхании.

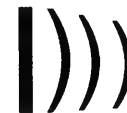
Ты должен жить как будда
 двадцать четыре часа в сутки.

Этот вечер прекрасен сам по себе,
 но присутствие стольких будд
 сделало его воистину великолепным.

Собери столько золота, сколько сможешь.
 Скоро Ниведано позовет тебя обратно.
 Принеси с собой все...
 аромат, тишину, блаженство.

В этот миг здесь не десять тысяч будд,
 но единая природа будды, океан,
 где растворились вы все.

Ниведано...

Возвращайся, но возвращайся медленно, плавно.
 Принеси с собой будду.
 Посиди несколько минут буддой

*и вспомни то место, где ты только что был,
тропу, по которой ты шел туда,
а затем вернулся.*

Запомни все.

*Тебе придется снова и снова идти по этой тропе,
чтобы напиться из источника вечной жизни.*

— Хорошо, Маниша?

— Да, наш любимый Мастер.

— Можем ли мы праздновать собрание стольких
будд?

— Да, наш любимый Мастер!

**Даже Гималаи
приходят и уходят**

Беседа 4
8 октября 1988

Наш любимый Мастер...

Однажды Нансэн, решив посетить некую деревню, с удивлением обнаружил, что местные жители заранее знали о его приходе и приготовились к встрече.

Нансэн спросил у старейшины:

— Я взял себе за правило никогда никого не предупреждать о том, куда иду. Откуда вы знали, что сегодня я приду в вашу деревню?

Старейшина ответил:

— Прошлой ночью во сне бог местного святилища предупредил меня, что вы придете.

— До чего же слаба и поверхностна моя духовная жизнь, — заметил Нансэн, — если она может быть предсказана в видениях!

Маниша, прежде чем побеседовать о твоей сутре, должен рассказать кое-что о том, как Нансэн подходил к стоящим перед ним задачам, о его методологии. Иногда он озадачивал собеседника, нарочно высказываясь противоречиво. Если не понять этого, то будет очень сложно отыскать рациональное зерно в тех сутрах, которые ты мне принесла. А ведь рациональное мышление — единственная нить, которая на данный момент позволяет вам подобраться к тому, что лежит за пределами.

Однажды наместник Лу Сюань спросил у Нансэна:

— Можно мне рассказать тебе о человеке, который выращивал гуся в бутылке и вдруг понял, что гусь уже слишком большой, чтобы пройти через бутылочное горлышко? Человек не хочет ни разбить бутылку, ни убить гуся, — что ему делать?

Странная задача, и рациональным путем ее не решить. Как ни бейся, но тебе придется уничтожить либо бутылку, либо гуся, — сохранить обоих не удастся. Но гусь и бутылка — всего лишь метафоры, обозначающие твое свидетельствующее Я и твое тело.

Твое тело — бутылка, а сознание — гусь. Никто не задается вопросом о том, как сознание вошло в тело и как оно может выйти из него. Сознание универсально, обширно, бесконечно во всех измерениях. А тело такое маленькое, совсем как бутылка. Как Сущему удалось подобное? Ведь это настоящее чудо, что физическое, материальное вмещает в себя нематериальное, духовное.

Наместник задал вопрос в дзэнской традиции. Это очень древняя история, возможно, каждому мастеру приходилось работать над ней.

Нансэн закричал: «Наместник!»

На миг наместник забыл, что он — наместник, а Нансэн всего лишь нищий, если говорить об имуществе. И никому не дозволено так кричать на наместника. Заданный им вопрос не подразумевает... Он забыл обо всем. Этот крик был пронзительным, словно меч.

Нансэн нанес удар, покричав:

— Наместник!

Наместник ответил:

— Да, Мастер.

— Гусь снаружи! — сказал Нансэн.

Очень странное решение проблемы. Наместник обнаружил свое сознание, проявил его. Сознание не огра-

ничено телом, оно может выходить из него и входить обратно. Тело — не преграда; тело является преградой только для материальных объектов. Но нематериальное существует в ином измерении. Оно может входить в тело, ничего в нем не потревожив, даже не прикоснувшись к нему. Сознание никогда в жизни не прикасается к твоему телу, что бы ты ни делал. Сознание просто остается свидетелем, высоко в горах, словно...

Представь себе, что ты стоишь перед зеркалом. Вопрос в том, каким образом твое отражение «вошло» в зеркало. Там нет пространства, где ты бы поместился, однако, вне всяких сомнений, ты стоишь в зеркале. Но, если взглядеться внимательнее, оказывается, что ты стоишь перед ним и смотришь на свое отражение. Зеркало способно безупречно отразить тебя, но не может вместить.

Ни тело не содержит в себе дух, ни дух не содержит в себе тело. Дух — это всего лишь зеркало. Самое большее, что он может, — отражать тело и разум, но при этом он всегда находится за их пределами, всегда снаружи. Именно это и имел в виду Нансэн, говоря: «Гусь снаружи!» Он закричал: «Наместник!» — и наместник сказал: «Да, Мастер!» Наместник не спит, он бодрствует.

В этом состоянии осознания ты — не тело. Ты за его пределами, ты снаружи. Гусь снаружи. Над этим вопросом о гусе работали разные мастера, но Нансэн, похоже, справился лучше всех.

Маниша предложила нам сутру:

Однажды Нансэн, решив посетить некую деревню, с удивлением обнаружил, что местные жители заранее знали о его приходе и приготовились к встрече.

Нансэн спросил у старейшины:

— Я взял себе за правило никогда никого не предупреждать о том, куда иду. Откуда вы знали, что сегодня я приду в вашу деревню?

Почему для него так важно, чтобы никто не знал о его приходе заранее? Нансэн просто хотел, чтобы люди сами поняли, что видят просветленного.

Если они не заметят этого сами, он не остановится в деревне. Он не задержится в этом селе, ибо оно еще не готово для будд. Люди крепко спят. Они не могут узреть невидимое, не могут понять вечное. Их ноздри закрыты, глаза закрыты, уши закрыты. Они не чувствительны к тонкому, к внутреннему. Они не ощутят аромат того, кто пришел *домой*.

Поэтому он никому не говорил, куда направляется. Даже его спутники не знали, куда они держат путь, — он то и дело сворачивал на другую дорогу. Спутники знали, что дорога, по которой они идут, ведет туда-то и туда-то; но, прежде чем они достигали этого места, Нансэн сворачивал в сторону.

Все эти усилия направлены на то, чтобы найти людей, которые в его присутствии почувствуют, как что-то отзывается в их сердце. Он хотел общаться с восприимчивыми. Мир огромен. Он полон совершенно невосприимчивых людей, — людей, чьи сердца очерствели настолько, что ничто уже не может пробиться к ним. Они слушают, но упускают суть, поскольку не способны слышать. Пока они слушают, их разум занят тысячью и одной вещью.

Даже если перед ними пройдет будда, нет уверенности, что они узнают его. Для того чтобы узнать будду, необходимо иметь некую восприимчивость, некую чувствительность. Чтобы узнать солнце, нужны глаза; нужно определенное качество и для того, чтобы узнать будду, — тут требуется ясность, прозрачность.

И если *ты* его не узнаешь, то мастеру нет никакого смысла тратить время на невосприимчивого человека. Возможно, в другой раз ты сумеешь почувствовать; возможно, твое время еще не пришло — ты не созрел, твой сезон еще не наступил. Будда может повлиять лишь на очень немногих избранных по той простой причине, что он воздействует не на разум; он убеждает не аргументами. Он даже не скажет: «Я — будда», — но предпочтет, чтобы ты узнал сам. Отсюда и начинается путешествие, это и есть истинная отправная точка.

Вот почему Нансэн не хотел, чтобы жители деревни знали, что он к ним направляется. Если они знают о его появлении заранее и им не нужно самим узреть в нем буддовость, то и принимать его они будут лишь потому, что так велит традиция, и потому, что он знаменит (ведь за ним следуют тысячи монахов). Они будут поклоняться ему механически, словно роботы. Для Нансэна это означает бесполезную трату времени и потакание слепому ортодоксальному традиционному подходу к духовности.

Он хотел явиться в деревню как незнакомец и посмотреть, узнает ли его кто-то. А этого человека узнавали даже люди, никогда прежде его не встречавшие. От одного взгляда на Нансэна их словно пронзала молния. Сердце начинало танцевать в новом ритме. И они понимали: «Хотя этот человек во всем похож на других, но он очень далек от нас».

Он обладал потрясающим сознанием, которое, словно облако, проливалось дождем на обладающих восприимчивостью людей. Но он не орошал людей слепо, как это делают дождевые облака. Облаку нет дела, проливается ли оно на камни, на луга или на возделанную почву, — облаку все равно. Облако слепо, оно просто переполнено влагой и хочет избавиться от нее при первой возможности. Как только становится достаточно прохладно, чтобы его пар превратился в

воду, облако проливается дождем. Нансэн хотел проливаться, подобно дождевому облаку, но не слепо. Он не хотел орошать дождем камни, где все равно ничего не взойдет. Он орошал плодородную почву, где зерно способно прорасти.

Нансэн — единственный мастер в истории дзэн, который использовал этот метод. Обычно мастера предупреждают жителей деревни о том, что собираются прийти, чтобы люди подготовились. Но Нансэн был уникален. Если люди предупреждены, возникает опасность, что они отдадут Мастеру дань почтения просто следуя традиции, но при этом нисколько не поймут посетившего их человека. Он никогда никого не предупреждал.

Но в этом случае люди все-таки узнали.

Старейшина ответил:

— Прошлой ночью во сне бог местного святилища предупредил меня, что ты придешь.

— До чего же слаба и поверхностна моя духовная жизнь, — заметил Нансэн, — если она может быть предсказана в видениях!

Он был очень честным человеком. Любой на его месте ужасно возгордился бы: «Даже боги предупреждают о моем прибытии». Но Нансэн, напротив, сказал: «До чего же слаба и поверхностна моя духовная жизнь, если она может быть предсказана в видениях, ниспосланных воображаемыми богами, которых вы сами создали; если вы узнаете о моем прибытии из своих снов». Любой человек, не обладающий истинной духовностью, возрадовался бы, узнав об этом вещем сне, и заявил бы: «Смотрите! Даже боги объявляют о моих намерениях». Но он сказал: «До чего же слаба и поверхностна моя духовная жизнь, если она читается даже в ваших снах».

Одно из важнейших качеств истинно религиозного человека — его честность по отношению к самому себе, его скромность, отсутствие эго. Его будто бы и нет вовсе. Он не гордится высокой оценкой окружающих и не чувствует своего духовного превосходства. Но у людей обычной религиозности эго раздувается от каждого пустяка.

Я слышал историю о представителях трех разных христианских конфессий, которые однажды случайно встретились на перекрестке во время утренней прогулки. Они поприветствовали друг друга, и каждый начал бахвалиться своей верой. Баптист сказал: «Ваши монастыри хороши, но вам не превзойти нас в учености. Наши ученики самые образованные». Католик ответил: «Да, это правда, ваши последователи очень эрудированны. Но ученость — ничто по сравнению с духовностью. Истинная духовность заключается в самодисциплине, в аскетизме. А в этом отношении вы нас не превзойдете. Что касается самодисциплины и аскезы, то наши монахи — на первом месте».

Тогда третий христианин, протестант, сказал: «Это все не так уж важно. Главное — скромность. А что касается скромности, то тут нам равных нет».

Даже скромность может тешить эго. Именем религии были увековечены самые разнообразные глупости, лишь потому, что они тешат эго. Например, католический настоятель сказал, что его монахи «на первом месте», — словно речь идет о какой-то игре эго! Никто не может выиграть в аскетической дисциплине. Но спору нет: таких мазохистов, как католические монахи, не сыщешь на целом свете. Они издеваются над собой сверх всякой меры лишь ради людской похвалы.

Мне вспоминается одна история. Молодой человек решил вступить в католический монастырь. Настоятель сказал ему:

— Я должен предупредить тебя... это католический монастырь. Тут у нас царит строжайшая дисциплина. Например, тебе позволено говорить лишь один раз в семь лет.

Молодой человек ответил:

— Ничто не поколеблет мою решимость. Я готов к любой дисциплине.

Но он еще не понимал, на что себя обрекает. Войдя в келью, молодой человек обнаружил, что на его кровати нет матраса. А говорить нельзя, так что придется ждать матраса семь лет. Он подумал: «Боже мой, я не выживу семь лет в таком холоде. За окном идет снег. А тут даже нет матраса, только маленькое одеяло». Но этот человек дал обет, и его эго уже не позволяло от него отказаться. И он страдал семь лет.

Прошло семь лет, и он, сияя от счастья, пошел к настоятелю.

— Слава Богу, я выжил, — сказал он. — В моей келье нет матраса.

— Тебе принесут матрас, — ответил настоятель. — А теперь отправляйся обратно в келью, и чтоб я не слышал твоих жалоб еще семь лет.

А ведь бедняга и так целых семь лет не жаловался!

Матрас принесли, но он был очень большим, а комната маленькой, а дверь и вовсе крошечной, поэтому, проталкивая матрас внутрь, рабочие разбили окно. Матрас они кое как уложили, но окно так и осталось без стекла.

Раньше монаха мучил холод, теперь его начал поливать дождь. Вода лилась прямо в келью, где он сидел, завернувшись в латаное одеяло. А новое окно можно будет вставить только через семь лет! Через семь лет он отправился к настоятелю, и тот сказал:

— Снова ты? Ты снова пришел с жалобой?

— Это не жалоба, — ответил монах. — Но в течение семи лет меня поливал дождь. Рабочие, которые при-

несли матрас, разбили окно. Без матраса было лучше — я уже привык, — но все время бояться дождя...

— Стекло тебе вставят, — сказал настоятель, — но никогда больше в этой жизни не приходи ко мне с жалобами.

Однако положение монаха снова ничуть не улучшилось: рабочие пришли вставить стекло и вытащили матрас из кельи, чтобы было удобнее работать. Стекло они вставили, но матрас на место не вернули, а монах не мог говорить. И вот бедняга оказался в той же ситуации, что и вначале, — даже еще хуже.

Семь лет уже не казались таким уж долгим сроком... теперь только в следующей жизни он сможет сказать: «Мой матрас остался в коридоре». Он пытался втащить его самостоятельно, но ничего не вышло: матрас был слишком велик. А настоятель сказал: «В этой жизни ты уже достаточно жаловался. Ты и не делал ничего другого с тех пор, как пришел сюда, — только жалобы, жалобы».

Эти люди полагают, будто занимаются чем-то духовным. У глупости много имен, и одно из них — духовность. Дзэн не занимается изготовлением украшений для эго. Наоборот, все его усилия направлены на то, чтобы опустошить тебя, чтобы сделать из тебя ничто, не что-то.

С самого детства мои родственники, мои соседи, все мои доброжелатели говорили мне: «Если ты будешь так жить, из тебя вырастет ничтожество», — потому что я часами сидел на берегу реки. И люди так привыкли видеть меня там, что даже не спрашивали, что я делаю.

И это пророчество сбылось. Из меня выросло ничто. Но ведь это величайшее благословение — в конце концов превратиться в ничто. Ни на что не годный... только из этого ничтожества вырастают тысячи роз.

В дзэн не практикуют и не культивируют смирение. Оно становится просто результатом, побочным продуктом глубокой медитации. Отправляясь вглубь себя, начинаешь забывать, что весь мир сражается за то, чтобы стать чем-то, чем-то особенным — больше богатства, больше власти. Каждый пытается вершить историю, а ты исчезаешь, почти как дым в небе. Но те, кто способен раствориться, словно дым в небе, не оставив после себя ни следа, ни отпечатка, — единственные, кто познали великолепия бытия, красоту этой вселенной, истину и божественность... и это только начало великих тайн.

Перед смиренным двери открываются одна за другой. И он остается просто наблюдателем. Это — высшее. В каком-то смысле ты не владеешь ничем, а в каком-то ином смысле обладаешь целой Вселенной, но в этом нет собственности. Ты проник в суть, в вечную тайну жизни и смерти и обнаружил лишь одно: все изменяется, кроме свидетеля внутри тебя. Свидетель — единственное постоянное явление.

Даже Гималаи некогда возникли и когда-нибудь исчезнут. Когда-то Гималаев не станет, они не очень старые, это молодые горы. В самой древней книге индуистов, Ригведе, Гималаи не упоминаются. Их невозможно не упомянуть. Похоже, что Гималаи выросли после Ригведы, ибо там о них не сказано ни слова, в то время как упомянуты меньшие горы — например, Виндхьячал, Сатупа. Кроме того, там упомянуты совсем небольшие реки по сравнению с теми, что текут в Гималаях.

Локманья Тилак, индуистский ученый из Пуны, спорит с исследователями, которые утверждают, что Ригведе всего пять тысяч лет. Тилак настаивает на том, что Ригведе по меньшей мере девять тысяч лет, и в подтверждение приводит два аргумента. Первый состоит в том, что в Ригведе не упомянуты Гималаи, в то

время как упомянуты меньшие горы. Нет никаких причин не упоминать Гималаи. Должно быть, они выросли уже после написания Ригведы.

Ведь люди, написавшие Ригведу, пришли из Монголии. Все цивилизованные народы мира пришли из Монголии; в частности, Монголия была родиной всех арийских народов. Негры происходят не из Монголии, как и южные индийцы. Но немцы, северные индийцы, англичане, французы, итальянцы, норвежцы, шведы, швейцарцы, греки — все они некогда пришли из Монголии, ибо в их языках есть некоторая доля санскрита.

Те, кто пришли сюда из Монголии, должны были пересечь Гималаи. А перейти через Гималаи — не мелочь. Если бы Гималаи тогда стояли на своем месте и ариям пришлось бы их пересечь, трудно предположить, что они не упомянули бы об этом.

Это веский аргумент. Но Локманья Тилак приводит еще более внушительный довод: в Ригведе описано одно созвездие, существовавшее девянсто тысяч лет назад. Созвездие описано исключительно подробно, так что это не спишешь на игру воображения. После этого звезды больше так не располагались... Не исключено, что когда-нибудь это случится снова, но, прежде чем звезды еще раз образуют то же созвездие, пройдут, возможно, миллионы лет.

Эти два аргумента оказались настолько вескими, что христианские миссионеры не нашли что на них ответить, — ведь именно христианские миссионеры пытались притянуть Ригведу как можно ближе к настоящему времени. Причина в том, что, согласно христианской Библии, мир создан всего за четыре тысячи и четыре года до рождества Христова. Это наверняка произошло в январе в понедельник, но не особенно давно — всего шесть тысяч лет назад. Они и так отметили Ригведе сколько могли: пять тысяч лет. Христиа-

не не могут признать, что Ригведа написана девянсто тысяч лет назад, ибо это противоречит всей их Библии.

Но Библия — не аргумент; существуют тысячи других доказательств того, что Библия неверна. Сама эта Земля, согласно расчетам ученых, существует уже четыре миллиона лет. В Гималаях нашли скелеты морских животных возрастом в шестьдесят тысяч лет. Это говорит о том, что Гималаи вышли из океана не ранее чем шестьдесят тысяч лет назад, иначе океанические животные никак не могли бы вскарабкаться на вершины Гималаев. Они не могли добраться туда из великого Индийского океана, который расположен ближе всего. Морские животные на это не способны, у них нет ног, они не могут взобраться на вершины гор и умереть там лишь для того, чтобы озадачить историков.

Истинные религии не интересуются подобными вопросами, эти вопросы принадлежат науке. Все объективное принадлежит науке. Религия абсолютно субъективна; она принадлежит твоим внутренним глубинам, и чем глубже ты проникаешь в эти внутренние глубины, тем шире перед тобой раскрывается пустота неба. Но эта пустота неба содержит всех будд. Эта пустота неба твоего существа — твой высший опыт. Никто не выходил за пределы этого опыта — этого блаженства, этого благословения, этой полноты. Непостижимое согласие с Сущим: ты пришел домой.

Нансэн говорит: «До чего же слаба и поверхностна моя духовная жизнь, если она открывается людям в видениях и снах!» Очень честно, с полным осознанием того, как много у человека шансов попасть в ловушки эго... именно потому он и стал Мастером. И тех, кто за ним следовал, он никогда не называл «последователями», ибо это опять-таки эгоизм.

Учителя, имеющие много последователей, считают себя великими учителями только из-за числа. Числа важны в политике, но они не имеют никакого значения

для твоего духовного роста. У Будды может не быть ни одного последователя, и это говорит лишь о том, что он достиг таких высот, где его никто не видит. А смысленный попугай — ученый, или пандит, или раввин — может иметь толпы последователей, поскольку люди прекрасно понимают, о чем он говорит. Его слова идут не извне, но от его разума, и поэтому разум слушателя с легкостью их понимает.

У Нансэна были не последователи, но спутники. Он был первый, кто использовал термин «спутники» — вместе движущиеся к одному центру жизни. Тут же возникает вопрос о том, кто мастер, а кто ученик.

Это не означает, что ученики не испытывали почтения к Нансэну. Наоборот, они почитали его особенно сильно, поскольку он никогда не требовал уважения. Есть вещи, которые никогда не получишь, если станешь требовать, а если не станешь требовать, то получишь в изобилии. Нансэн никогда не требовал благодарности или уважения. Он никогда не говорил: «Я — Мастер, а ты — ученик». И благодаря этому вокруг Нансэна сложилась община совершенно нового типа. Его любили и уважали больше, чем любого другого мастера, по той простой причине, что он был исключительно смиренным, нетребовательным и щедро делился со всеми пустотой своего сердца. А свобода смирения... возможно, вы об этом не задумывались, но это никогда не бывает свободно, оно зависит от других.

Сидя в одиночестве на вершине Гималаев, можете ли вы думать о себе как о великом человеке? А вот Папа может считать себя великим, ибо у него есть шесть миллионов последователей — католики всей земли. Ни один религиозный лидер не имеет столько последователей. Это уже больше похоже на политику, чем на религию.

А уловки эго очень коварны: я слышал о некоем святом, который жил один далеко в горах. Как-то раз

к нему пришел путешественник. Он просто проходил неподалеку и решил посетить отшельника. Путешественник думал, что у святого множество последователей, но рядом с ним не было ни души, этот человек пребывал в полном одиночестве.

И путник сказал:

— Люди мира, имеющие многих последователей, считают себя великими. Но я думаю, что все они эгоисты — просто они тешат свое эго, собирая не рупии, но массы народа.

Старый святой улыбнулся и сказал:

— Я единственный, у кого нет последователей. Я единственный, помни это!

Вот как коварны уловки эго. Это самый обыкновенный эгоизм, и он не отличается от всех остальных разновидностей. Смирение должно помнить, что эго входит через заднюю дверь, едва ты вышвырнешь его через парадную. А в твоей жизни множество дверей, и многие из них ты даже не осознаешь. Когда же ты достигнешь полного осознания и дом твой будет залит светом, тень эго уже не сможет в него проникнуть.

Но это не вопрос культивирования. Я видел выполненные золотыми буквами надписи в храмах, гласящие, что если ты будешь смиренным, то обретешь всеобщее уважение. Станный совет! Получается, что человек становится смиренным просто для того, чтобы его все уважали. Это качество нельзя культивировать, ибо для того, чтобы культивировать какое-либо качество, необходима какая-то цель, необходима жажда. Смирение бывает побочным продуктом, а не целью. Когда пребываешь в глубокой медитации и не чувствуешь абсолютно ничего, лишь свидетельствуешь пустоту, смирение приходит само по себе.

Нансэн, несомненно, был человеком великого понимания, но это понимание не от писаний и учености; это понимание выросло в медитациях. Он непрерывно

медитировал в течение тридцати лет; тридцать лет этот человек просто сидел и смотрел внутрь себя. Понемногу, понемногу мысли исчезли, сны исчезли. Вся пыль улеглась. Внутреннее небо стало абсолютно чистым и ясным. Тридцать лет он не спускался с гор.

Именно наместник Лу Сюань убедил его спуститься к людям: «Достаточно. Ты медитировал тридцать лет. Теперь настало время спуститься в долины и поделиться своим опытом». Слова Сюаня убедили Нансэна, поскольку напомнили ему о великих сокровищах, которые скрыты в его пустоте. Миллионы людей живут жизнью нищих, хотя внутри них лежат эти загадочные великолепные сокровища. Он внял увещаниям Сюаня и спустился с гор. Его сразу же окружили тысячи людей, глубоко заинтересованных в том, чтобы найти свое истинное «Я». Монастырь Нансэна стал одним из крупнейших в Японии.

Дзэнский поэт Секисё писал:

*Ты взбираешься на гору Хизэй
по лестнице облаков;
я иду из Киото с бамбуковым посохом —
за тысячу миль друг от друга,
словно звезды севера.
Это единственная возможность
напомнить друг другу о том, что мы друзья.*

Он говорит о том, что не имеет значения, в каком столетии, в каком месте ты обрел просветление. В тот миг, когда ты его обрел, ты становишься современником всех просветленных прошлого и будущего. Существует своего рода братство тех, кто достиг высшего пробуждения.

Маниша задала вопрос:

*Наш любимый Мастер!
Есть ли в жизни ученика точка, откуда нет
возврата?*

Маниша, я должен тебе кое-что объяснить. Вокруг мастера собираются люди трех категорий: студенты (*student*) наиболее поверхностны, эти люди пришли для того, чтобы накопить знания; они никогда не идут внутрь; они просто делают записи и становятся великими учеными, эрудитами. Вторая категория — ученики (*disciple*), которые не накапливают знания, но испытывают их на практике, выясняя, есть в них истина или нет, — «Что это: всего лишь философия или истинный духовный опыт?». Третья категория — сподвижники (*devotee*), которые обрели единство с мастером.

Ты задала вопрос: *Есть ли в жизни ученика точка, откуда нет возврата?* В жизни сподвижника такая точка есть, но ученик всегда может вернуться. Ученик все еще отделен от мастера. Ученик сохраняет некоторую дистанцию; на самом деле, он боится подойти слишком близко. Мастер — это пламя. Подойти — значит сгореть. Такой, как ты есть сейчас, ты сгоришь; все фальшивое сгорит, останется только чистое золото. Ученик держится на некотором расстоянии.

Студент совершенно далек. Этот человек не имеет к мастеру никакого отношения, он лишь собирает крупицы знания и идет своим путем. А ученик находится где-то между студентом и сподвижником.

Ученик может уйти, но сподвижник уже слился с огнем. В Упанишадах сказано, что мастер — это смерть: подойди к нему слишком близко — и ты умрешь такой, какой ты есть. Но, конечно же, потом ты возродишься. Это высказывание из Упанишад содержит лишь половину правды: мастер — это смерть и воскресение.

И все же вначале нужно отважиться на смерть. Нельзя сказать наверняка, воскреснешь ты или нет. Тут нужна глубокая вера в то, что эта смерть коснется только поверхностного и фальшивого, а когда поверхностное и фальшивое умрет, на его месте восстанет твоя истинная индивидуальность, твои двадцать четыре карата чистого золота. Поэтому твой вопрос, Маниша, уместен по отношению к сподвижнику, но не по отношению к ученику.

А теперь поговорим о серьезном:

Фред Неряха заходит в бар и заказывает пиво и виски. Пиво он выпивает, а виски выливает в верхний карман своей куртки.

— Еще пива и виски, — говорит Фред, вытирая губы.

Бармен выполняет заказ, и повторяется то же самое: пиво Фред выпил, а виски вылил в карман куртки. Это происходит еще несколько раз, и наконец заинтригованный бармен спрашивает:

— Эй, парень, а зачем ты это делаешь?

— Не твое дело, — отвечает Фред заплетаясь языком, — и не суй свой нос куда не следует, а то я тебе нос-то укорочу!

Тут из кармана Фреда высовывает голову мышка и кричит:

— И твоему дрянному коту тоже достанется!

У Честера и Бетти Чизов серьезные проблемы в половой жизни: всякий раз когда Честер хочет заняться любовью, у Бетти начинает болеть голова. В конце концов Честер отправляет Бетти к доктору Айболиту, психоаналитику.

— Мы это легко вылечим, — говорит доктор. — Всякий раз когда почувствуете, что у

вас начинает болеть голова, садитесь на крайешек кровати и настойчиво повторяйте: «У меня голова не болит, у меня голова не болит».

Бетти сомневается в действенности этого метода, однако тем же вечером садится на крайешек кровати и выполняет рекомендации доктора. Метод срабатывает. Итак, на несколько недель в доме Чизов воцаряется сексуальная гармония.

Но вскоре начинаются проблемы у Честера. Его машинка отказывается подниматься, и в конце концов Бетти отправляет его к доктору Айболиту. Можете не сомневаться, что следующие несколько недель Честеру нет равных: он напорист как жеребец. Только один момент беспокоит Бетти: всякий раз муж настаивает, чтобы она входила в спальню не раньше, чем через десять минут после него.

И вот однажды вечером она прокралась к дверям спальни и заглянула в замочную скважину. Честер сидел на крайшке кровати и сосредоточенно повторял:

— Она — не моя жена...

Из личных апартаментов Папы-поляка доносятся вопли: папа поругался с кардиналом Попкини. Они так расшумелись, что у дверей собрался весь Ватикан, и всякий теснит другого, чтобы приложить ухо к замочной скважине.

— Чтоб ты сдох! — кричит кардинал Попкини.

— Иди к черту! — во все горло орет Папа.

— Поцелуй меня в задницу! — вопит кардинал.

— Ого! — говорит Папа с удивлением. — Отчего это вдруг ты решил пойти на мировую?

Ниведано...

Ниведано...

Тишина.

Закрой глаза и ощути,
будто твое тело обратилось в лед.
Теперь посмотри внутрь себя.
Будь предельно настойчив,
словно это последний миг твоей жизни.
Иди глубже, центр недалеко, всего один шаг.
Глубже и глубже, ибо в центре ты — будда.
В центре цветет твой лотос,
и ты впервые испытываешь блаженство
без всяких причин, просто блаженство быть.

Величайшее переживание жизни —
это переживание твоей буддовости,
а буддовость — это просто свидетельствование.
Наблюдай за своим телом, наблюдай за разумом, но
помни, что ты — ни то, ни другое.

Ты — всего лишь чистый свидетель, зеркало,
в котором отражается все вокруг.

Тучи приходят и уходят,
приходят и уходят месяцы.
Вечность — твоя природа,
только ты остаешься;
всё движется от рождения к смерти,
от смерти к рождению — это вертящийся круг,
но центр этого круга абсолютно неподвижен.

Чтобы стало понятнее, Ниведано...

Расслабься.

Наблюдай тело и разум,
но будь только свидетелем.
Не нужно ничего делать.
Просто будь свидетелем.
Отражая тебя, зеркало не делает ничего.
Просто будь свидетелем, подобно зеркалу.

Этот вечер прекрасен сам по себе.
Но десять тысяч будд, растворяющихся
в безмолвном свидетельствовании,
сделали его воистину золотым.
Столько цветов осыпается на тебя дождем,

столько радости,
какой ты никогда не знал прежде.
Такая безмятежность,
такая красота,
какие тебе никогда и не снились.
Но это твоя природа.

Прежде чем Ниведано призовет тебя обратно,
собери столько цветов,
столько аромата, сколько сможешь.
Ты должен принести с собой буддовость
из центра на периферию.
В своих действиях, в словах, в безмолвии,
ты должен всегда помнить, что ты — будда.
И это станет великой возможностью
трансформации от морали,
к аморальности, от фальшивки к истине.

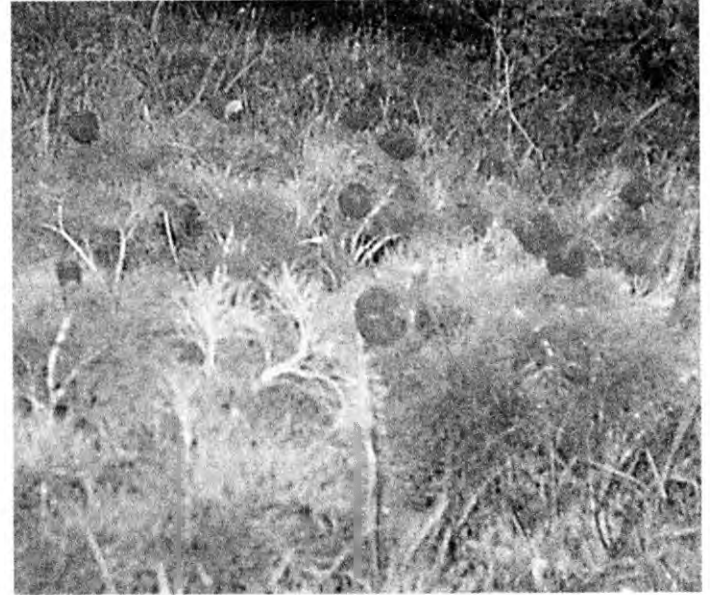
Ниведано...

Возвращайся.
Но возвращайся как будда —
безмолвно, мягко, неторопливо.
Посиди несколько минут
и вспомни то пространство,
где ты только что был,
ту тропу, по которой ты только что прошел.
Тебе нужно всегда двигаться по этой дороге.
Чем глубже тыходишь,
тем более отчетливо проявляется
твоя буддовость.

Я не хочу, чтобы кто-то становился буддистом.
Я хочу, чтобы каждый стал буддой.

- Хорошо, Маниша?
- Да, наш любимый Мастер.
- Можем ли мы праздновать явление десяти тысяч будд?
- Да, наш любимый Мастер!

Сядь в центре круга

Беседа 5
9 октября 1988 года

Наш любимый Мастер...

Однажды Нансэн сказал двум ученикам, что собирается посетить Национального Учителя и хочет взять их с собой.

Но прежде, чем отправиться в путь, Нансэн начертил на дороге круг и сказал:

— Мы пойдем, как только вы дадите верный ответ.

Тогда один из учеников сел в центре круга, а второй поклонился ему, как женщина.

— Судя по вашему ответу, — сказал Нансэн, — нам нет нужды никуда идти.

В другой раз, когда Нансэн стирал одежду, мимо него проходил монах. Увидев, что Мастер занимается таким делом, монах воскликнул:

— Мастер, ты еще не свободен от «этого»?

Нансэн поднял из воды свои одежды и заметил:

— А что поделаешь с «этим»?

Маниша, прежде, чем говорить о твоих сутрах, я хочу представить собравшимся новые экспонаты Музея Богов, принесенные Авирбхавой. Этот музей продемонстрирует миру, насколько безумен был человек на протяжении всей своей истории. Он поклонялся животным и убивал людей. Это настолько нелепо, что будущие поколения будут просто смеяться. Они просто не смогут понять.

В Австралии белые убили почти всех аборигенов. Они называли это охотой. Как некоторые охотятся на

животных, так они охотились на людей, и по вечерам хвастались друг перед другом, кто скольких убил. Им ни на секунду не приходила в голову мысль, что их действия безумны.

То же самое люди делают и с животными. С одной стороны, они поклоняются животным, а с другой — уничтожают целые виды. Некогда существовали тысячи видов животных, от которых теперь не осталось и следа. На них охотился человек и всех перебил. Когда-то этот мир был более живым, более красочным. А теперь мы его почти убили собственными руками — наши руки обогреты кровью.

Двадцать лет назад в мире было всего четыре белых льва. Возле маленького индийского городка Рева, где преподавал Нарендра (будучи там профессором, он приглашал меня выступить перед студентами), раньше жили тысячи белых львов. Они были великолепны. Когда я был в Реве, их оставалось только четыре, а теперь, я слышал, двое из них умерли. Оставшиеся два тоже могут умереть в любой день. Они оба самцы, а значит, детей у них не будет. Понемногу, один за другим исчезли многие виды животных.

Раньше лев был национальным символом Индии, но мы убили столько львов, что их уже почти не осталось. Парламенту пришлось срочно решать вопрос: теперь национальным символом стал тигр. Однако тигр не сравнится со львом. Со львом не сравнится ни одно животное — с его величием, мощью, силой. Но мы их убили. А ведь эти животные не причиняли нам вреда. Они просто жили своей жизнью в горах и в лесах.

Авирбхава принес тигра и льва. Сейчас я скажу несколько слов о каждом из этих животных.

Тигр.

В Ханое тигру поклоняются как богу. На Суматре считается, что в тиграх обитают души умерших.

Во многих странах бытуют самые разнообразные предрассудки и верования, касающиеся тигров. В Мирзапуре, штат Багешвар, тигринный бог живет в ветвях дерева бира; говорят, по ночам он принимает человеческий облик и зовет людей по имени. Нужно быть осторожным: тот, кто ответит на зов, заболевает. В Греции тигр тянет повозку Диониса. В Японии он символизирует отвагу. В Непале есть праздник тигра, известный под названием Баг Джатра, когда верующие танцуют, нарядившись тиграми. В Индии мать-богиня, разрушительница Дурга, ездит верхом на тигре, а Шива в ипостаси разрушителя иногда носит тигриную шкуру.

В Индии существует поверье, что сад, где убили тигра, утрачивает плодородность. Когти, клыки и усы тигра используются в любовных чарах и в качестве средства от одержимости злыми духами.

В Китае тигра считают царем зверей и повелителем сухопутных животных. Иногда он служит символом власти, отваги, военной мощи и ярости, необходимой для защиты от врага.

С психологической точки зрения тигр и лев в религиозных культах являются лишь символами. Поклоняясь тигру и льву, люди просто отдают дань силе, — как некоторые поклоняются деньгам. Во время ежегодных праздников в Индии (в частности, во время праздника огней Дипавали) деньгам поклоняются как богу... простым банкнотам и монетам! И мы называем этих людей разумными! Этих недоумков, поклоняющихся деньгам... Видите ли, если ты поклоняешься деньгам, то богиня богатства Лакшми осыплет деньгами твой дом. Но такого никогда не бывало. Деньги не растут

на деревьях и не падают на крышу твоего дома с неба. И все же люди отмечают эти праздники.

Ребенком я отказывался сидеть вместе со взрослыми, когда они поклонялись деньгам. Я говорил, что это безумие — и это ясно даже ребенку. Деньги мертвы, они просто способ обмена вещами, в них нет ничего божественного. Но люди боятся, что если ты не станешь поклоняться деньгам, то Лакшми отвернется от твоего дома. Возможно, она как раз идет, чтобы одарить тебя деньгами, а ты не поклоняешься, — она может развернуться и уйти.

Я спросил у отца:

— Ты хоть раз слышал, чтобы она действительно осыпала кого-либо деньгами? Чтобы убедить меня, достаточно одного случая.

— Ничего не могу сказать по этому поводу, — ответил отец, — поскольку такого никогда не бывало.

Но люди, одержимые страстью к богатству и желанием иметь его побольше, превратили в бога даже деньги — мертвую вещь, не обладающую никаким значением. То же касается львов и тигров, ибо они символизируют силу и власть. Каждый стремится к власти: повелевать, стать премьер-министром, президентом, королем, королевой. В каждом таится глубочайшая страсть завоевать целый мир.

Этим был болен не только Александр Великий — этим больны все. Просто Александр был достаточно глуп, чтобы пойти на поводу у своей болезни. Большинство Александров затаили эту страсть глубоко в себе, однако страсть завоевать мир все равно теплится в них.

Направляясь в Индию, Александр встретил одного из прекраснейших сынов Греции — Диогена. Диоген спросил Александра:

— Что ты будешь делать, если завоюешь мир? Давай на минутку допустим такую возможность. Итак, если

вдруг тебе удастся завоевать мир, что ты будешь делать после этого?

— Я никогда об этом не задумывался, — ответил Александр, — но, полагаю, тогда я расслаблюсь и отдохну.

Диоген нежился на берегу реки, подставив обнаженное тело солнцу. Он рассмеялся и сказал:

— Если все, что ты хочешь, после того как ты убьешь миллионы людей и завоеешь мир, — это расслабиться, то почему бы тебе не расслабиться прямо сейчас? Берег этой реки достаточно просторен, здесь вполне хватит места для двоих. Из нас выйдет неплохая компания.

Александр был очень обескуражен, поскольку никто прежде не говорил с ним таким образом. Но ему пришлось согласиться:

— Ты прав, если после завоевания мира я собираюсь всего лишь расслабиться и отдохнуть, то вполне можно было бы сделать это прямо сейчас. В конце концов, кто знает, сумею я завоевать мир или нет?

Так и вышло. Он не сумел покорить весь мир. Александр вернулся от границ Индии, от реки Синдху. Ему пришлось сразиться с царем по имени Порас, человеком величайшей чести и отваги, представителем золотых дней человечества.

Александр решил перехитрить Пораса. Он прекрасно понимал, что будет нелегко победить этого человека, поэтому направил к Порасу свою жену с особым заданием. Шел месяц *шаван*, когда в Индии женщины повязывают нить на запястья своим кровным и названным братьям. Это называется *ракша бандхан*. Ленточка служит брату напоминанием о том, что он должен оберегать сестру при любых обстоятельствах, даже если придется поставить на кон собственную жизнь. Это обет. Повязав Порасу на запястье нить, жена Александра сказала: «Знаешь ли ты, кто я такая? Я — жена твоего врага, Александра, разбившего лагерь

на другом берегу реки Синдху. Не забывай, что на твоей руке моя нить. Делай что хочешь, но только не убивай моего мужа».

Порас дал обет. Это была странная стратегия. Но во время битвы случилось так, что Порас убил коня под Александром, тот упал наземь, и индийский царь прыгнул на него со своего слона с копьем наперевес. Когда Порас собрался вонзить копье врагу в грудь, его взгляд упал на нить. Рука воина застыла в неподвижности.

— Что случилось? — спросил Александр.

— Я дал обещание твоей жене, — ответил Порас. — Она стала моей сестрой. Я не могу тебя убить.

Вот так Александр и стал завоевателем. Но это не завоевание. Это просто хитрость. Александр развернул свое войско от реки Синдху. Увидев, как повел себя Порас, грек не решился дальше углубляться в Индию, ибо на пути ему пришлось бы встретить еще много великих и отважных воинов, — а ведь нужно было завоевать целый континент. Поэтому Александр отправился домой, так и не завоевав мир. По воле судьбы полководец умер в один день с Диогеном.

Есть одна красивая история. Она поистине правдива, хотя и не основана на фактах. Научитесь видеть разницу между фактом и правдой. Правда не обязательно основана на фактах, даже выдумка может содержать в себе правду.

Итак, история такова: они встретились на границе между этим миром и раем. Александр шел впереди — совершенно обнаженный, ибо в иной мир невозможно взять с собой ничего, кроме скелета. Внезапно он услышал позади себя гомерический хохот. Александр оглянулся и не поверил своим глазам. «Боже мой, — подумал император, — это же Диоген».

Но стремясь сохранить лицо, он сказал Диогену:

— Надо же, какая необычная встреча на границе между миром и раем: император и нищий.

Александр, конечно же, подразумевал: «Я — император, а ты — нищий».

— Твои слова правдивы, — ответил Диоген. — Но ты кое-что недопонял. Нищий идет впереди меня, а император позади тебя. Живя на земле, я был свободен. У меня не было ни имущества, ни власти, ни положения в обществе. Я просто наслаждался жизнью и полной свободой, ничуть не беспокоясь о том, что говорят люди. А ты мечтал о покорении мира, шел на бесконечные компромиссы, делал тысячи уступок, прибегал к хитрости и дипломатии. Ты был нищим там, нищим остался и тут. А я и здесь и там — император. Никто никогда не ставил под сомнение мой императорский титул, а ведь я говорил — или ты забыл об этом? — что, возможно, тебе не удастся завоевать весь мир и у тебя не будет времени, чтобы отдохнуть и расслабиться. И что ты мне на это ответил?

— Прости меня, — сказал император, — это все от эгоизма. Если бы я тебя послушался и поселился рядом на берегу, то обрел бы хотя бы несколько лет радости, тишины, медитации, покоя, любви. Но я не послушался.

Есть тысячи возможностей пуститься в погоню за силой, политической властью, деньгами, знаниями — за всем, чем кичатся люди, воображая себя особенными.

С психологической точки зрения, в основе поклонения тиграм и львам лежит благоговение перед властью. Поэтому человек, с одной стороны, поклоняется этим животным, а с другой — убивает их. Когда-то я был в гостях у махараджи Бхавнагара, и он показывал мне свой дворец. Везде на стенах торчали головы львов, а в коридорах стояли чучела целых животных. Я спросил:

— Откуда все это?

— Мой отец был великим охотником, — ответил махараджа. — Никто в целой Индии не убил столько львов, сколько он.

— Ты называешь это охотой, — сказал я. — А если бы лев убил твоего отца, как бы ты это назвал? Ты назвал бы это трагедией, но никак не охотой. Однако что есть охота? Человек сидит высоко на дереве с винтовкой в руках, а несчастное животное бродит внизу, совершенно безоружное и незащищенное... вы убиваете его и торжествуете по поводу этого убийства!

И еще я сказал махарадже:

— Должно быть, твой отец был безумцем. Неужели и ты унаследовал его безумство? Эти вещи достались тебе по наследству, но, когда ты мне их показываешь, я вижу в твоих глазах огромную гордость, словно твой отец каким-то образом облагодетельствовал человечество. Сыну человека, который без всякой необходимости убивал таких прекрасных животных, должно быть стыдно.

Несколько слов о львах:

Лев во всем мире известен как царь зверей, а в некоторых странах ему поклоняются как символу солнца и разрушения. В Баальбеке льву поклонялись как богу. В жертву льву приносили теленка, и, пока он его пожирал, благоговейщие зрители пели хвалебные песни в честь хищника. Лев повсюду сопровождает персидского бога света Митру. У арабов был бог-лев по имени Ягут. В Древнем Египте у богини Сехмет была голова льва, а бог Аммит был львом наполовину; считалось, что он пожирает души грешников.

В наше время представители африканского племени балонда поклоняются идолу льва. Его делают из глины и травы и устанавливают в лесу. Если кто-то заболевает, нужно возносить перед идолом молитвы и бить в барабаны.

В индийской мифологии четвертая инкарнация Вишну представляла собой льва-человека по имени Нарасинха — наполовину лев, наполовину человек.

Нам следовало бы понять, насколько безумно вело себя человечество. Важно знать об этих отвратительных примерах поведения человека, ибо тогда ты можешь избежать много безобразного в собственной жизни и твоя энергия направится по каналам, где больше красоты, любви и сострадания.

Авирбхава, давай сюда своих тигра и льва.

(Входят Авирбхава и Анандо в масках. Танцуют вокруг сцены.)

Сутра:

Наш любимый Мастер!

Однажды Нансэн сказал двум ученикам, что собирается посетить Национального Учителя и хочет взять их с собой.

В те дни в Японии был обычай провозглашать какого-то одного мастера Национальным Мастером Дэн. Просто мастеров было много, но Национальный Мастер жил во дворце императора, и другие мастера приходили в столицу, чтобы с ним увидеться. Обычно это был старый уважаемый человек, который многим помог обрести просветление. Нансэн уже был просветленным. Но как-то раз и он собрался посетить Национального Учителя вместе с двумя учениками.

Но прежде, чем отправиться в путь... именно так работал Нансэн. Он изобретал уникальные приемы.

Но прежде, чем отправиться в путь, Нансэн начертил на дороге круг и сказал:

— Мы пойдем, как только вы дадите верный ответ.

Просто круг на дороге... Какой же тут можно дать ответ? Но ученики справились с задачей наилучшим образом.

Тогда один из учеников сел в центре круга, а второй поклонился ему, как женщина.

— Судя по вашему ответу, — сказал Нансэн, — нам нет нужды никуда идти.

На самом деле он никуда и не собирался, это был просто рабочий прием. Но ответ, данный его учениками, воистину прекрасен.

Вначале первый ученик уселся в центре круга. Это — основная задача религии: помочь тебе оказаться в центре своего существа. Находясь в центре своего существа, ты находишься в центре Вселенной. Это — единственное истинное святилище, единственный храм. Его дверь находится в самом центре твоего существа; ты — лишь окружность.

А второй поклонился ученику, сидящему в центре. В Японии женщины ведут себя исключительно изящно. От мужчины такого изящества не ждут. Но женщина должна быть очень изящной. Итак, второй ученик необычайно грациозно, как женщина, поклонился ученику, сидящему в центре. Тем самым он показал глубо-

кое понимание того, что если ты не поклонись тому, кто пребывает в центре своего существа, — с огромным смирением, умиротворенностью, любовью и восприимчивостью, которые свойственны женщинам, — то никогда не достигнешь центра.

Увидев это, Нансэн сказал:

— Судя по вашему ответу, нам нет нужды никуда идти.

Мастер отменил путешествие, поскольку оба монаха и так прекрасно понимали процесс, в результате которого человек становится по-настоящему религиозным.

В другой раз, когда Нансэн стирал одежду, мимо него проходил монах. Увидев, что мастер занимается таким делом, монах воскликнул:

— *Мастер, ты еще не свободен от «этого»?*

Среди идущих дорогой Гаутамы Будды слово «это» имеет особое значение. Гаутама Будда не раз напоминал об «этовости» вещей. Ты стареешь и жалуешься на старость, но Будда говорил: «Не на что жаловаться. Это путь природы».

Он не высказывал сочувствия даже к умирающему. Наоборот, он и тут в полной мере проявлял свое понимание, говоря: «Не волнуйся. Умирай спокойно. Всему рожденному однажды суждено умереть. Принимай смерть с достоинством, не ворчи, не жалуйся, — именно такой должна быть смерть. Он использовал слово *татхата*. Его можно перевести как «этовость», или «таковость». Таков путь жизни, или «это путь жизни». Жаловаться не на что. Против течения не пойдешь, просто следуй ему. Это верный путь... таков путь знающих.

И вот, когда Нансэн стирал одежду, мимо него шел монах. Увидев, что Мастер занят таким заурядным де-

лом — великий мастер с тысячами учеников стирает одежду? — монах воскликнул: «*Мастер, ты еще не свободен от «этого»?*» Нансэн был всегда готов использовать любую ситуацию, чтобы подвести учеников к более глубокому пониманию вещей. Монах имел в виду именно стирку... «Тебе пора освободиться от подобных мелочей. Это могли бы делать за тебя другие». Но мастер сразу же трансформировал слово «это».

Нансэн поднял из воды свои одежды и заметил:

— *А что поделаешь с «этим»?*

И сразу же кардинально изменился весь тон, весь смысл этого эпизода со стиркой. Он превратился в разговор об *этовости*. С *этим* ничего не поделаешь. «*Это*» — значит «текущий момент». Ты можешь думать о том, что прошлое могло быть совсем другим. Ты можешь размышлять о том, каким будет грядущее. Но что делать с текущим моментом? Что делать с *этим*? В текущий момент ты можешь делать только одно, *только* одно: безмолвно свидетельствовать. Больше чем это... в настоящем моменте на большее просто нет места.

Но свидетельствование как раз вмещается в текущий миг. Ты можешь наблюдать. Мастер говорит: «Я стираю одежду и наблюдаю. Что еще можно поделать с *этим*?» И во-вторых, он указывает... Одно из нововведений Нансэна состояло в том, что он велел дзэнским монахам работать — и я считаю это важнейшей отправной точкой. «День без работы — день без еды. Работай сегодня, и только тогда ты получишь пищу завтра».

Это было нечто совершенно новое, и многие были очень недовольны Нансэном: ведь пищу, одежду и все необходимое монахам всегда предоставляло общество. А Нансэн велел своим монахам не попрошайничать. Он обладал революционным характером. Все буддий-

ские монахи ходят с мисками для подаяния, а Нансэн велел своим монахам выбросить миски для подаяния прочь. В монастыре Нансэна не было этих нищенских атрибутов, ибо в его монастыре жили только императоры, но не нищие!

«Мы вполне способны обеспечить себя сами, у нас весьма скромные потребности: чашка-другая чаю и немного риса на обед. А земли вокруг монастыря хватает. Достаточно поработать три-четыре часа... превращай работу в медитацию. Погружайся в работу без остатка, забудь о целом мире, чтобы осталась только работа и не было даже тебя. Ты ушел, ты забыт. Ты настолько погрузился в работу, что она превратилась в глубокую медитацию, в великую трансформацию».

Итак, он ввел нечто новое. Будда предложил нам сидячую и ходячую медитацию — ведь не всякому под силу целый день медитировать сидя, у человека просто начнут болеть кости. Итак, он предложил заниматься час сидячей медитацией, а час — ходячей, чтобы установить некоторое равновесие и не подрывать здоровье медитирующего.

Нансэн сказал: «Несколько часов сидячей медитации и несколько часов медитации в работе». Он просто отбросил ходячую медитацию. Зачем ходить просто так, если можно поработать? Работа сама по себе отличное упражнение. К тому же она принесет зримые плоды и изменит лицо санньясина. Он не должен быть паразитом в обществе, он должен обрести независимость.

Нансэн сумел увидеть, что в далеком будущем это превратится в значительную проблему. Несколько лет назад правительство Таиланда было вынуждено принять закон: никто не имеет права становиться монахом без особого разрешения властей. Дело в том, что в последнее время в этой стране стало непропорционально много монахов... каждый четвертый. Получается, что оставшиеся трое вынуждены нести на себе все бремя

по обеспечению четвертого, — а эти трое и без того находятся на грани голодной смерти. Таиланд — бедная страна, а этот человек бездельничает, ничего не дает обществу, но требует многого... пищи, уважения, почестей.

Должно быть, Нансэн ясно видел, что при тех темпах, какими увеличивается число монахов на Дальнем Востоке, их скоро станет больше, чем мирян. Их будет невозможно прокормить, они утратят все уважение и станут самыми настоящими нищими. Его предчувствие оказалось совершенно правильным. Именно такова ситуация ныне в большинстве буддистских стран.

Итак, этот случай не просто иллюстрирует идею *этовости*. К тому же Нансэн подчеркивает: «Я должен работать. Не важно, просветленный я или нет, я должен стирать свою одежду и выращивать себе пищу на поле».

Нансэн продолжал работать, даже совсем состарившись. Он был уже настолько стар и слаб, что ученики не на шутку обеспокоились. Однажды они просто стащили и спрятали все его рабочие инструменты. Не найдя свои инструменты, Нансэн в этот день отказался от пищи. Незадачливым ученикам пришлось вернуть Мастеру инструменты. Он работал до самого последнего мгновения своей жизни. Нансэн поднял на новую высоту престиж труда, а заодно и престиж санньясина. И вообще, он воплотил в жизнь немало новых идей, идущих вразрез с традицией.

И в конечном счете он победил, ибо сумел предвидеть будущее. Просветленный обладает достаточной чувствительностью и ясностью видения, чтобы заглянуть в будущее. А если ты хочешь подготовиться к будущему, то начинать нужно сейчас.

Мне вспоминается один суфийский мистик, всю жизнь проработавший у себя в саду. Он был очень старым, почти древним, — около ста двадцати лет, — но по-прежнему работал в саду. Правитель тех земель

каждый день ездил по своему царству, переодевшись, чтобы достоверно знать, все ли в порядке в его владениях. И он всегда с большим интересом смотрел на этого старика — самого старого человека в его царстве, который до сих пор копается в своем саду.

Однажды правитель не смог противостоять искушению заговорить со старцем. У старика был очень красивый сад с огромными кедром, которым было, наверное, лет по четыреста, а он сажал новые кедром — тонкие прутики. И вот, не в силах противостоять искушению, правитель спешился, подошел к старику и спросил:

— Сколько тебе лет?

— Лет? — переспросил старик. — Говорят, что-то около ста двадцати. Но я не считал. Может быть, немного больше, может быть, немного меньше. Но почему ты спрашиваешь?

— Я спрашиваю потому, что ты сажаешь деревья, — ответил правитель. — Ты не увидишь, как они растут. Ты посадил деревья, которые начнут плодоносить только через сорок или пятьдесят лет. Тебя уже не станет. А ведь ты работаешь целыми днями. Не понимаю твоей логики.

— Сейчас поймешь, — сказал старик. — Если бы мои родители не посадили деревья, которые им не суждено было увидеть в полном цвету, не видел бы их и я. И я не вкушал бы плодов от этих деревьев. И я не видел бы этих прекрасных четырехсотлетних кедром, которые почти касаются звезд, не любовался бы их красотой и силой. Если бы мои пращуром четыре столетия назад не посадили эти деревья, я не отдохнул бы в их тени, не наслаждался бы их великолепием. Отвечать еще или ты понял?

— Я понял, — смиренно сказал правитель. — Человек, который ясно видит будущее, начинает сейчас или никогда.

Стих Секисё:

*В этих горных селах
в прибрежных городках
я рад найти
приятную компанию:
рыбаки целой ватагой
то и дело захаживают в мою хижину.
Поскольку я никогда
не привлекал живых существ приманкой,
сумел я не предать
тех рыбок, что плывут ко мне,
рискуя жизнью.*

Говорят, что Секисё жил в рыбацкой деревне. Его хижина стояла прямо на берегу озера, и всякий раз, когда он подходил к воде, к нему подплывали сотни рыб. О Секисё рассказывают в точности то же, что о Франциске Ассизском.

И вот, в этом стихотворении он говорит: *Поскольку я никогда не привлекал живых существ приманкой, сумел я не предать тех рыбок, что плывут ко мне, рискуя жизнью.* Подплывавшие к нему рыбки рисковали своей жизнью. Но так бывает, когда твое сердце полно любви. Если насилие настолько чуждо твоему существу, что ты даже и помыслить не можешь о том, чтобы убить живое существо, то это понимают даже деревья, и птицы, и животные.

Тут есть и более глубокий смысл. Говоря метафорически, к каждому мастеру с риском для жизни приближаются тысячи учеников. Это возможно только в том случае, если мастер излучает веру, если мастер излучает любовь, если ты не видишь в глазах мастера ничего, кроме чистого свидетеля, зеркала. Иначе ты не сможешь подойти к мастеру близко, тебе придется сохранять дистанцию, ибо — кто знает, — возможно, он лукавит, возможно, он тебя обманывает.

Но когда ты видишь истинного Мастера, то понимаешь это не умом. Просто, когда ты подходишь близко к истинному Мастеру, твое сердце начинает танцевать. Этого никто не увидит, лишь ты заметишь, что твое сердце вошло в поле новой энергии, в доселе неведомый климат, в незнакомый аромат, — и это притягивает тебя, словно магнит.

И это правда, что чем ближе ты подходишь к Мастеру, тем меньше остается от твоей так называемой личности. Останется лишь то, что истинно и естественно, лишь то, что было с тобой от рождения, — но не то, что дано тебе обществом.

Это правда, что Мастер представляет собой смерть и воскресение. Проходя через Мастера, ты проходишь через пламя, — остается только чистое золото. Все фальшивое в тебе сгорает. Поэтому только очень отважные люди могут сделать шаг по направлению к Мастеру.

Маниша задала вопрос:

Наш любимый Мастер!

Возможно ли, чтобы истинный мастер предал своих учеников?

Маниша, это возможно. Если истинный Мастер чувствует, что предательство поможет его ученикам, он их предаст. Истинный Мастер сделает все, чтобы помочь ученику. Это не так-то просто понять — и Маниша, задавая свой вопрос, вряд ли предвидела такой ответ, — но настоящий Мастер может сделать все что угодно. Да, он может предать, если чувствует, что предательство каким-то образом пойдет на пользу твоему духовному росту. Иначе вопрос о предательстве вообще не стоит.

Прежде всего, Мастер не брал на себя никаких обязательств. Предательству непременно предшествуют обязательства. Истинный Мастер никогда не берет на себя ни-

каких обязательств и никогда не требует этого от других, ибо любые обязательства представляют собой духовное рабство. Обязательства не требуются ни от ученика, ни от мастера — они сближаются друг с другом просто как спутники на дороге. Возможно, Мастер идет немного впереди, но это не значит, что ты ниже, а он выше.

Любой, кто мыслит в терминах превосходства и неполноценности, — вообще не мастер. Этот человек просто пляшет под дудку своего эго, как пляшут под нее самые разные люди во всем мире. Истинный Мастер не играет в игры эго. Поэтому вопрос о том, чтобы полностью подчиниться ему или взять на себя какие-то обязательства, не стоит.

Ты спрашиваешь: «Может ли истинный Мастер предать своих учеников?» — а я говорю, что даже ученик не может предать истинного Мастера, ибо нет никаких обязательств. Мы просто вместе идем по дороге.

Допустим, в определенной точке ты решишь изменить направление. Истинный Мастер просто благословит тебя и заверит, что в случае каких-либо трудностей «я всегда в твоём распоряжении. Ты можешь исследовать любые направления, вся эта вселенная принадлежит нам. К истине ведут тысячи путей. Поэтому, если ты захотел пойти в ином направлении, можешь оставить меня. Но ни на миг не думай, будто ты меня предал. Не чувствуй себя виноватым, ибо мы никогда не брали на себя никаких обязательств».

И, что касается мастера, зачем он станет брать на себя обязательства перед учениками? С какой стати? У него есть *это*. Ученик только ищет это, а мастер уже нашел.

Мне вспоминается история из жизни Гаутамы Будды.

Один ученик Будды по имени Манджушри все время сидел под деревом. Будда шел говорить с монахами, но этот человек не присоединялся к слушателям. Люди снова и снова спрашивали его:

— Манджушри, ты разумный человек. Ты отрекся от мира ради Гаутамы Будды, так неужели это дерево важнее для тебя, чем сам Гаутама Будда? Он говорит с учениками, а ты сидишь здесь.

Обычно Манджушри просто смеялся в ответ и не говорил ни слова. Но как-то раз он сказал:

— Почему бы вам не спросить у самого Гаутамы Будды? Я знаю, он знает.

Люди, задававшие вопрос, очень хотели разгадать эту загадку и поэтому действительно спросили у Будды:

— Почему Манджушри все время сидит под деревом? Ты все время в движении, ты ходишь с места на место, а он все сидит и сидит.

— Он нашел, — ответил Будда. — Теперь ему не нужно никуда двигаться. Все в нем обрело неподвижность и совершенную красоту. Вы видите его только снаружи, сидящим под деревом. Вы не видите цветы, тысячами ниспадающие на Манджушри, наслаждающегося своим просветлением. И вы никогда не задумывались над тем, почему Будда никогда не задавал ему вопросов. Вам следовало бы давно подумать над этим. Будьте бдительнее. Я тоже вижу, что он все время сидит под деревом и не приходит на наши беседы. В этом нет необходимости. Он нашел это. Теперь Манджушри свободен. Он может сидеть под деревом или идти куда вздумается. Его не связывают со мной никакие обязательства.

Истинного Мастера не связывают никакие обязательства — ни с его стороны, ни со стороны учеников. Это девяносто девять и девять десятых процентов ответа на твой вопрос. Одна десятая процента состоит в том, что я сказал вначале: в определенной ситуации истинный Мастер может предать своих учеников, если полагает, что предательство окажется полезным для их духовного роста, поможет им стать более свободными и независимыми. Такая возможность есть; это вполне возможно. Однако это всегда во благо ученику.

А теперь кое-что серьезное в честь льва и тигра.

Старый горбун Гронк собрался на пенсию. Вот уже сорок лет он звонит в огромный колокол собора Святой Троицы, но старость взяла свое, и долгий подъем по крутым ступенькам на колокольню уже дается ему с трудом.

Он помещает объявление о вакансии в газету, и уже на следующий день к храму приходит другой горбун.

— Я пришел устраиваться на работу, — говорит молодой горбун.

Два горбуна совершают долгий подъем на колокольню.

— Это непростая работа, — говорит старый Гронк, отдуваясь. — Смотри!

Старый горбун отбегают в угол, разворачивается и бежит к веревке колокола. Подпрыгнув на шесть метров в воздух, он хватается за веревку и начинает энергично раскачиваться. Гигантский колокол оглушительно звонит: «Бом! Бом! Бом!»

Наблюдающему эту картину молодому горбуну не терпится попробовать самому. Он отходит в угол, бежит к веревке, прыгает на шесть метров в воздух, пролетает мимо веревки и бьется головой о внутреннюю сторону колокола. Колокол тихонько отзывается: «Дзинь...»

— Погодите! — говорит молодой горбун, отряхиваясь. — Я еще раз попробую.

Он отходит в угол, разбегаются, прыгает на шесть метров вверх, пролетает мимо веревки и снова бьется головой о колокол: «Дзинь...»

— Погодите! Еще одна попытка! — кричит побитый горбун.

Он опять отбегают в угол колокольни и со всей прыти мчится к веревке. Подскочив в воздух

на девять метров, он пролетает мимо веревки, мимо колокола, попадает прямо в окно и летит шестьдесят метров вниз с колокольни.

Старик Гронк смотрит из окна на толпу, собирающуюся вокруг маленькой кляксы на тротуаре.

— Эй, наверху! — кричит полицейский констебль. — Вы случайно не знаете, кто этот парень?

— Нет, я не знаю, кто он! — кричит в ответ старик Гронк. — Но головой работать умеет!

— Как можно говорить, что я рассеянный? — говорит Рональд Рейган своей жене Нэнси, намазывая масло на галстук и задумчиво глядя на гренки.

— Но, Ронни, — отвечает Нэнси, — как объяснить, почему вчера, идя на встречу с мистером Горбачевым, ты забыл надеть брюки?

— С мистером — кем? Неужели забыл? — спрашивает Рейган, почесывая голову. — Как странно! Я ничего этого не помню. На самом деле я регулярно забываю только три вещи. Я забываю имена, я забываю лица... а что третье, я забыл!

Директриса института благородных девиц, миссис Уимпи, выступает перед выпускницами с прощальной речью.

— Запомните, барышни, — сурово говорит миссис Уимпи, — вы должны содержать свое тело и ум в чистоте. Со вступлением во взрослую жизнь на ваши плечи ложится бремя новой ответственности. Любовь — вот та основа, на которой зиждется семья, поэтому не разменяйте себя на беспорядочные и безответственные половые связи. Они сулят большие опасности, а наслаждение быстротечно. Теряя честь и

чистоту, вы можете приобрести взамен только болезнь и беременность... и ради чего? Ради одного часа удовольствия!

Вдруг откуда-то с задней парты раздается голос:

— А как вам удастся растянуть это на час?

Ниведано...

))))

Ниведано...

))))

Тишина.

Закрой глаза и ощути,
что твое тело обратилось в лед.

Теперь посмотри вглубь себя с
величайшей настойчивостью,
словно это последняя возможность
в твоей жизни.

Эта настойчивость абсолютно необходима,
поскольку только с ней можно добраться
до центра своего существа.

Глубже и глубже, словно копье,
 устремляйся в свой центр.
 Это источник жизни.
 В центре своего существования
 каждый является буддой.
 И в тот миг, когда ты достигаешь центра
 и чувствуешь,
 как буддовость
 полностью заполняет твое сознание,
 внутри поднимается огромная радость.
 На тебя дождем осыпаются тысячи цветов.

Безмятежность, тишина, блаженство,
 глубочайший экстаз...
 просто наблюдай за всем.
 Ты вступаешь в самую тайну жизни.

Чтобы стало понятнее, Ниведано...

Расслабься.
 Ты — не тело,
 ты — не разум,
 ты — только свидетель.

Этот свидетель — отправная точка.

От этого свидетеля
 ты можешь войти во вселенское, в вечное.
 Это дверь всего великого...
 истины, красоты, добра, —
 сатьям, шивам, сундарам.

Собери столько цветов,
 столько аромата, столько золота,
 сколько возможно,
 ибо ты должен принести с собой будду.

Медленно, медленно...
 Ты должен начать действовать
 как будда днем и ночью;
 не «как будто будда»,
 но как истинный будда,
 помня о благодати, любви, сострадании,
 помня о равновесии и о необходимости
 пребывать посередине — в золотой середине.

Со свидетелем все это возможно.

Этот вечер прекрасен сам по себе,
 но ваше присутствие,
 ваше свидетельствование,
 ваше слияние друг с другом...
 В этом Будда-Холле уже
 нет десяти тысяч человек.
 Она превратилась в озеро сознания.
 Утрата границ — величайшая радость;
 растворение во Вселенной —
 изумительнейшее переживание.

Прежде чем я позову тебя обратно,
 хорошо запомни то место, где находишься,
 ибо тебе придется приходить сюда снова и снова.

*Внимательно посмотри на тропу,
по которой ты шел от окружности к центру.
По этой же тропе тебе предстоит вернуться.*

Это короткая дорога — всего один шаг.

Но какое чудо таится в единственном шаге!

*Обычное становится необычайным,
никто становится буддой.*

Ниведано...

*Возвращайся, но возвращайся как будда, без
страха, без сомнений.*

Будда — твоя изначальная сущность.

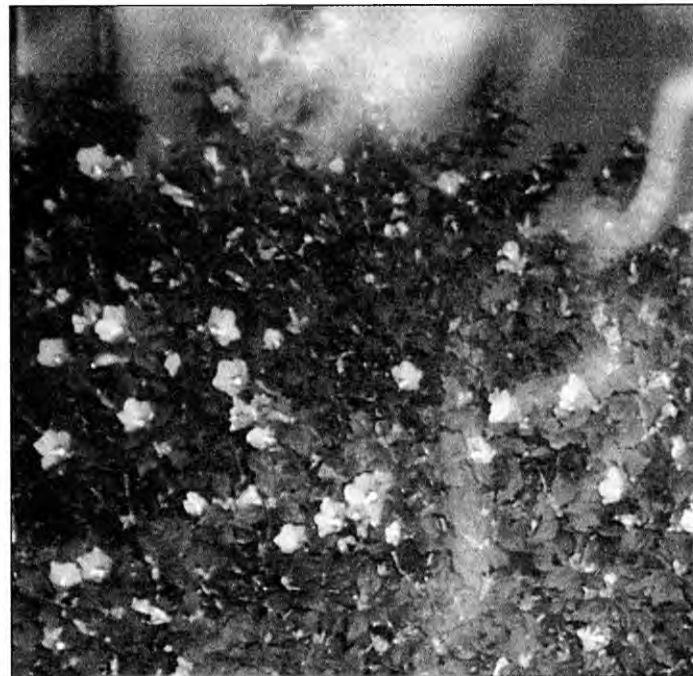
*Посиди несколько минут молча,
вспоминая пережитый только что опыт.
Проживи его в своих жестах,
в своих действиях,
в своих словах,
в своей тишине.*

— Хорошо, Маниша?

— Да, наш любимый Мастер.

— Можем ли мы возрадоваться присутствию десяти тысяч будд?

— Да, наш любимый Мастер.

**Все, что для вас серьезно, —
всего лишь песочные замки**

Беседа 6
10 октября 1988 года

Наш любимый Мастер...

Однажды Нансэн сказал Дзёсю:

— В наше время гораздо лучше жить и работать среди представителей другого вида.

Дзёсю ответил:

— Оставив в стороне вопрос о том, что значит «другой», позволь мне спросить у тебя, что значит «вид»?

Нансэн уперся ладонями в землю. Дзёсю подошел к нему сзади и пнул так, что тот свалился. Затем Дзёсю побежал в Храм Нирваны, крича:

— Каюсь! Каюсь!

Нансэн послал служителя, чтобы он спросил Дзёсю, в чем тот кается.

— Я каюсь в том, что не пнул его дважды, — отвечал Дзёсю.

Маниша, дзэн уникален в том, что он вносит в религиозность игру и смех. Даже великие мастера играют друг с другом — словами, действиями, жеста-ми. Но эта игра всегда указывает на вечное и высшее. За их смехом — великая безмятежность, нерушимый покой. Их смех не истеричен.

Следует понимать разницу между этими двумя разновидностями смеха. В приступе истерического смеха ты не можешь остановиться, ты им одержим; а безмятежный смех... звучит по твоей воле, с твоего согласия. В тот миг, когда Ниведано дает тебе сигнал остановиться, ты останавливаешься. Истерическая личность не сможет остановиться, это выше ее сил. А разумный смех всегда в твоих руках.

Во-вторых, играя друг с другом, дзэнские мастера указывают на что-то, что не может быть выражено в словах. Их ученики потом столетиями обсуждают эти маленькие истории, исполненные несравненной красоты и величия. Это — не анекдоты. Когда Запад через христианских миссионеров впервые встретился с дзэн, люди подумали, что коаны — это что-то вроде анекдотов. У них просто в голове не укладывалось, что эти маленькие эпизоды могут представлять собой священные писания.

Тот диалог, о котором мы будем говорить сегодня, состоялся между Нансэном и Дзёсю, — их обоих считали буддами тысячи учеников. И эта встреча между ними — отнюдь не экстраординарное событие, но совершенно обыкновенное. Дело в том, что их горные монастыри находились неподалеку друг от друга, и мастера нередко заходили друг к другу в гости.

Сама их игривость со всей выразительностью показывает, что не стоит относиться к мирозданию серьезно. Те, кто относится к нему серьезно, — душевнобольные. Сущее следует воспринимать радостно и игриво. Лишь перед теми, кто относится к нему именно так, оно раскрывает все свои тайны.

В этом эпизоде:

Однажды Нансэн сказал Дзёсю:

— В наше время гораздо лучше жить и работать среди представителей другого вида.

Он говорит о том, что человек стал слишком серьезным и забыл об игре; человек собрал столько знаний, что утратил невинность. Поэтому лучше общаться с другими видами — птицами и рыбами, животными и деревьями, — чтобы в твою комму-ну входила вся Вселенная, а не только люди, которые совершенно сбились с пути.

Цветок розы остался в точности таким же, каким он был всегда; течение времени не повлияло на него. Нансэн говорит, что пора бы дзэнским ученикам проводить побольше времени в общении с животными, птицами и деревьями.

Это очень важное замечание. Нансэн говорит, что, вероятно, мы можем узнать тайны мироздания не у человека, но у других видов. Эти существа еще сонастроены с Сущим, они являются его частью, они еще не отделились от него.

Люди в своем эгоистическом порыве отделились от мироздания. Даже такой человек, как Бертран Рассел, назвал одну из своих книг «Покорение природы». Сама идея покорения природы отделяет тебя от нее, сама эта идея делает вас врагами. И одно можно сказать точно: природа воистину необъятна...

Кроме того, ты являешься частью природы, и, если она перестанет с тобой сотрудничать, ты просто умрешь. Каждый миг природа снабжает тебя всем необходимым... воздух, пища, — все, что тебе нужно. Как можно говорить о каком-то покорении? Но никто не спорит с Бертраном Расселом, ибо в его книге представлено все современное мышление: покоряй. Покори Луну, покори Марс, покори то, покори это.

Но никто не задумывается о том, что мы являемся частью природы, — так почему бы нам не расслабиться вместе с ней, почему бы не подружиться, зачем нужно вступать в конфликт? Любой конфликт обратится твоим поражением, ибо ты ничтожен, а природа необъятна. Сколько лет ты проживешь? Семьдесят? Восемьдесят? Миллионы таких же, как ты, приходили и уходили, и от них не осталось даже следа, даже тени.

Как-то раз я спросил у своего папы:

— Я знаю имя твоего отца и отца твоего отца: много ли больше знаешь ты?

— Только еще одно имя, — ответил папа, — а дальше мы не знаем, чья кровь течет в наших венах.

Мы помним четыре-пять поколений предков, а далее простирается необъятное безмолвие. Все те люди, которые были здесь прежде, — со всеми их заботами, тревогами, беспокойством, борьбой, — просто исчезли из мира, словно их никогда и не было.

Дзэн не воспринимает жизнь слишком серьезно, он относится к ней игриво, как дети, которые резвятся на морском берегу, собирая ракушки и камни, строя замки из песка. Наша жизнь — не более этого, и ни к чему быть такими серьезными.

Мне вспоминается случай. Гаутама Будда подходил к одной деревне. У окраины протекала речка, и на ее берегу играли дети — они строили замки из песка и относились к этому своему делу очень серьезно. Если кто-то — а детей там было много, — если кто-то разрушит чужой замок... ведь разрушить песочный замок очень легко, достаточно бросить камешек — и замка нет... дети кричали и сердились друг на друга, а Будда стоял в стороне и смотрел. Спускались сумерки, и матери позвали из окраинных домов: «Дети, домой! Ужин готов». И дети растоптали свои замки — те самые, которые они так старательно строили и защищали от любых посягательств. Они растоптали свои замки и разбежались по домам, даже ни разу не оглянувшись.

Будда сказал путешествовавшему вместе с ним ученикам:

— Жизнь не более этого.

Все, что для вас серьезно, — всего лишь песочные замки. И вы однажды уйдете, растоптав их, и даже ни разу не оглянетесь. Люди, относящиеся к жизни серьезно, упускают красоту игры.

Итак, наш эпизод: *Однажды Нансэн сказал Дзёсю: «В наше время...»*

Это было не так уж давно.

Есть много преданий, которые нельзя ничем ни подтвердить, ни опровергнуть, — преданий о том, что прежде человек понимал язык животных и язык растений, о том, что некогда человек не был отделен от мира, но представлял собой его неотъемлемую часть — разве что немного более сознательную, чем все остальные части. Он не конфликтовал с миром. Он жил радостно и умирал радостно, поскольку был всего лишь волной — приливной волной, но даже приливной волне суждено погаснуть; всему рожденному суждено исчезнуть. К чему тогда можно относиться серьезно? Все вышесказанное хорошо проиллюстрировано во многих писаниях вроде басен Эзопа, где человека вообще нет — только животные. Но эти животные очень выразительно изображают определенные человеческие характеры.

Одна из басен повествует о козленке, который пил воду из горной речки. Проходивший поблизости лев задумал позавтракать козленком. Но ему нужно было какое-то рациональное обоснование... нельзя же просто наброситься на козленка и сожрать его; необходимо чем-то оправдать свои действия. Итак, лев сказал:

— Твой отец очень непочтительно вел себя со мной.

— Когда это произошло? — спросил козленок.

— Вчера.

— Должно быть, вы ошиблись, — ответил козленок, — мой папа вот уже шесть месяцев как умер.

Лев очень разозлился оттого, что его претензия оказалась несостоятельной. Тогда он сказал:

— Ты замутил воду, которую мне пить! Ты не уважаешь царя зверей!

— Посмотрите на поток, — проблеял несчастный. — Я пью ниже вашего водооя. Как я могу замутил вам воду? Вода течет от вашего водооя ко мне. Это вы мутите мне воду, но вы имеете полное право, вы — царь.

Лев, видя, что он выставляет себя на посмешище — козлик во всем прав, — просто бросился на беднягу со словами:

— Невоспитанный! Как смеешь ты пререкаться со старшими? — и как следует позавтракал козленком. А все эти попытки оправдаться...

Каждая басня Эзопа раскрывает перед нами те или иные человеческие качества. Эти басни не о животных, но о человеке. Ты ищешь обоснование любым своим действиям, а если обоснование оказывается неуместным, ты злишься. Ты ищешь другое обоснование, но, если и оно не годится, ты все равно действуешь — совершенно иррационально, начисто забыв о любой логике и обоснованиях. Они служили лишь поводом для того, чтобы сожрать слабого.

Свидетельств пока нет... из глубины веков к нам дошли истории, но к ним относятся как к метафорам, к символам, ибо нет никаких доказательств того, что животные понимали язык людей, а люди — язык животных. В преданиях сказано, что даже деревья разговаривают, даже они общались с людьми. Однако сейчас уже появляются научные подтверждения такой возможности — по меньшей мере в отношении деревьев, ибо с животными в этом направлении работают очень немногие.

Но ведь животные, очевидно, намного разумнее деревьев. А сейчас доказано, что деревья понимают человеческий язык, и не просто понимают; ученые обнаружили, что деревья способны читать мысли, так что даже говорить ничего не нужно.

Это был замечательный эксперимент. Ученые создали специальный аппарат, подсоединяемый к дереву. Этот прибор чем-то напоминает кардиограф — аппарат, который снимает показания работы сердца. По этим показаниям можно судить, работает сердце нормально или дает сбой. Кардиограф чертит график. Если сердце работает ровно, кривая кардиограммы равномерна. Если сердце работает со сбоями, то кривая иногда подскакивает слишком высоко, а иногда резко опускается вниз; она неравномерна.

Подобный же график чертит и аппарат, подсоединяемый к дереву. Ученые были очень удивлены: пока ничего не происходит, кривая остается равномерной. Затем к дереву посылают лесоруба, которому велено срубить дерево. Как только дерево видит приближающегося к нему лесоруба, на графике сразу же отражается беспокойство. Гармоничный характер кривой нарушается. Стоило дереву только увидеть... что само по себе загадочно, поскольку у деревьев нет глаз. Как они видят? Возможно, есть другие способы видения, возможно, мы не единственные зрячие.

Наши глаза устроены определенным образом; зрение дерева, должно быть, основано на каких-то других принципах, — и оно не просто видит лесоруба, но читает его мысли о том, что тот собирается отнять у него жизнь. В ходе дальнейших экспериментов выяснилось, что если сказать лесорубу: «Не руби это дерево. Просто пройди мимо него с топором в руке» (то есть если разум человека не настроен на то, чтобы рубить дерево), то график остается равномерным. Это убедительное доказательство того, что деревья умеют читать мысли — на что не способен человек.

И еще было обнаружено: беспокоится не только то дерево, которое собирается срубить лесоруб, но и деревья вокруг. Их графики тоже становятся неравномерными... кто-то собирается срубить их друга, их соседа,

вместе с которым они выросли, пережили добрые и плохие времена, коротали зиму и лето, мокли под дождями и грелись на солнце. Так что не только дерево, которое собираются срубить, читает мысли лесоруба. Соседние деревья тоже не остаются равнодушными. Но, если лесоруб со своим топором просто идет по лесу, не собираясь никого из них рубить, все графики остаются равномерными.

Потрясающий эксперимент. Он показывает, что деревья каким-то образом видят, хотя мы пока еще не знаем как. Они каким-то образом читают мысли. Нам очень сложно постичь это, поскольку сами мы мысли читать не умеем. Когда-нибудь будут проведены более глубокие исследования, и мы узнаем, что они не только читают мысли, но и понимают речь. Что есть мысли? Человек просто говорит про себя: «Я собираюсь срубить это дерево». Если они способны воспринимать возникающие в мозге мысли, то почему бы им не понимать слова?

И во-вторых, если деревья способны читать мысли и проявляют страх и беспокойство, то, возможно, они каким-то образом разговаривают, а мы просто не знаем их языка. Может быть, их речь звучит на слишком высоких или слишком низких частотах, недоступных нашему уху.

Мы слышим звук в определенном диапазоне и видим тоже только в определенном диапазоне. Например, сова, в отличие от нас, хорошо видит ночью. Ее зрительный диапазон шире нашего.

Давно известно, что змеи танцуют под мелодии флейты, — а в Индии вы можете повсеместно увидеть это своими глазами. Проблема состоит в том, что у змей нет ушей. Каким образом они реагируют на звук? Они ведь не слышат! Но ученые проводили все новые и новые исследования и придумали удовлетворительное объяснение этому феномену: змея слышит всей кожей.

Иметь уши совсем не обязательно: уши — это тоже кожа, не более чем кожа с особыми свойствами; и глаза — это тоже кожа с особыми свойствами. Змея слышит всем телом, вот почему ее танец исполнен такой красоты: ведь флейта воздействует не просто на уши, но на все тело. А поскольку у змеи нет костей, ее тело обладает необыкновенной гибкостью. Однако открытие, что змея слышит всем телом, позволяет предположить, что она также может каким-то образом говорить. Нужно просто работать над различными способами общения.

В последнее время люди серьезно исследуют дельфинов. Оказалось, что дельфины определенным образом общаются друг с другом. Но они используют совсем не тот принцип, что человек: дельфины обмениваются ультразвуковыми волнами. Мы их не слышим, но миллионы дельфинов, живущие в океане... Дельфины могут переговариваться через многие мили, так как ультразвук распространяется в воде очень далеко, почти как радиоволны.

Вы не слышите радиоволны, потому что у вас нет принимающего механизма. Но если вы возьмете радиоприемник... Что такое радиоприемник? Принимающий механизм. Прямо сейчас мимо вас проносятся тысячи радиоволн от всех радиостанций земли, но вы их не слышите. А маленький радиоприемник значительно расширит ваш диапазон, и вы сможете слушать радиостанции.

Во время последней мировой войны одного человека ранило в голову около уха. Пулю вытащили, но — надо же, какое совпадение! — этот человек начал слышать передачи местной радиостанции.

Вначале ему никто не верил. Люди смеялись:

— Ты что, с ума сошел? Разве можно слышать радиоволны ушами?

— Но я готов доказать это, — не унимался он.

В конце концов врачи решили провести эксперимент — хотя бы для того, чтобы он успокоился. Никто не верил в то, что такое возможно. Итак, в одной комнате установили радиоприемник, настроились на местную радиостанцию и посадили машинистку, которой велено было печатать все, что звучит в эфире. А этого человека посадили в другой комнате, без радио, и он записывал все, что слышал своим необыкновенным ухом. Тексты оказались совершенно идентичными. Этот человек говорил правду.

Но он начал понемногу сходить с ума, ибо не имел возможности выключить радио в своей голове. Он вынужден был выслушивать все новости и все рекламные объявления, с шести часов утра до полуночи. Эти радиопередачи настолько отвлекали его внимание, что он просто не мог ничего делать. Он даже не мог ни с кем нормально побеседовать, ибо в его голове никогда не утихал шум. В конце концов пришлось сделать ему операцию и удалить ухо.

Но это значит, что когда-нибудь нам не придется носить с собой радиоприемники. Достаточно немного изменить само ухо... небольшое хирургическое вмешательство, возможно, кнопка на мочке, чтобы можно было включать и выключать радио, и все... не нужно носить с собой приемник.

Я начал с того, что дельфины разговаривают на совершенно другой частоте, и поэтому мы вообще не чувствуем, что что-то происходит, мы не слышим звука, но другие дельфины за много миль принимают сообщение сородича. Дельфинов изучают очень серьезно, поскольку они, видимо, единственные животные в мире, чей мозг крупнее человеческого. Нам еще предстоит выяснить, как он работает. Он, несомненно, совершеннее человеческого мозга, но работает в другом направлении, в другом измерении. Его работа не пересекается с работой человеческого мозга.

Итак, Нансэн говорит о том, что в древности некоторые люди умели общаться с представителями других видов. В наши дни все это совершенно забыто. И он говорит, что в наши дни искателю *лучше жить и работать среди представителей другого вида*. Тогда ты сможешь увидеть разницу.

В Упанишадах есть рассказ о молодом человеке по имени Шветакету. Он обучался в лесном университете неподалеку от дома и закончил его с отличием. Юноша возвращался домой, неся с собой непомерно раздутое эго, ибо он был лучшим в университете. Его отец увидел в окне, что сын возвращается, и сказал жене:

— Да, он обрел знания. Это заметно по его эго, по его самодовольному виду. Но мы посылали его не за этим. Мне придется отослать его обратно. Так что не вмешивайся, не плачь и не причитай: «Зачем ты снова отсылаешь прочь нашего сына?»

Едва Шветакету вошел во двор, отец сказал:

— Не входи в дом. Я вижу, что ты изучил писания, но знаешь ли ты, кто ты есть?

— Это не входило в программу, — ответил Шветакету. — Я изучил четыре Веды и все Упанишады. Но вопрос «Кто я есть?» не входит в программу университета.

— Тогда отправляйся к старому провидцу, который руководит лесным университетом, и задай ему этот вопрос, — сказал отец. — И не возвращайся, пока не узнаешь ответ, потому что иначе тебе незачем возвращаться. Я живу лишь ради того, чтобы увидеть, что ты постиг себя.

Итак, юношу развернули прямо с порога. Шветакету был очень расстроен и удивлен. Он рассчитывал на радушную встречу... но радушие оказалось каким-то странным. Он пришел к своему мастеру и сказал:

— Мой отец говорит, будто все, чему вы меня учили, совершенно бесполезно. Вы не научили меня главному: «Кто я есть?»

— Да, твой отец прав, — ответил мастер, — но это трудная задача, очень трудная.

— Как бы то ни было, я должен эту задачу выполнить, — сказал юноша, — иначе я не могу вернуться домой!

— Тогда тебе нужно сделать вот что, — сказал мастер, — возьми вон ту сотню коров и, пока их не станет тысяча... Оставайся в глубине леса, куда не забредают люди. Даже если увидишь кого-то, прячься! Не говори на человеческом языке, просто будь с коровами. А когда коров станет тысяча, приведи их обратно.

Странная идея. Шветакету подумал: «И когда же их станет тысяча? Полжизни может пройти».

Однако так сказал мастер. И вот юноша взял сотню коров и погнал их в лесную чащу, туда, где не встретишь ни души. В течение нескольких дней в голове его все еще роились мысли, но можно ли думать об одном и том же каждый день? А поговорить было не с кем.

В конце концов он обрел безмолвие. Прошли годы, и вот он сам стал почти как корова. Ведь он жил с коровами, спал возле коров, ухаживал за коровами, — коровы стали его миром. Он совершенно забыл о людях.

Красивая история... Шветакету даже забыл о том, что, когда коров станет тысяча, он должен вернуться домой, поскольку эта идея принадлежит языку. Он даже забыл о необходимости считать их. И ему прекрасно жилось в полной тишине.

Наконец одна корова сказала:

— Я не могу удержаться от искушения заговорить с тобой, ибо нас теперь ровно тысяча. А ты, похоже, забыл обо всем. Пора вести нас к мастеру.

Шветакету привел тысячу коров. Еще издали увидев стадо, ученики сказали мастеру:

— После стольких лет отсутствия к нам возвращается Шветакету. Он ведет тысячу коров.

— Теперь уже не стоит говорить «Шветакету», — сказал мастер. — Просто скажите, что возвращается тысяча и одна корова!

Так оно и было. Шветакету пришел и стал на месте точно так же, как стояли остальные коровы. Он не говорил ни слова. И его глаза были так чисты, так безмолвны, что мастеру пришлось встряхнуть его:

— Теперь больше не будь коровой! Ты наконец можешь предстать перед своим отцом. Иди домой.

Так и не сказав ни слова, Шветакету отправился к отцу. Его отец снова увидел сына в окно и воскликнул:

— Боже мой! Он действительно постиг. А я сам не знаю, кто я!

И старик сбегал через заднюю дверь, сказав на прощанье жене:

— Сейчас он прикоснется к моим стопам, а это неправильно. Не годится, чтобы постигший прикасался к стопам невежественного. Очень неудобная ситуация. Я ухожу. Позаботься о сыне. Возможно, меня не будет несколько лет... ведь я стар, но я буду стараться. Я не вернусь, пока не узнаю, кто я есть. Я не могу посмотреть в глаза своему сыну. Он идет так красиво, так смиренно, без знаний, без гордости, без эго — чистейшее безмолвие, дуновение прохладного ветра.

Это возможно, если ты живешь с деревьями... Я поручил Мукте ухаживать за моим садом. И вот она следит за садом уже почти двадцать лет. Эта женщина стала настолько безмолвной... Ее можно услышать лишь тогда, когда она защищает свои деревья от чьих-либо посягательств, — о, тогда она воистину ужасна. Ее главный враг — Ниведано, ибо он устраивает в саду водопады, и иногда деревья ему мешают... А в остальное время Мукты словно и нет в ашраме, хотя она всегда тут.

Живя с деревьями, человек становится деревом. Та же тишина в глубине существа...

Нансэн говорит:

— В наше время гораздо лучше жить и работать среди представителей другого вида.

Дзёсю ответил:

— Оставив в стороне вопрос о том, что значит «другой»...

Так играют в свою игру мастера. Дзёсю говорит: «Оставив в стороне вопрос о том, что значит “другой”», потому что прежде всего нужно доказать, что кто-то является другим по отношению к тебе. Все — одно; кто же может быть другим? Весь Космос представляет собой единство, что может быть другим?

Но пока, «оставив в стороне вопрос о том, что значит “другой”, позволь мне спросить у тебя, что значит “вид”?»

Ты создаешь категории. В глубочайшем безмолвии нет ни категорий, ни видов. Кто ты в своем безмолвии — корова, человек, лев? В глубине своего существа ты просто *таковость*. Такость не может быть названа по имени.

Дзёсю и сам был великим мастером. Он говорит: «Оставив в стороне вопрос о том, что значит “другой”, позволь мне спросить у тебя, что значит “вид”?» Ты создаешь разделение в мироздании, где никакого разделения не существует. И с философской точки зрения Дзёсю совершенно прав.

Нансэн уперся ладонями в землю...

Словно решил пройтись на четырех, как животное. Он не стал пускаться в философские рассуждения, не

стал обсуждать вопрос «видов». Нансэн просто уперся руками в землю, показывая, что с экзистенциальной, философской точки зрения категорий не существует. Но при этом внешние различия есть. Некоторые животные ходят на четырех ногах, некоторые — на двух; некоторые передвигаются по земле, некоторые прыгают с ветки на ветку. Но Нансэн ничего не говорит; вместо того, чтобы говорить, он *есть*. Он упирается руками в землю и становится коровой, в точности так, как стал коровой Шветакету в рассказанной мною истории.

Дзёсю подошел к нему сзади и пнул так, что тот свалился. Затем Дзёсю побежал в Храм Нирваны, крича:

— Каюсь! Каюсь!

Он сбил Нансэна с ног, а затем побежал в Храм Нирваны, крича: «Каюсь! Каюсь!»

Нансэн послал служителя, чтобы он спросил Дзёсю, в чем тот кается.

— Я каюсь в том, что не пнул его дважды, — отвечал Дзёсю.

Странный ответ. Он с самого начала повел себя странно, пнув Нансэна. Но в дзэн это в порядке вещей. Пиная Нансэна, Дзёсю тем самым говорит: «Мое сознание гораздо выше, чем сознание животных. Я достиг высочайших вершин сознания. А они просто неосознанно ходят по земле на четырех лапах. Я пинаю твою неосознанность».

Он пинает не самого Нансэна, но его символическое превращение в корову. И с экзистенциальной точки зрения Дзёсю прав. Но затем он побежал в Храм Нирваны, крича: «Каюсь! Каюсь!»

Нансэн прекрасно понял, что сделал Дзёсю... он сказал, что человек осознания и просветления не может общаться с животными. Даже с людьми общаться сложно, что же тогда говорить о животных? Мы слишком разные, нас разделяют световые годы.

Поэтому Нансэн не возражал против того, чтобы его пнули, он понял, что хотел сказать Дзёсю. Но почему тот закричал «Каюсь! Каюсь!»? Каяться не в чем, он поступил правильно. И Нансэн послал служителя, чтобы тот спросил, в чем кается Дзёсю. «Каяться не в чем. Ты ответил совершенно уместно в данной ситуации».

«Я каюсь в том, что не пнул его дважды», — ответил Дзёсю, ибо одного раза недостаточно, чтобы выбить из его головы идею о том, что ученики должны работать с природой — с животными и птицами. «Возможно, одного раза недостаточно, — поэтому я и каюсь. Возможно, два пинка были бы в самый раз». Нансэн никак не прокомментировал эти слова, тем самым признав, что, даже если бы Дзёсю пнул его дважды, ничего плохого в этом не было бы.

И Дзёсю, и Нансэн были великие мастера, но играли друг с другом, словно малыши. В этом особенность дзэн — отправной точки по отношению ко всем остальным философским системам.

Стих Секиё:

*Сотни распустившихся цветов,
все родом с одной ветки.*

Смотри:

все их цвета

в моем саду.

Я распахнул скрипучие ворота

и на ветру

увидел

свет весеннего солнца.

Он уже достиг
бесчисленных миров.

У дзэнской поэзии есть одна особенность, о которой всегда следует помнить: она живописна. Не пытайтесь ее понять, попытайтесь увидеть. *Сотни распустившихся цветов*, — постарайтесь увидеть, не нужно понимать, — *сотни распустившихся цветов, все родом с одной ветки. Смотри: все их цвета в моем саду. Я распахнул скрипучие ворота и на ветру увидел свет весеннего солнца. Он уже достиг бесчисленных миров.*

Поэзию всех остальных языков мира нужно понимать. Дзэнскую поэзию нужно видеть, визуализировать, она просто создает мир цветов, форм, света. Если ты безмолвно представишь себе все это, то сможешь даже ощутить аромат цветов и тепло солнечных лучей. Все зависит лишь от того, насколько интенсивно, насколько полно ты создаешь мир из слов дзэнского поэта.

Просто откажись от старой идеи воспринимать все в словах. Здесь нужна визуализация, это совершенно другой подход. Иначе тут не так уж много поэзии; если воспринимать эти стихи в словах, то поэзии тут немного. В мире много великих поэтов, и по сравнению с ними дзэнские поэты выглядят очень бедно. Но никакое сравнение тут просто невозможно, поскольку великие поэты мира творят в ином измерении, они интеллектуальны. Нет нужды визуализировать Шелли или Байрона, их нужно понять. Они работают с понятиями, и таковы поэты всего мира.

Лишь дзэнские поэты совсем иные. Их поэзию не нужно понимать. Она адресована не разуму, но чувству; нужно просто создать в своем воображении, в тишине за сомкнутыми веками, весь этот мир, о котором говорит поэт. Нужно видеть эти цветы, видеть эти цвета. А когда ты увидишь цветы, и цвета, и скрипучие ворота (ты открываешь их, а они поскрипывают),

и солнечные лучи, которые входят через ворота и касаются цветущих веток, тогда, возможно, ты ощутишь аромат этих цветов и даже сумеешь сорвать несколько. Это очень экзистенциальный способ выражения.

Маниша спросила:

Наш любимый Мастер!

Неужели Ты не предан даже истине и свободе? А если нет, то не потому ли, что истина и свобода являются настолько неотъемлемой Твоей частью, что у Тебя с ними уже невозможны никакие взаимоотношения — например, взаимоотношения преданности?

Маниша, ты понимаешь все совершенно правильно. Я не связан с истиной. Истина не является чем-то отдельным, чему я могу быть предан. Это мое существо. Любовь и свобода, сострадание и радость — все они являются аспектами моего сознания. Они неотделимы от меня, поэтому вопрос о преданности просто не стоит.

Можно быть преданным только чему-то отдельному от тебя. Все мои усилия направлены на то, чтобы вы поняли: в глубине вашего сознания все это есть. Проникая в собственное сознание все глубже, вы встречаете любовь, встречаете сострадание, встречаете истину, встречаете свободу. Ничего делать не нужно. Единственное усилие направлено на то, чтобы проникнуть поглубже в свое сознание, а все остальное придет само собой. Все остальное — цветы сознания.

А теперь поговорим о серьезном.

Би-Би-Си прерывает прямую трансляцию олимпийских игр и передает экстренное сообщение:

— Леди и джентльмены, планету только что облетели две новости — плохая и хорошая.

Плохая новость состоит в том, что на Землю только что вторглись марсиане. А теперь хорошая новость: они едят политиков и писают бензином!

Поигрывая мышцами под растянутой до пояса рубашкой, в бар вольготной походкой входит знаменитый голливудский актер Рок Ханк. Он видит у стойки Роскошную Глорию. Она сидит в одиночестве и не спеша попивает мартини.

Рок Ханк уверенно направляется к девушке, склоняется к ушку и шепчет:

— Ах, детка, я бы не прочь забраться к тебе в трусики!

— Как ни жаль, — улыбается Глория, — но я не думаю, что это возможно.

— Почему же? — спрашивает Рок.

— Потому, — отвечает Глория, вставая и направляясь к выходу, — что там помещается только одна задница!

Кардинал Кошкинзад пойман при попытке вынести из ватиканского супермаркета мороженого цыпленка, спрятав его под рясой.

Узнав об этом, Папа-поляк не на шутку рассердился.

— Знаешь ли ты, — вопрошает польский Папа, — что, воруя цыпленка из моего супермаркета, ты нарушаешь одну из заповедей Господних?

— Да, — отвечает Кошкинзад, уставившись себе на ботинки, — но я взял цыпленка не для себя. Я взял его для вашей новой секретарши.

— Что? Для моей новой секретарши? — кричит доведенный едва ли не до истерики Папа. — Ты готов пожертвовать своей бессмертной ду-

шой ради молоденькой секретарши? — Совсем потеряв над собой контроль, Папа воздевает руки и восклицает: — Ради какой-то недотраханной секретарши!

— Я ее дотрахан, — сказал кардинал, — и она сразу же попросила цыпленка!

Ниведано...

))))

Ниведано...

))))

Тишина.

Закрой глаза и ощути,
что твое тело обратилось в лед.
Теперь посмотри вглубь себя
с величайшей настойчивостью,
словно это последний миг твоей жизни.

Отправляйся к самому источнику жизни,
который является твоим центром
и в то же время центром всего сущего.
Точка слияния твоего центра

и центра мироздания
символически представлена буддой.
В этой точке ты становишься буддой —
пробужденным.

Ты вошел в новый мир истины,
красоты и блаженства.
Пусть эти качества пропитают тебя насквозь.
Пусть тебя наполнит осознание того,
что ты — будда,
ибо тебе нужно принести с собой будду
во внешний мир.
И ты должен жить как будда
в каждом своем действии,
в каждом жесте и слове, —
двадцать четыре часа в сутки.
Лишь тогда ты сможешь подняться
на высочайшие вершины сознания.

Чтобы стало понятнее, Ниведано...

Расслабься
и просто наблюдай тело и разум.

Ты ни то, ни другое,
но только свидетель.

Сосредоточься на свидетеле.

Все приходит и уходит, только свидетель вечен.
Он никогда не рождался и никогда не умрет.
Иное имя этого свидетеля — будда.

Этот вечер прекрасен сам по себе.
Но твое присутствие,
твое свидетельствование превратили его
в само великолепие, в несравненное величие.
На тебя дождем осыпаются тысячи цветов.
Собери столько цветов, сколько сумеешь.
Скоро Ниведано позовет тебя обратно.
Собери как можно больше опыта.
Ты должен вынести его из центра на периферию.

Ниведано...

Возвращайся, но приведи с собой будду.
Будь изыщен.
Помни, как ведет себя будда —
как он встает, как садится.
С тем же изыществом,
с той же красотой,
с тем же танцем в сердце...

Радуйся и помни,
что ты — счастливчик,
ибо за пределами Будда-Холла
никто не интересуется своим внутренним «Я».
Люди тревожатся о мелочах,
заботятся о мирском.

*Пойми, что тебе посчастливилось найти место,
где тысячи людей идут по тому же мосту,
по той же дороге, к тому же центру.*

— Хорошо, Маниша?

— Да, наш любимый Мастер.

— Можем ли мы возрадоваться собранию десяти тысяч будд?

— Да, наш любимый Мастер.

Вы забыли о своих крыльях

Беседа 7
11 октября 1988 года

Наш любимый Мастер...

Однажды, когда Обаку сидел в гостиной у Нансэна, тот спросил у него:

— Говорят, что тот, кто практикует самадхи, и тот, кто практикует праджня, могут одинаково ясно видеть природу будды. Что это значит?

— Это значит, что мы никогда не должны ни от чего зависеть, — ответил Обаку.

Тогда Нансэн поинтересовался:

— Хотелось бы знать: вы высказали свое собственное мнение?

— Конечно же, нет! — сказал Обаку.

Нансэн сказал:

— Оставив пока в стороне вопрос о цене питьевой воды, я хотел бы спросить: кому вы должны вернуть деньги за свои соломенные сандалии?

На этот вопрос Обаку не ответил.

Маниша, этот эпизод кажется очень простым, однако это не так. Тут в немногих словах сформулирован исключительно важный вопрос, который, к сожалению, до сих пор никто не обсуждал. Я хотел бы поговорить об этом подробно.

Однажды, когда Обаку сидел в гостиной у Нансэна, тот спросил у него:

— Говорят, что тот, кто практикует самадхи, и тот, кто практикует праджня, могут

одинаково ясно видеть природу будды. Что это значит?

Прежде чем перейти к ответу Обаку, нужно разобраться в значении слов *самадхи* и *праджня*. Это очень тонкий и сложный вопрос. Для того чтобы понять самадхи, мы обратимся к Рамакришне. Здесь мы увидим основные внешние признаки этого состояния — то, что можно наблюдать со стороны.

Рамакришна уходил в самадхи на многие часы. Однажды он провел в этом состоянии шестеро суток. Для него и для его последователей самадхи обозначает совершенно бессознательное состояние (существует великая пятитысячелетняя традиция работы с самадхи; традиция, берущая начало от Патанджали). Постороннему человеку показалось бы, что Рамакришна пребывает в коме; психолог подумал бы, что он отправился в глубочайшие бессознательные слои своего разума. И вернуть его в обычное состояние не было никакой возможности.

В конце концов его сознание непроизвольно поднялось обратно на поверхность, и он осознал окружающий мир. Всякий раз, выходя из самадхи, — из этого подобного коме бессознательного состояния, — Рамакришна начинал плакать, причитая: «Почему ты забрал меня от этого великолепия, от этого блаженства, от этого великого безмолвия, в которое я был погружен? Время остановилось, я забыл о мире, я был один, и все пребывало в своем совершенстве. Зачем же ты забрал меня?» Он обращал этот вопрос к Сущему. «Почему ты не позволил мне остаться там?»

Будда не считал бы такое состояние самадхи. Самадхи Будды — это *праджня*, а праджня — это осознание. Ты должен углублять свою осознанность, а не уходить в бессознательность. Самадхи и праджня — две противоположности. Праджня — это совершенная осознан-

ность твоего существа. А самадхи Рамакришны — это полное забвение. Никто прежде не исследовал глубоко и точно, в чем состоит разница между этими явлениями.

И Будда, и Рамакришна говорили, что в основе их опыта лежит великое блаженство, оба говорили о вечности, истине, красоте, благодати. Но при этом один был совершенно бессознателен, — он погружался в бессознательное до того глубоко, что можно было отрезать ему руку, а он даже не заметил бы. А Будда был настолько сознателен, что всякий раз внимательно осматривал пол, прежде чем сесть, чтобы случайно не раздавить какую-нибудь букашку. Он проявлял огромную осознанность в каждом своем действии.

Я уже рассказывал вам историю о том, как однажды он шел по одной из улиц Вайшали и ему на лоб уселась муха. Увлеченный разговором с Анандой, Будда согнал муху механическим движением руки — как обычно делаете вы все. Затем он внезапно остановился и снова взмахнул рукой. Но ведь теперь мухи уже не было.

Ананда спросил:

— Что ты делаешь? Ведь муха уже улетела.

— Да, муха улетела, — ответил Будда, — но в прошлый раз я действовал неосознанно. Я взмахнул рукой механически, словно робот. Теперь я взмахнул рукой так, как должен был сделать это вначале — совершенно сознательно.

Итак, очевидно, существует два противоположных друг другу подхода. На протяжении веков идут споры по поводу того, кто прав, ибо в обоих случаях речь идет об одном и том же переживании. Исходя из собственного опыта, я считаю, что выйти из разума можно с обоих концов. Одна десятая часть разума сознательна, девять десятых бессознательны. Представьте себе разум: верхний слой сознательный, а под ним девять слоев бессознательного. И из разума можно выйти с

обоих концов. Нельзя выйти из середины, нужно выйти до какого-то края.

Рамакришна пересекал разум, отправляясь глубоко в бессознательное. А достигнув конца последнего бессознательного слоя, он выходил за пределы ума. Постороннему наблюдателю казалось, что он пребывает в коме. Но он достигал тех же ясных небес, что и Будда, хотя избрал для этого темную и унылую дорогу, — он избрал ночную сторону сознания, однако при этом обретал тот же самый опыт.

Будда никогда не впадал в такое бессознательное состояние. Даже прогуливаясь, он делал каждый шаг полностью осознанно и изящно, каждый его жест был совершенно осознан и грациозен. Он трансформировал свое сознание до такой степени, что даже бессознательные уровни понемногу становились сознательными. Окончательное просветление наступает тогда, когда все бессознательные слои становятся сознательными. И после этого человек тоже может выйти за пределы ума.

И самадхи, и праджня представляют собой состояния не-ума, когда человек выходит за пределы разума. Опыт один, но два пути, ведущие к нему, отличаются друг от друга, — очень отличаются. Один — путь света, по которому шел Будда; другой — путь тьмы, по которому шел Рамакришна. И совершенно очевидно, что люди, не понимающие эти пути (ибо они не ходили по обоим путям, ведущим к одному и тому же опыту), могут спорить без конца, отстаивая только одну из дорог.

Одни станут говорить, что самадхи Рамакришны — не более чем кома, что он просто терял сознание. Другие станут утверждать, что Будда ничего не знает о самадхи, поскольку он никогда не входил в самадхи так, как Рамакришна. Но, основываясь на собственном опыте, я могу утверждать, что они оба познали самадхи, оба познали праджню. Рамакришна вначале познал

самадхи, а из самадхи рождается праджня. Будда вначале познал праджню, а из праджни рождается самадхи. Нужно только понять, что сущее всегда противоречиво, оно состоит из противоположностей — день и ночь, жизнь и смерть.

Рамакришна шел путем бессознательного... Никто до сих пор не обдумал этот вопрос как следует... А Будда шел путем чистого света, путем непрерывного осознания. Будда даже спал осознанно.

Итак, Нансэн задал очень важный вопрос:

— *Говорят, что тот, кто практикует самадхи, и тот, кто практикует праджню, могут одинаково ясно видеть природу будды. Что это значит?*

— *Это значит, что мы никогда не должны ни от чего зависеть, — ответил Обаку.*

Обаку был не мастером, но ученым. А ученость не поможет ответить на этот вопрос — тут нужен не интеллект, но только опыт. Поэтому он дает совершенно неуместный ответ: «*Это значит, что мы никогда не должны ни от чего зависеть*». Вы видите хоть какую-то связь с вопросом? Ответ не имеет никакого отношения ни к самадхи, ни к праджне. Обаку — не просто учитель, он слепой учитель. Он пропустил вопрос мимо ушей.

Тогда Нансэн поинтересовался (этот вопрос возник у него незамедлительно — и это служит подтверждением тому, что я только что говорил):

— *Хотелось бы знать: вы высказали свое собственное мнение?*

Любой увидел бы, что человек говорит глупости, его ответ не имеет никакого отношения к вопросу. Он мог

бы сказать: «Я не знаю, ибо никогда не переживал ни самадхи, ни праджню. Я не знаю, ведут ли они к одному и тому же опыту или к разным. Это не мой опыт, и мне нечего сказать». Это было бы честнее.

Но, услышав ответ Обаку, Нансэн немедленно поинтересовался:

— *Хотелось бы знать: вы высказали свое собственное мнение?* Мне кажется, что даже то нелепое мнение, которое вы высказали, принадлежит не вам.

— *Конечно же, нет!* — сказал Обаку.

Видя, что ситуация складывается не в его пользу, этот человек решил признать, что это мнение принадлежит не ему.

Нансэн сказал:

— *Оставив пока в стороне вопрос о цене питьевой воды...*

Нансэн в течение тридцати лет жил на вершине горы. Для того чтобы принести на эту высоту питьевую воду, ему приходилось пройти много миль по горной дороге. Если не знать этого, может показаться несколько странным, что он говорит о плате за воду.

Итак:

— *Оставив пока в стороне вопрос о цене питьевой воды, я хотел бы спросить: кому вы должны вернуть деньги за свои соломенные сандалии?*

Дзэнские монахи носят соломенные сандалии. У них такая же форма, как у моих сандалий, но они сделаны из соломы, — очень красиво и дешево. Нансэн спрашивает: «Кто заплатил за ваши соломенные сандалии? Они совсем новые. Вы не заслуживаете того, чтобы носить

такие сандалии, они предназначены специально для дзэнских мастеров. Я не стану брать с вас плату за воду, которую вы здесь пили, хотя для меня это расточительство — тратить питье на человека, который не знает ни что такое самадхи, ни что такое праджня, но при этом ему хватает наглости давать совершенно неуместные ответы, да еще и с чужих слов». Однако позаимствованные мнения — удел всех ученых, пандитов, раввинов.

Нансэн полностью разоблачил Обаку, задав ему всего лишь один маленький вопрос. Но этот вопрос не так уж мал, и никто еще не объяснял его так, как объяснил я: это не два разных опыта. Но дороги, ведущие к этому опыту, различны — даже противоположны.

Кто-то идет во тьму, погружаясь все глубже и глубже во мрак разума, в бессознательное; в итоге он достигает конца разума и выходит за его пределы. Кто-то делает все возможное для того, чтобы превратить бессознательное в сознательное. И когда наконец все в нем становится осознанным, он совершает тот же прыжок за пределы разума.

Возможно, метод Будды более научен. Тут нет вопроса о правильном и неправильном. Оба пути ведут в одно и то же пространство, но буддистский метод праджни более научен, поскольку, сохраняя осознание, ты не упустишь свою цель. Путь Рамакришны ведет через тьму, тут нужно идти ощупью. Можно выйти к рассвету, а можно и не выйти. Едва тыходишь в бессознательное, тебя окутывает тьма, и ты уже не видишь, куда идешь. Рамакришна нашел дверь, ведущую за пределы ума, случайно — совершенно случайно.

Наука не полагается на случай, она требует определенности. Поэтому второго Рамакришны в мире нет: ибо это чистое везение, что, идя ощупью во тьме, он нашел дверь и вышел за пределы разума. С Рамакришной это случилось, но второго такого случая вы не найдете во всей истории человечества.

К этой же двери подходили тысячи мистиков, но они шли путем праджни, ибо нет нужды шарить в темноте, если у тебя есть огонь. Если у тебя есть огонь осознания, который освещает твой путь, подобно факелу, то у тебя гораздо больше шансов дойти до цели.

А стоит однажды узнать путь, и в следующий раз все очень просто. Лишь в первый раз ты идешь в неведомое. В неведомое, но не во тьму: ведь у тебя в руке факел. А Рамакришна отправился в неведомое без факела. Самадхи Рамакришны было в некотором смысле уникально. Он — единственный в своем роде. Он — из тех немногих, кто отправился в глубины себя, не взяв даже свечу. Более чем вероятно, что таким образом ты не найдешь дверь.

Когда Будду спросили об этом, он сказал:

— Некогда на свете был дворец с тысячью дверей, но только одна из них настоящая, а все остальные фальшивые. Издалека они выглядели как двери, но стоило подойти поближе, и становилось ясно, что они просто нарисованы на стене. Однажды в этом дворце заблудился слепец. Он бродил по дворцу, обшаривая стены. Он щупал двери одну за другой, но все они были ложными, а когда слепой наконец подошел к настоящей, на лысину ему уселась муха. И вот, сгоняя муху с головы, он пропустил дверь.

Во дворце девятьсот девяносто девять ложных дверей, и вот приходит твой шанс. Этот шанс ничтожно мал, и упустить его проще простого: у тебя зачесалась голова, и ты не проверил очередную дверь, ты так устал шарить по стенам, что подумал: «Ладно, рискну, пропущу эту дверь и пойду дальше».

Итак, Будда сказал:

— Я не предлагаю идти ощупью. В моем дворце все двери настоящие. И нет нужды идти ощупью, ибо я даю вам глаза медитации. Огонь, горящий внутри вас, подобен факелу, который и есть ваша жизнь. Этот

огонь и тишина медитации помогут вам найти дверь. Есть тысяча дверей, и каждая из них может вывести вас наружу.

Я совершенно уверен, что Будда прав, но это не значит, что Рамакришна ошибался. Однако Рамакришна не может быть правилом, но только исключением. Будда предлагает путь для всех — кроме тех, кто стал исключением. Правило должно подходить каждому. Нельзя строить правило на единственном исключении. Ни один из последователей Рамакришны не достиг самадхи. Но последователи Будды во многих странах мира по сей день продолжают цепь от мастера к ученику и достигают праджни. Но, как ни называй это — самадхи или праджня, — разницы между ними нет: и то и другое означает высшую мудрость.

Буддисты не верят, что Рамакришна был просветленным. Один старый буддийский монах, англичанин... Когда он был еще совсем ребенком, его отца назначили на какую-то должность в Калимпонге. Там мальчик познакомился с буддийскими монахами и в восемнадцатилетнем возрасте сам стал буддистом. Все его родные были христианами и постоянно ворчали:

— Что ты нашел в проповедях этих буддийских учителей?

Но он понял, что христианство по-детски наивно. Оно ничего не может дать тебе. Пусть даже Иисус ходил по воде — что с того? Пусть даже ты сам научишься ходить по воде — какая от этого польза для твоей духовности? Даже если ты научишься превращать воду в алкоголь (что, между прочим, противозаконно), никто не станет от этого более духовным. Что в учении христиан сравнимо с учением Гаутамы Будды? С этим человеком не сравнится никто. Он — Эверест.

Итак, буддисты не признают Рамакришну просветленным. Но, беседуя с буддистами и, в частности, с этим английским монахом, я спросил:

— Пытались ли вы забыть о методе Будды и уделить некоторое время методу Рамакришны?

— Нет, — ответил англичанин, — никогда.

— Значит, утверждая, что Рамакришна не достиг просветления, вы выходите за пределы своего опыта.

А я испытал оба пути, пройдя и по дороге света, и по дороге кромешной тьмы. Больше этого не делал никто, ибо, если ты уже достиг цели по одной дороге, зачем думать о других путях? Ты приехал на вокзал на рикше, неужели ты после этого вернешься и возьмешь такси? Люди скажут, что ты сошел с ума. Ты уже приехал, и нет нужды проверять, может ли тебя довезти до этого же вокзала такси.

Но я немного сумасшедший. Увидев, что этот спор не утихает на протяжении столетий, я решил, что единственная возможность прийти к какому-то заключению — испробовать оба пути: вначале тропу света, а затем тропу тьмы. Когда я шел путем тьмы, почти все мои друзья и педагоги решили, что я сошел с ума:

— Ты ведь уже достиг цели при свете дня, какой смысл после этого повторять путешествие во мраке ночи?

— Это необходимо, — отвечал я, — поскольку нет иного способа выяснить, достиг ли Рамакришна того же состояния сознания, что и Будда.

Но прежде таких попыток не предпринимали ни буддисты, ни последователи Рамакришны. А я не являюсь чьим-либо учеником — я сам по себе. Я не принадлежу ни к одной религии, ни к одной организации. Но я видел, что люди спорят веками и никак не могут прийти к какому-либо выводу, и было очевидно, что споры не дают ответа. Единственная возможность разрешить спор состояла в том, чтобы самому пройти обоими путями.

И та медитация, которой я учу вас, представляет собой комбинацию обоих путей. Эта медитация не осно-

вана только на праздне, то есть на полном осознании. Не направлена она и на то, чтобы забыть обо всем и окунуться в глубокий покой и мрак. Я использую оба пути. Я предлагаю вам забыть о мире, забыть о теле, забыть о разуме — ибо вы не являетесь всеми этими вещами, — но при этом я говорю вам, чтобы вы хранили огонь свидетельства. Таким образом вы идете двумя путями одновременно.

В этом нет ничего сложного. На самом деле так даже лучше, поскольку вы попадете в то пространство, которого достиг Рамакришна, и в то пространство, которого достиг Будда. И вы от всей души посмеетесь над учеными, которые на протяжении столетий тратили время на пустые споры. Это — не умозрительный философский вопрос, и в таких случаях всегда нужно экспериментировать. Это вопрос внутреннего эксперимента, который решается научными методами, как любая научная задача.

А Нансэн очень хорошо сказал: «*Оставив пока в стороне вопрос о цене питьевой воды... а ведь мне приходится таскать ее сюда за много миль... я хотел бы спросить: кому вы должны вернуть деньги за свои соломенные сандалии? Кто заплатил за ваши сандалии? Верните человеку деньги. Вы — всего лишь учитель, и не притворяйтесь мастером*». На этот вопрос Обаку не ответил.

Секисё писал:

*В мире появляется единственный
настоящий человек,
и всё ложное исчезает.
Не стоит беспокоиться, что путь
патриархов,
кажется, пришел в упадок.
Сейчас топор твоей мудрости
обрел крылья.*

*Однажды, вне сомнений,
он взмоет в небо и полетит.*

Как меняется климат и сменяются времена года, так меняется образ жизни людей, их цели и задачи. В какой-то момент нам кажется, будто мы забыли путь будды, но Секисё говорит, что беспокоиться не о чем. *В мире появляется единственный настоящий человек, и всё ложное исчезает.* Не стоит волноваться.

Путь древних пришел в упадок. Никто не стремится пережить самадхи или праздню, никто не пытается войти в себя, в свой центр, никто даже не ищет единства с космосом. И все равно беспокоиться не о чем.

Сейчас топор твоей мудрости обрел крылья. Однажды, вне сомнений, он взмоет в небо и полетит. Ночь не может продолжаться вечно. Чем темнее ночь, тем ближе рассвет. Ты улетишь в то же небо свободы, что и будды древности, просто подготовься, чтобы не упустить возможность. Если тебе доведется встретиться с мастером, с настоящим человеком, ни в коем случае не откладывай свой полет на потом. Пусть все, что ты можешь взять от этого человека, проникнет в тебя как можно глубже. И пока ты можешь идти одним путем с ним, просто будь спутником и не уходи в сторону.

Хотя в мире немного будд, но каждый из них может создать еще тысячи будд. Так что Секисё настроен очень оптимистически: ночь темна и становится все темнее, но это значит, что близится рассвет: скоро взойдет солнце, раскроются цветы, и птицы воспарят ввысь.

Маниша спросила:

*Наш любимый Мастер!
Обретает ли топор Твоей мудрости крылья в
общении с нами?*

У вас у всех есть крылья, просто вам нужно об этом напомнить. Вы забыли о крыльях, которые даны вам, чтобы взмыть во внутреннее небо и воспарить к высочайшим вершинам сознания. Кто-то должен напомнить вам о том, что они у вас есть.

Должно быть, вам приходилось видеть — а на это стоит посмотреть! — новорожденных птенцов, которые еще не знают, что у них есть крылья. Мать кружится вокруг гнезда, а птенец думает, сможет ли он летать точно так же или нет. Он подбирается к краю гнезда и нерешительно смотрит вниз. Ему страшно... если он упадет, то это конец. Но мать все летает и летает вокруг, и она делает это нарочно: чтобы у малыша возникло желание полететь вместе с ней. Она садится на соседнее дерево и зовет птенца к себе. Малыш машет крылышками, но никак не может собраться с духом — он еще никогда не летал. Очевидно, ему страшно, ведь он только-только вылупился из яйца. Ему еще неведома свобода неба, оно так огромно, а он так мал. Но мама зовет; наверное, мама знает лучше.

Некоторым птенцам достает смелости, чтобы совершить этот прыжок самостоятельно. Вначале немного страшно, но очень скоро птенец овладевает полетом и добирается до соседнего дерева. Другие птенцы ведут себя более благоразумно — они только машут крылышками, но остаются в гнезде. Так безопаснее. Да, мама зовет, это верно, но летать опасно. И матери приходится самой выталкивать этих птенцов в небо.

А в небе их крылья расправляются сами собой. Нужно пережить лишь несколько мгновений беспоконья и напряжения — точно так же, как когда вы учитесь плавать. В первые несколько дней вам сложно, нужно, чтобы кто-то вас ободрял и поддерживал, и вы плещетесь у самого берега. Но стоит только научиться и... как вы думаете, можно ли научиться плавать?

Один японский профессор полагает, что младенцы умеют плавать, как птицы умеют летать. Нужно просто напомнить им. И вот он занялся работой с детьми. Профессор начал с девятимесячных малышей и добился успеха. Затем он принялся за шестимесячных — снова успешно. Последнее сообщение было о том, что он работает с трехмесячными младенцами и они тоже прекрасно плавают.

Вне всяких сомнений, это свидетельствует о том, что умение плавать заложено в нас от природы. Все, что нужно, — возможность и поощрение. А стоит вам научиться плавать, и вы уже никогда не забудете, как это делается, — почему? Все остальное забывается: география, история — забывается все... но, научившись плавать, вы уже не утратите этих навыков, поскольку они заложены в нас от природы. Птица, однажды расправившая крылья, никогда не разучится летать.

Моя задача — помочь вам осознать, что у вас есть крылья. Небо чисто и ясно, оно ждет, чтобы вы совершили прыжок, расправили крылья и достигли высочайших вершин сознания. Именно это я и называю медитацией.

Сардар Гурудаял Сингх уже совсем заждался.

Войдя в публичный дом, отец Граб обращается к бандерше:

— Я хочу переспать с Грязной Салли.

Бандерша идет наверх, чтобы поговорить с Салли, и, вернувшись, говорит:

— Хорошо, но она запросила двести долларов.

— Но ведь вчера это стоило всего пятьдесят! — протестует Граб.

— Вы можете отказаться, — пожимает плечами бандерша.

Итак, священник платит деньги и поднимается по лестнице в номер к Грязной Салли.

Несколько позже, уже натягивая брюки, священник спрашивает у девицы:

— Ну, как я справился?

— Ты худший из худших партнеров, какие только у меня были, — отвечает Салли. — И я уже говорила тебе об этом вчера! Не понимаю, почему ты опять пришел!

— Я просто хотел услышать еще одно мнение! — сказал священник.

Канун рождества. Семья Малохолкинсонов решила пригласить к себе на праздник местного священника, отца Копуна. Все расселись за столом, собираясь приступить к праздничному ужину.

Вдруг дедушка Малохолкинсон зажимает рот ладонями и оглушительно чихает. Все с ужасом наблюдают, как из его ноздрей разлетаются скользкие сопли и падают на красиво выложенные на тарелочках блюда. За столом воцарилось гробовое молчание, лишь отец Копун пробормотал краткую молитву.

Через пять минут дедушка опять зажал рот руками и оглушительно чихнул. И снова стол оросился сопливым дождем. Все с отвращением скривились, а отец Копун перекрестился.

— Дедушка, — громко прошептал Борис, — пожалуйста, когда чихаешь, прикрывай нос!

— Хорошо, — пробормотал дедушка, — как скажешь.

Через несколько секунд дедушка чувствует, что вот-вот снова чихнет, и в этот раз прикрывает рукой нос.

Предчувствуя недоброе, все закрывают глаза. Дедушкин чих подобен взрыву.

Все открывают глаза, и их взгляду открывается ужасающее зрелище: посреди блюда с картофельным пюре зловеще скалится дедушкина вставная челюсть.

Юный Фредди Фоллик купил себе пару черных блестящих модельных туфель. Придя домой, Фредди принялся чистить туфли и полировал их до тех пор, пока не увидел свое отражение.

Тем же вечером Фредди надел обновку и отправился на дискотеку.

Увидев за столиком трех симпатичных девушек, он пригласил одну из них на танец. Потанцевав несколько секунд, Фред взглянул на свои зеркальные туфли и прошептал:

— Ах, какие славные красненькие трусики ты надела!

Девушка только смущенно вскрикнула. Вскоре Фред отвел ее обратно к столику и пригласил следующую девушку.

Через пару минут Фред сказал:

— Ах, какие милые белые кружевные трусики ты надела!

Девушка покраснела и побежала к подружкам. Они все втроем обсудили случившееся, и третья девушка сказала:

— Сейчас он пригласит меня. Я уже придумала, как утереть ему нос.

Можете не сомневаться, что несколько минут спустя Фредди Фоллик снова подходит к их столику и приглашает третью девушку. Они идут танцевать, и скоро Фред бросает взгляд на свои туфли. Его лицо внезапно омрачается, и он то и дело переводит взгляд с одной туфли на другую.

— Можешь не смотреть на свои туфли, Фредди, — говорит девушка, еле сдерживая смех, — потому что я сняла трусики!

— Ох, слава Богу! — облегченно вздыхает Фред. — А я уж было подумал, что мои новые туфли потрескались!

Ниведано...

Ниведано...

Тишина.

Закрой глаза и ощути,
что твое тело обратилось в лед.
Теперь собери все свое сознание
и посмотри вглубь себя
с величайшей настойчивостью,
словно это последний миг твоей жизни.
Ты должен добраться до центра.

Глубже и глубже,
продвигайся без страха.
В самом центре своего существа ты — будда.

Пережить будду как собственную сущность — величайшее счастье.

Вся твоя жизнь обращается
в поэзию, в песню, в музыку, в танец.
Расцветают все цветы вокруг.
Запомни этот опыт буддовости.
Человек не становится буддой,
он им является.

Есть лишь две возможности:
либо забыть об этом, либо помнить.
Те, кто забыли,
живут в страдании, боли и тревоге.
Те, кто помнят,
живут божественным танцем.

Чтобы стало понятнее, Ниведано...

Расслабься.

Будь просто свидетелем тела и разума.
Не нужно ничего делать.
Не нужно быть судьей.
Будь просто чистым свидетелем,
подобным зеркалу.
В этом сама природа будды —
быть просто пустым зеркалом.

Собери столько аромата,
столько света,

столько благодати,
 сколько возможно,
 ибо ты должен быть буддой
 двадцать четыре часа в сутки.

Ты должен в каждый миг
 помнить о будде
 и действовать с изяществом,
 красотой и ясностью,
 которые свойственны только будде.

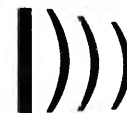
Этот вечер прекрасен сам по себе,
 но вы зажгли в нем тысячи новых звезд, —
 просто своим безмолвием,
 своим свидетельствованием.
 Обретя буддовость,
 вы сделали это место
 самым святым местом на земле.

Бдительность и свидетельствование
 каждого из вас понемногу сливаются в одно.
 Теперь в аудитории уже нет
 тысячи или десяти тысяч будд.
 Есть единый океан буддовости.
 Вы все — его волны.
 Не быть — это такое блаженство.
 Стать частью океана — такое блаженство.

Прежде чем Ниведано позовет тебя обратно,
 посмотри на пространство,
 где ты оказался,
 на тропу, по которой прошел.
 Тебе придется ходить по этой тропе
 снова и снова, вперед и назад,
 пока твоя буддовость не дорастет
 от центра до окружности.

В центре она — семя,
 а на окружности —
 полностью сформировавшийся будда.

Ниведано...

Возвращайся,
 но возвращайся как будда,
 наполнившись новой радостью,
 став новой личностью.

Посиди несколько минут,
 вспоминая, что ты — будда.
 Благодаря самому этому вспоминанию
 вся твоя жизнь изменится.
 Вспоминай в течение дня, где бы ты ни был.
 Иногда ты будешь забывать по старой привычке.
 Не расстраивайся: это естественно.
 Но понемногу время забывчивости
 будет уменьшаться,
 а время памяти будет становиться
 все дольше и богаче,
 пока наконец вся твоя жизнь
 не обратится в непрерывную память
 о великольном состоянии буддовости.

— Хорошо, Маниша?

— Да, наш любимый Мастер.

— Можем ли мы возрадоваться присутствию десяти тысяч будд?

— Да, наш любимый Мастер.

**Вам нужны розы,
а не только пшеница**

Беседа 8

12 октября 1988 года

Наш любимый Мастер...

Однажды Нансэн сказал собравшимся монахам:

— Старый мастер О (О — это детское имя Нансэна) собирается продать себя. Не купит ли его кто-нибудь?

Один из монахов выступил вперед со словами:

— Я куплю!

— Не цени меня слишком дорого, не цени меня слишком дешево, — сказал Нансэн. — Как ты меня купишь?

Монах промолчал.

В другой раз монах спросил у Нансэна:

— Где будет Мастер через сто лет?

— Я стану быком цвета воды, — ответил Нансэн.

— Можно ли последовать за тобой или нет? — спросил монах.

— Что ж, если соберешься идти за мной, то принеси в зубах клочок травы! — сказал Нансэн.

Маниша, можно воспринимать жизнь как спектакль, как игру, и можно относиться к ней очень серьезно. Те, кто воспринимают ее серьезно, очень много и без нужды страдают. Они страдают в поражениях, страдают в победах, страдают в бедности, страдают в богатстве.

Один из богатейших людей Индии поведал мне, что испытывает чувство вины. Страна гибнет от бедности, а его богатства все растут. Однако ему не хватает духу

прекратить рост своего состояния — в глубине души ему хочется еще больше. С одной стороны, он видит, что страна страдает от бедности, а с другой — ему хочется иметь все больше и больше. И он не находит себе места.

Бедняки страдают, богачи страдают. Очевидно, те, кто относятся к жизни серьезно, обречены на каждом шагу мучиться от беспокойства и разочарований, независимо от своего рода деятельности и жизненных ориентиров, ибо Сущее не обязано выполнять их желания.

А желания человека огромны, почти бесконечны. Из-за этих желаний жизнь превращается в соревнование, — а где соревнование, там тревога и страх; в глубине же души каждый знает, что в конце концов его ожидает смерть. Жизнь представляет собой страдание, борьбу, боль и в конце концов завершается смертью, которая представляет собой не более чем тьму. Никто не знает, что происходит после смерти.

Дзэн — не для серьезных людей. Дзэн — для тех, кто относится к жизни как к забаве. Это может показаться странным, ибо религию всегда считали делом серьезным. Дзэн ушел от такого отношения. Он воспринимает жизнь как забаву, — и не только жизнь, но и смерть.

В миг, когда ты перестаешь относиться к жизни серьезно и видишь в ней игру, сердце избавляется от любого бремени. Страх перед жизнью, перед смертью, перед любовью — все исчезает. Человеку становится очень легко — он почти невесом. А невесомому ничего не стоит воспарить в безбрежное небо.

Самая главная заслуга дзэн состоит в том, что он предложил нечто взамен серьезного человека. Серьезный человек создал мир, серьезный человек создал религии. Он создал философию, культуру, мораль — все, что есть вокруг вас, создано серьезным человеком. Дзэн ушел от серьезного мира и построил собственный мир — игривый, веселый, где даже великие мастера ве-

дут себя как дети. Это очень хорошо видно в сутре, которую предложила нам сегодня Маниша:

Нансэн сказал собравшимся монахам... они пришли, чтобы послушать о высшей истине, а Нансэн сказал собравшимся монахам:

— *Старый мастер О (О — это детское имя Нансэна) собирает­ся продать себя. Не купит ли его кто-нибудь?*

Странное начало для проповеди! Нельзя и представить себе, чтобы такое говорил раввин в синагоге, хотя купля-продажа — очень еврейская тема. Ни в одном храме, ни в одной мечети, ни в одной церкви мастер не начнет проповедь таким образом: «*Старый мастер О — так Нансэна называли в детстве — собирает­ся продать себя. Не купит ли его кто-нибудь?*»

Прежде чем мы продолжим нашу беседу, я хочу особо обратить ваше внимание на то, что Нансэн использует именно свое детское имя — О. Он не говорит «Нансэн», он не говорит «Я хочу продать себя»... Он не может сказать «я», поскольку человек его уровня знает, что «я» не существует. Он не может сказать «Нансэн», поскольку это имя возраста, когда он стал монахом, имя зрелости. Он использует слово «О» — свое детское имя. Нансэн снова стал ребенком. Он снова невинен и несведущ, как дитя, он не знает ничего. В том, что он использует имя О, есть особый смысл.

И, заявляя, что он хочет продать себя, Нансэн заставляет тебя задуматься: сколько ты сможешь выручить, если захочешь себя продать? Вероятно, человек — самое никчемное существо, ведь он ничего не стоит. Корова, лошадь, слон... даже мертвый слон стоит тысячи рупий, только из-за своих бивней. А мертвый

человек бесполезен и отвратителен — его стараются поскорее отправить на погребальный костер.

Родные усопшего плачут, а соседи готовят носилки, на которых мертвеца понесут на *гат*, где сжигают умерших. Они очень торопятся: чем скорее со всем этим будет покончено, тем лучше. Иначе плачу, и стенаниям, и всей этой суматохе не будет конца. К тому же скоро труп начнет вонять. Он не имеет никакой ценности. Попробуйте отнести его на рынок — вас поколотят.

Мне снова вспомнился Диоген. Этот чрезвычайно красивый и здоровый человек всегда ходил обнаженным. Даже Александр Великий немного ему завидовал. У Александра было все: но красота Диогена, это тело, словно высеченное из мрамора, эти безупречные, будто у изваяния, формы...

Однажды он лежал на своем обычном месте у реки. К нему подкрались четыре разбойника, промышлявшие... в те времена почти во всем мире можно было продавать и покупать людей. Особенно ценились женщины, но и за здорового сильного мужчину можно было выручить неплохую цену. Рабство считалось приемлемым почти во всем мире. Итак, эти четыре разбойника промышляли тем, что ловили людей и вели их на невольничий рынок. Увидев Диогена, похитители начали совещаться: «Этот человек будет стоить немало, даже очень немало. Но похоже, что он сильнее нас всех вместе взятых. Если мы попробуем его схватить, то он нас просто убьет».

Услышав это (разбойники беседовали за кустом прямо рядом с ним), Диоген сказал:

— Вы, недоумки! Вам не о чем беспокоиться! Выходите из-за кустов и идите за мной!

— Куда? — спросили разбойники.

— На тот самый рынок, где вы собирались меня продать! — ответил Диоген. — Вам нет нужды ловить и связывать меня. Я пойду сам. Это будет для меня новый опыт. В конце концов, я все равно ни на что не годен.

Такое странное поведение только напугало разбойников: «Даже идти за ним опасно. По дороге он может наброситься на нас и побить», и все четверо попятись.

— Не бойтесь! — сказал Диоген. — Подойдите поближе. Кто кого ведет на рынок — вы меня или я вас?

Поборов страх, разбойники пошли с Диогеном. А на невольничьем рынке, где продавали мужчин и женщин, Диоген вскочил на один из столов и закричал, обращаясь к покупателям:

— Продается хозяин! Не хочет ли какой-нибудь раб купить его?

Воцарилось молчание. Этот человек был само величие. Среди покупателей были даже цари, но и они предпочли дважды подумать, стоит ли покупать такого человека. Возможно, он опасен, возможно, он свиреп: так или иначе, непонятно, чего ожидать от человека, который вскакивает на стол и кричит: «Продается хозяин! Не хочет ли какой-нибудь раб купить его?»

В конце концов один царь отважился приобрести Диогена.

— Кому платить? — спросил он.

Диоген указал на разбойников, почти затерявшихся в толпе:

— Дай деньги вот этим четверым. Это они привели меня сюда. И подавай сюда свою колесницу, я хочу наконец ехать.

Не годится, чтобы рабы командовали царями, но даже царь не мог не покориться. Он велел своему возничему подъехать поближе. Диоген вскочил в колесницу и уселся около дрожащего от страха царя, который

уже понял, что купил себе ненужные проблемы. Этот человек может запросто схватить его за шиворот и вышвырнуть из колесницы. «Вместо того чтобы приобрести раба, я купил хозяина. Он оказался прав».

Но Диоген сказал:

— Не бойся. Я не стану делать ничего, о чем ты думаешь. Я очень миролюбив. Давай договоримся так: я не беспокою тебя, а ты не беспокоишь меня.

Царю только этого и хотелось. Он сказал:

— Я готов. Я не буду тебя беспокоить. Ты получишь комнаты во дворце и все необходимое. Но, пожалуйста, не нарушай уговор и не беспокой меня. У меня большое сердце, а ты, как мне кажется, очень опасен.

— Не волнуйся, — ответил Диоген. — Я категорически против убийства и категорически против того, чтобы кому-либо досаждал. Ты увидишь, что я не только хороший хозяин, но и мудрый учитель. Ты купил единственного хозяина и учителя, который был сегодня в продаже, — я сам себя продал. На самом деле мне нужны были ученики. Теперь ты, твоя жена, братья, дети — все вы станете моими учениками. Договорились?

Колесница мчалась через дремучий лес. Спорить с этим человеком было бы опасно, ибо кроме него в колеснице были только царь и возничий, а он легко справился бы с ними обоими. Поэтому, что бы ни говорил Диоген, царь неизменно отвечал:

— Да, договорились.

У самых границ владений незадачливого покупателя Диоген выпрыгнул из повозки и попрощался:

— Я пошутил! Я сыграл эту роль ради тех четверых бедняг. Меня ждет река. Если тебе потребуется совет, приходи. Запиши мой адрес: у реки, по соседству с собакой.

Собака была его единственным другом. Из-за дружбы с собакой его прозвали «Диоген-киник»*.

* *Κυνος* (греч.) — собака.

Эта дружба с собакой тоже завязалась при весьма любопытных обстоятельствах. Однажды Диоген прибежал к реке с миской для подаяния — у него была такая же миска, как у Будды. Диогену очень хотелось пить, но едва он протянул руку с миской к воде, как к тому же берегу подбежала собака и начала лакать воду прямо из речки. Диоген сказал себе:

— Ну и ну! Зачем я таскаю с собой эту миску? Пес находится в лучшем положении, чем я.

Он швырнул миску в реку и начал пить воду прямо из реки, как собака.

Пес, естественно, почувствовал симпатию к этому человеку, они подружились, и Диоген неизменно делился с ним пищей. Пес был его единственным товарищем. Диоген даже разговаривал с ним. Когда перед ним стоял сам Александр Великий, Диоген обратил беседу с правителем в шутку. Александр заявил:

— Я собираюсь завоевать мир.

Вместо того чтобы ответить императору, Диоген посмотрел на своего пса и сказал:

— Ты слышал? Этот парень собирается завоевать мир!

Затем обратился к Александру:

— Ты умрешь раньше, чем завоеешь мир. Если бы ты был так же мудр, как этот пес, то остался бы тут, ибо что ты станешь делать после завоевания мира?

— Завоевав мир, я расслаблюсь и отдохну, — ответил Александр.

— Посмотри, как расслаблен мой пес! — сказал Диоген. — Ты тоже можешь поселиться рядом с нами, я не возражаю, эта река мне не принадлежит. Не знаю, кому принадлежит река, но мы оба тут живем, и мы будем рады тебе тоже. Ни к чему брать на себя все эти хлопоты по завоеванию мира, чтобы отдохнуть *потом*; почему бы не приступить к отдыху прямо *сейчас*?

— Я понимаю твою логику, — ответил Александр, — и мне нечего ответить. Но теперь, когда я уже отправился на завоевание мира, мне нужно идти до конца и осуществить свое желание.

— Как хочешь, — сказал Диоген, — но в день своей смерти ты вспомнишь мои слова: жизнь очень коротка, а мир необъятен. Скорее всего ты умрешь прежде, чем завоеешь мир.

И Диоген оказался прав. Александр умер в возрасте всего тридцати трех лет, и последняя его мысль была о Диогене: «Мудрец оказался прав. И даже его пес согласился, взмахнув хвостом: “Ты прав. Если он хочет отдохнуть, пускай начинает прямо сейчас”».

Диоген не очень-то вписывается в традицию великих греческих философов: Сократ, Пифагор, Анаксагор, Платон, Аристотель, Гераклит. Диогена упоминают редко — по той простой причине, что он не относился к миру серьезно.

Он где-то отыскал выброшенную кем-то лампу и повсюду таскал ее с собой, зажженную даже днем. Пес, конечно же, ходил вместе с ним. Люди, видя это, говорили:

— Странно... Диоген, зачем ты таскаешь с собой зажженную лампу среди бела дня?

— Я ищу истинного человека, — отвечал Диоген. — Лишь ради того, чтобы взглянуть ему в глаза, я ношу с собой эту лампу. Но до сих пор мои поиски не увенчались успехом.

Когда Диоген умирал, пес сидел около него, и рядом стояла лампа. Кто-то спросил:

— Диоген, ты умираешь. Скажи, чем закончились твои поиски истинного человека? Ты его нашел?

И вот его последние слова:

— К сожалению, я не нашел истинного человека. Но, к счастью, никто не украл мою лампу, — и это са-

мое лучшее, что я могу сказать о человечестве. А ведь любой мог бы стащить ее, пока я спал.

Он никогда не относился к жизни серьезно, но прожил ее так же радостно и красиво, как любой будда.

Нансэн говорит:

— *Старый мастер О собирает себя, чтобы продать себя. Не купит ли его кто-нибудь?*

Один из монахов выступил вперед со словами:

— Я куплю!

— Не цени меня слишком дорого, не цени меня слишком дешево, — сказал Нансэн. — Как ты меня купишь?

Он ставит центральный для всего опыта Гаутамы Будды вопрос: как оказаться точно посередине. Быть точно посередине — значит выйти за пределы крайностей, за пределы истинного и ложного, тьмы и света, дня и ночи, жизни и смерти, добра и зла. Просто будь посередине, точно посередине — и ты вышел за пределы. Запредельное начинается в центре, но не на краю. Именно это и пытается подчеркнуть Нансэн, говоря: «Хорошо, если ты хочешь меня приобрести, *не цени меня слишком дорого, не цени меня слишком дешево. Как ты меня купишь?*»

Монах промолчал.

Он не сумел найти ответ. Приобрести такого человека, как Нансэн, можно только в том случае, если ты полностью уравновешен, если ты находишься посередине. Если ты сумеешь показать, что ты сосредоточился посередине — не здесь, не там, но прямо в центре всего, что есть в мире, тогда Нансэн твой. *Монах промолчал.* Его молчание — не ответ, его молчание свидетельствует о поражении. Он не сумел должным образом ответить Мастеру. Можно было бы приобрести Нансэна, просто с благодарностью и любовью кос-

нувшись его стоп. Но монах молчал как пень, а значит, упустил суть.

Мастер всегда продается, нужно только прийти с пустым сердцем — иначе где ты поселишь мастера? Продается не только Нансэн, но любой мастер. Однако нужно иметь сердце, восприимчивость, чувствительность, равновесие и пространство, чтобы вместить мастера.

Принимая мастера в свое сердце, ты полностью трансформируешься. Со стороны кажется, будто ты приобретаешь мастера, но на самом деле именно мастер приобретает тебя. Мастер — победитель, а ученик должен потерпеть поражение — поражение эго, поражение личности, поражение всего ложного. Поражение ученика есть победа мастера. Они представляют собой две стороны одной медали.

В другой раз монах спросил у Нансэна:

— *Где будет Мастер через сто лет?*

Дурацкий вопрос, ибо дзэн не уходит за пределы этой секунды, за пределы *это-вост*. Через сто лет? Дурацкий вопрос, но мастер отвечает даже на него — из сострадания. Однако вы видите, что и здесь не обходится без игры.

— *Где будет Мастер через сто лет?*

Мастера не будет нигде, его никогда нигде и не было, кроме «здесь». Его обитель — здесь и сейчас. Спрашивать его: «Где ты будешь?» — нелепо. Получается, ты не понимаешь простого факта, что дзэн принадлежит лишь вечности. А вечность — это текущий момент, не прошлое и не будущее. Если ты можешь быть здесь, не отклоняясь ни в будущее, ни в прошлое, мироздание

открывает перед тобой все свои тайные двери. Но если ты задаешь мастеру подобные вопросы... что тут делать? Мир полон недалеких людей.

— Я стану быком цвета воды, — ответил Нансэн.

Он просто шутит. Мастер не говорит человеку прямо: «Ты дурень!» — но на самом деле его слова означают именно это.

— Можно последовать за тобой или нет? — спросил монах.

— Что ж, если соберешься идти за мной, то принеси в зубах клочок травы! — сказал Нансэн.

Эта игривость, эта способность не принимать серьез даже дурацкие вопросы, свидетельствует о глубочайшем понимании мироздания. Ты можешь понять мироздание, только став ребенком. Когда мыслей нет, но есть только сверкающая, словно зеркало, чистая невинность, тогда все становится предельно ясно. Вопросы нет, ответы не нужны. Эта детская невинность становится взрывом просветления. Просветление не отвечает ни на какие вопросы, оно просто возвращает тебя в *этот* момент во всей полноте твоего сознания. Это не ответ на вопросы, это возвращение домой. Ты заблудился; каждый из вас забрел далеко от дома и теперь ищет дорогу обратно.

В индийском языке бродяги, те люди, что не живут на одном месте, но постоянно скитаются по миру, цыгане... Цыгане, которые кочуют по Европе, пришли туда из Раджпутана, штат Раджастан. Они — индийцы, но поскольку эти люди никак не могут усидеть на одном месте, они в конце концов добрались до Египта. Английское слово *gypsy* (цыган) происходит именно

от слова *Egypt* (Египет). Вначале их, должно быть, называли *egyptu*, но затем буква «е» отпала, и они стали просто *gypsy*.

В Индии цыган называют очень красивым словом: *кханабадос*. Это значит «человек, несущий свой дом на плечах». *Кхана* значит «дом», а *бадос* — «на плечах».

Каждый из нас несет свой дом на плечах, но при этом мы все без толку ищем его здесь и там, бегаем, суедемся, забывая взглянуть в текущий момент. Достаточно на секунду остановиться, и ты поймешь, что твой дом находится там, где ты был всегда, но ты никогда не обращал на него внимания.

Дзэн убирает из твоей жизни любые цели, любые проблемы, любые вопросы, ибо они делают тебя серьезным. Дзэн дарит тебе текущий момент и радость, возникающую, когда ты сосредоточен на этом моменте: ликуй, танцуй, пой!

Жизнь должна быть подобна цветку лотоса.

А серьезность губит цветы.

Вы удивитесь, узнав, что Махатма Ганди в своем ашраме (а Ганди был один из самых серьезных людей на свете, он был до того серьезен, что даже употребление чая считал грехом) убрал из цветочных горшков все розы и посадил вместо них пшеницу. Вот до чего серьезный парень! Страна страдает от бедности, и поэтому он решил выращивать в горшках пшеницу, словно таким образом можно уничтожить бедность. Но он уничтожил только розы. И никто в его ашраме не сказал: «Это глупо. Пшеницей из нескольких горшочков никого не накормишь, ты просто погубил несколько красивых роз».

Но именно так всегда поступает серьезный человек. Он лишает тебя улыбки и смеха, потому что... «Как ты можешь смеяться, если в мире столько больных? Как ты можешь смеяться, если в мире столько бедных? Как

ты можешь смеяться, если в мире столько сумасшедших? Как ты можешь смеяться, если в мире столько преступников? Как ты можешь шутить, если мир стоит на грани третьей мировой войны?» Серьезный человек разрушает все. Он отнимает у вас радость, смех, любовь, розы и превращает жизнь в ненужную обузу. Жизнь становится бессмысленной. Где не растут розы, радости быть не может.

Иисус прав: «Не хлебом единым жив человек». А Махатма Ганди все время перечитывал Иисуса. По меньшей мере три раза в жизни он едва не обратился в христианство. Но, видимо, он интерпретировал эти слова Иисуса точно так же, как их вот уже две тысячи лет толкуют христианские проповедники. Слова «Не хлебом единым жив человек» они истолковали так: «Человеку нужен Бог, а не только хлеб».

А я толкую иначе: «Вам нужны розы, а не только пшеница». Кроме того, розы и пшеница сопоставимы, они дополняют друг друга. А расстояние между хлебом и Богом слишком велико. Те, кто толкует эти слова как «Вам нужен Бог», совершенно забывают о том, что Бог — это вымысел. А розы — нет. Бог — это только идея, а розы — реальность. Поэтому я говорю: не хлебом единым жив человек, ему нужны еще и розы. На самом деле хлеб необходим лишь для того, чтобы выращивать розы, иначе какой смысл просто есть, если у тебя нет роз?

Только розы дарят твоим губам улыбку, а сердцу — радость. Но до сих пор человеческим обществом управляет серьезный человек. Нужно изменить это. Нужно превратить жизнь в шутку, в игру, в красивый спектакль. А человек, умеющий превращать жизнь в спектакль, в прекрасный рассказ, в выдумку, сможет превратить в выдумку даже смерть. Его жизнь будет всего лишь танцем любви, благодарности, мира, безмолвия.

В этом состоит работа дзэн, который является великой отправной точкой по отношению к старым традиционным религиям.

Дзэнский поэт Секисё писал:

*Звеня своим длинным золотым посохом,
ты спустился с высот.*

*Ты целыми днями говорил о том,
что не принадлежит миру,
и нам ничего не было нужно,
кроме твоих слов.*

*Прекрасны расписные палаты и здания храмов,
вокруг них буйная растительность
безмятежного леса
и беседки рядом с тропинками.*

*Как славно! Наши сердца открыты,
дружба чиста — ни пятнышка, ни пылинки.
Да будет так и впредь!*

*В изменчивом мире вещей
иголки таятся в ковре.*

*Этот визит останется в памяти вечно.
Есть нечто за пределами счастья,
когда войдешь в ворота этой горы.*

Он говорит, что есть нечто за пределами счастья. Счастье — явление телесное, физиологическое, биологическое. Но есть нечто за пределами счастья — то, что не принадлежит ни телу, ни разуму, но пустоте твоего сердца. Там зарождается блаженство — таинственное и чудесное.

И с этим блаженством ты впервые ясно видишь все, что есть в Сущем, ты впервые обретаешь глаза. Прежде ты был слеп и блуждал во тьме. На самом деле ты впервые оказываешься живым, до этого ты жил поверхностно. Теперь ты живешь в глубинах вечности, в своем пустом сердце. В этом состояло учение Нансэна. *Когда войдешь в ворота этой горы:* на горе, где жил

Нансэн, были ворота, которые сохранились до сих пор. Теперь в память о нем даже сама эта гора называется Нансэн. Секисё говорит, что если ты ищешь что-то, что находится за пределами счастья, тебе следует войти именно в эти ворота. Тут живет человек, который покажет тебе путь блаженства и радости, не принадлежащих этому миру.

Маниша спросила:

Наш любимый Мастер!

Каждый вечер ты говоришь нам: «Идите внутрь, не бойтесь. Вы встретите там себя и только себя». Почему человек боится встретить себя?

Маниша, ты задала очень важный вопрос. Никто не хочет встретить себя, поскольку это слишком рискованно. Ты нарисовал себе лицо, ты надел красивую маску. И тебе страшно увидеть свое истинное, подлинное лицо. Маска позволяет тебе соответствовать представлениям людей о том, что красиво. И всю свою личность ты тоже слепил в соответствии с мнениями других людей: как нужно сидеть, как нужно себя вести, как одеваться — все это навязало тебе общество.

Но это же самый настоящий шантаж, ибо если ты следуешь установкам общества, то получаешь уважение и почет. А если ты не следуешь его установкам, то ни о каком уважении не может быть и речи: ты становишься почти изгоем. Отсюда и страх встретить себя — ибо общество наложило на тебя много слоев грима, чтобы ты выглядел так, как ему удобнее. Оно делает из тебя все, что хочет.

Ты стал предметом потребления — полезным, эффективным, услужливым. Ты стал рабом. И теперь ты боишься, что стоит тебе найти себя, найти свое истин-

ное существо, и у тебя возникнут проблемы. Тебе придется отбросить все фальшивое. Но все, что есть у тебя сейчас, — фальшиво.

Общество не отнесется к твоему истинному существу с уважением — общество проклянет его, распнет и отравит. Обществу не нравятся подлинные люди — ему нужны рабы, а не хозяева. А человека, познавшего себя, невозможно обратить в рабство.

Ты боишься потому, что принадлежать к толпе уютно и удобно — ведь ты пользуешься уважением и почетом. А отправляясь на поиски себя, никогда не знаешь, что найдешь; это будет что-то неизвестное. Общество создало очень большую дистанцию между твоим истинным существом и ложной личностью, которая его скрывает.

Тебя обучили быть личностью, но рожден ты как индивидуальность. Обучение — это труд, который ты в себя вложил. Возможно, тебе сорок или пятьдесят. Ты пятьдесят лет учил себя быть личностью. Едва ты найдешь свое истинное «Я», и эти пятьдесят лет можно будет смело спустить в унитаз. Тебе придется начинать с самых азов и при этом идти против общества. Индивидуум всегда мятежен, а личность неизменно остается симпатичным рабом. Под маской симпатичного раба скрывается опасная реальность. Вот отсюда и страх.

Тебе придется остаться в одиночестве, придется сразиться с целым обществом, которое окружает тебя со всех сторон. Никто не хочет, чтобы ты был собой, все хотят, чтобы ты был удобен. И общество преуспело в этом, используя образование, которое с самого детства понемногу превращало тебя в цивилизованного культурного человека. Таким образом ты потерял свое подлинное «Я» еще в детстве — пятьдесят лет назад, шестьдесят лет назад.

А путь к себе слишком долог, слишком опасен, слишком рискован. Ты пользуешься уважением, тебя

чат окружающие, — и всего этого не станет. Так что лучше цепляться за фальшивку, а истинное просто не замечать. Но запомни одно: фальшивка никогда не принесет тебе блаженства. То, что не является истинным, не принесет тебе покоя. Ты будешь чувствовать себя виноватым перед самим собой.

Один человек отмечал свое шестидесятилетие в обществе друзей. Все пили, пели, танцевали, и вдруг, в самый разгар веселья, именинник куда-то пропал. Тогда один из друзей пошел в сад искать его. «Что случилось? Куда он ушел? Ему следовало бы быть среди гостей, ведь это его день рождения».

Именинник сидел под деревом. Друг подошел к нему и спросил:

— Почему ты такой грустный?

— Из-за тебя.

— Из-за меня? Что же я такого сделал?

— Не сегодня, — ответил именинник, — двадцать пять лет назад.

— Двадцать пять лет назад? Не понимаю. Расскажи-ка мне сам, в чем дело? — попросил друг, который был очень известным адвокатом по уголовным преступлениям.

И вот что сказал именинник:

— Двадцать пять лет назад я пришел к тебе спросить, что будет, если я убью свою жену: на сколько лет меня посадят? Ты ответил: «По меньшей мере, на двадцать пять. Даже если я приложу все усилия, ты отправишься за решетку на двадцать пять лет, так что лучше не делай этого». Двадцать пять лет прошло, и сегодня я был бы свободен. Если бы я тебя не послушался — идиот ты этаким, — я бы уже вышел из тюрьмы. А теперь надежды нет. Я прожил все эти двадцать пять лет с женщиной, которую хотел убить».

Но все живут с вещами, от которых хотели бы отказаться. Тут речь не только о мужчине или женщине. Все живут с чем-то нежеланным, но каждому кажется, что отказаться от чего бы то ни было рискованно.

Общество хочет, чтобы ты следовал общепринятым традиционным нормам. «Иди по стопам своих родителей, не пытайся протоптать собственную тропинку. Не пытайся быть собой», — общество повторяет нам эти слова на каждом шагу. Об этом тебе говорили учителя, священники, родители, друзья...

Но моя работа, Маниша, направлена как раз на то, чтобы вы пошли внутрь себя. И не нужно бояться. Ты встретишь там себя и только себя.

И чем скорее ты это сделаешь, тем лучше, ибо кто знает, что будет завтра. Ты хотя бы увидишь себя таким, какой ты есть.

Даже если осталось всего несколько лет, проживи их в своей истине, каковы бы ни были последствия. По меньшей мере, ты обретешь блаженство. Возможно, ты потеряешь уважение окружающих, возможно, тебя станут проклинать, — но кого волнуют их проклятия? Это их мнение, и они имеют на него право.

Тебя должно волновать лишь одно: собственное счастье, блаженство, безмолвие и гармония с Сущим. Не обращай внимания ни на кого. Религии, общество, культура, образование — они представляют собой лишь инструменты для создания личности из индивидуальности.

Моя работа направлена на то, чтобы свести их работу к нулю и возродить индивидуальность в ее девственной красе. За твоим истинным существом стоит вечность жизни, а за ложным существом не стоит ничего. Это всего лишь чехол, который на тебя напялило общество.

Страх возникает потому, Маниша, что мы боимся остаться в одиночестве. Но я знаю из собственного

опыта, что единственное блаженство в жизни — быть одиноким и не обращать внимания на то, что говорит мир. Они свободны говорить, что хотят, но тебя это волновать не должно. Наслаждайся жизнью в согласии со своим мироощущением, живи в соответствии с тем, что подсказывает тебе интуиция.

И ты сможешь умереть. Жизнь, в которой человек выразил себя полностью, заканчивается не смертью, но колоссальным прорывом. Смерти уже нет, тыходишь в вечность; смерть становится не концом, но дверью. Но в эту дверь может войти только то, что реально, а для всего нереального наступает конец.

Прежде чем вы помчитесь на поиски себя, напомним вам о том, что это радостный и веселый опыт, ничего серьезного в этом нет.

Известный голливудский кинорежиссер Сесиль Б. Чепухини снимает новый фильм в Ирландии.

Очередным эпизодом должна быть уличная драка, и Сесилью приходит в голову блестящая идея, как сделать драку реалистичной. Он подзывает исполнителя главной роли, Рока Ханка, и говорит ему:

— Послушай, я кое-что придумал по поводу этой драки. Видишь, вон там по улице идет парочка? Подойди к ним и оскорби жену. Как только муж полезет к тебе драться, мы включим камеру. Получится чистой воды реализм.

Пожав плечами, Ханк направляется к парочке — это были Пэдди и Марина О'Мерфи, они шли в ближайший супермаркет за покупками.

— Эй, парень, это твоя жена? — сурово спросил Ханк.

— Да, — ответил Пэдди, — а что?

— Да ничего, просто это самая уродливая баба, которую я видел в жизни.

— Вот видишь, — говорит Пэдди, обращаясь к Марине, — он тоже так думает.

Фермер О'Рейли пришел к доктору для ежегодного осмотра.

Осмотрев фермера, врач сказал:

— Вы совершенно здоровы, но я хотел бы вам кое-что посоветовать: носите нижнее белье. Во-первых, так гигиеничнее, а во-вторых, теплее.

Итак, фермер купил себе несколько пар трусов... На следующий день, когда О'Рейли работал в поле, ему захотелось по большому. Он слез с трактора и снял брюки, но о трусах, конечно же, забыл.

Сделав дело, фермер натянул брюки, оглянулся посмотреть, что получилось, и пробормотал себе под нос:

— Доктор прав, действительно гигиеничнее.

Затем он взобрался на трактор и уселся на сиденье.

— И снова он прав! — изумленно воскликнул О'Рейли. — Действительно теплее!

В южной части Тихого океана потерпел крушение лайнер, и двенадцать его пассажиров добрались до необитаемого острова. Это были два французских бизнесмена с секретаршей, два итальянских бизнесмена с секретаршей, два администратора американской нефтяной компании с секретаршей и два английских бизнесмена с секретаршей.

Через неделю два француза договорились, что один имеет секретаршу в понедельник, среду и пятницу, а второй во вторник, четверг и субботу. В воскресенье, естественно, секретарша имеет их обоих.

Через неделю один итальянский бизнесмен пристрелил другого и получил секретаршу в свое полное распоряжение.

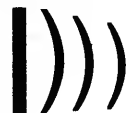
Через неделю два американских администратора и их секретарша все еще ждут распоряжений из главного офиса в Техасе.

Но уже через два дня английские бизнесмены застрелили свою секретаршу, чтобы беспрепятственно иметь друг друга!

Ниведано...

Ниведано...

Тишина.

Закрой глаза и ощути,
что твоё тело обратилось в лёд.
Теперь посмотри вглубь себя
с величайшей настойчивостью,
словно это твой последний миг.

Иди глубже,
сбрав своё сознание в копье,
устремленное в центр твоего существа.
Центр принадлежит вечности.
В этом центре
ты внезапно превращаешься в будду,
ибо становишься вечным.

Будда — высочайшая вершина твоего сознания,
его Эверест.

И если ты не забрался на этот Эверест, значит,
не осуществил заложенный в тебя потенциал.

Чтобы стало совершенно ясно, Ниведано...

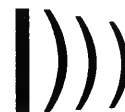
Расслабься.

Оставайся свидетелем тела и разума,
просто свидетелем,
ибо только это качество принадлежит вечности.
Лишь это качество — твоя природа.
Оно не дано тебе извне, это твоя сущность.
Просто наблюдай, безмолвно и умиротворенно.
Ты не тело и не разум.
Затем внезапно происходит колоссальный взрыв:
твой свидетель обретает форму будды.

Этот вечер прекрасен сам по себе.
 Но вы, свидетельствующие,
 зажгли в нем тысячи новых звезд.
 В этот миг тут нет десяти тысяч будд,
 но только единый океан сознания.
 Все границы исчезли.
 Это величайшее блаженство,
 данное вам, и только вам.
 Ни одно животное, кроме человека,
 не способно достигнуть этой точки буддовости.
 Это ваша привилегия.
 Тысячи цветов сыпятся на вас,
 цветы мира, безмолвия, любви, радости.
 (Тишину раскалывает раскат грома...)
 Облака пришли подтвердить это.

Прежде чем Ниведано позовет тебя обратно,
 собери столько цветов,
 столько аромата,
 сколько сможешь,
 ибо ты должен жить буддой
 двадцать четыре часа в сутки.
 Это не вопрос нескольких минут,
 проведенных в медитации.
 Несколько минут медитации —
 это всего лишь воспоминание,
 с каждым днем все глубже проникающее
 в природу твоего существа.
 Но ты должен жить буддой
 двадцать четыре часа в сутки —
 в каждом действии, в каждом слове,
 в каждом жесте и в молчании.
 Если ты сумеешь жить так,
 как должен жить будда,
 то твоя жизнь превратится
 в танец, в поэзию, в музыку.

Ниведано...

Возвращайся.
 Но возвращайся как будда.
 Даже в возвращении проявляй изящество будды,
 безмолвие, удовлетворенность.
 Посиди несколько минут, вспоминая свой опыт:
 то пространство, которое ты посетил,
 ту дорогу, по которой шел.

И всегда помни в своей повседневной жизни,
 что ты несешь в себе будду;
 что в твоём чреве, словно плод, зреет будда.
 Ты должен быть крайне осторожным.
 Это очень деликатное дело.

- Хорошо, Маниша?
- Да, наш любимый Мастер.
- Можем ли мы возрадоваться собранию десяти тысяч будд?
- Да, наш любимый Мастер.

Просто утренняя прогулка

Наш любимый Мастер...

Однажды Нансэн вышел в сад и, увидев там монаха, швырнул в него обломок черепицы.

Когда монах повернул голову, Нансэн поднял ногу.

Монах ничего не сказал.

Нансэн отправился в храм, и монах пошел вслед, чтобы получить наставление. Он спросил:

— Мастер только что швырнул в меня обломок черепицы. Сделал ли он это для того, чтобы пробудить меня?

— А что ты думаешь по поводу поднятой ноги? — спросил Нансэн.

Монах промолчал.

В другой раз монах пришел и стал перед Нансэном со сложенными ладонями. Нансэн сказал:

— Настоящий мирянин!

Монах хлопнул в ладоши.

— Настоящий монах! — сказал Нансэн.

Маниша, в мировой литературе нет ничего, что можно было бы сравнить с дзэнскими историями. Они настолько исполнены смысла, что их может понять даже ребенок, хотя может случиться и так, что их не поймет даже самый умудренный жизнью старик. Для того чтобы понять эти эпизоды, нужно освоить язык дзэн. А это целый мир.

Конечно, дзэн говорит на твоём языке, но придает старым словам и жестам совершенно новые оттенки и значения. А еще чаще он говорит просто жестами. Лю-

дям, не принадлежащим дзэнскому потоку, этот язык может показаться несколько эксцентричным, безумным, но он совершенно разумен, просто нужно, чтобы кто-то объяснил вам значение. Люди, которые учатся и медитируют в дзэн, не нуждаются ни в каких объяснениях, они воспринимают жест непосредственно. Но с теми, кто не принадлежит дзэнскому кругу, дело обстоит совершенно иначе.

Прекрасной иллюстрацией сможет послужить этот эпизод:

Однажды Нансэн вышел в сад и, увидев там монаха, швырнул в него обломок черепицы.

Когда монах повернул голову, Нансэн поднял ногу.

Нансэн хочет что-то передать этим жестом, но монах не понимает.

Монах ничего не сказал.

Нансэн отправился в храм, и монах пошел вслед за ним, чтобы получить наставление. Он спросил:

— Мастер только что швырнул в меня обломок черепицы. Сделал ли он это для того, чтобы пробудить меня?

— А что ты думаешь по поводу поднятой ноги? — спросил Нансэн.

Монах промолчал.

Это очень древний жест. Получив удар черепицей, монах повернулся только наполовину. Он повернулся и посмотрел на мастера. Поэтому мастер и поднял ногу. Тем самым он говорит: «Повернись полностью. Пол оборота недостаточно. Вполсердца не войдешь в себя. Повернись всем телом». Вот в чем значение поднятой

ноги: «Да, ты делаешь то, что нужно, но только вполсердца».

Есть вещи, которые можно делать вполсердца. Ни одно из твоих мирских дел не требует вовлеченности всего существа. Но что касается внутреннего путешествия, то этому делу необходимо отдаться полностью. Ничего нельзя оставлять в стороне. Необходимо собрать воедино все свое сознание. Уже просто собрав его воедино, ты тем самым приближаешься к центру. Сейчас ты живешь на окружности, совершенно не помня о центре, однако именно центр является источником и целью. В самом центре твоего существа находится канал связи со Вселенной. Там ты — не ты. В самом центре ты исчезаешь и остается лишь чистое сознание, аромат.

Люди боятся отправляться внутрь по той простой причине, что понимают — бессознательно, конечно, — что они существуют только в качестве личностей на окружности. Если человек отправляется в глубины своего существа, ему приходится отказаться от своей личности, от своего эго, от своей респектабельности, — нужно отбросить все, что было собрано на протяжении жизни. Приходится идти дальше в качестве сознания, чистого сознания.

А больше всего вы боитесь раствориться во Вселенной... Говорят, что, когда река подходит к океану, она на миг останавливается, чтобы дважды подумать и оглянуться назад, на все эти дивные горы и долины, — она робеет и колеблется, ей страшно прыгнуть в океан, ибо этот прыжок означает, что ее больше не будет. Но это лишь половина правды. Этот прыжок также означает, что она *станет океаном*.

Я не раз рассказывал вам о великом индийском мистике Кабире. В юности он написал небольшое стихотворение: «Достигнув своего центра, я ощутил себя росинкой, соскользнувшей с лепестка лотоса в океан».

Прекрасный стих. Но перед смертью Кабир призвал своего сына и сказал ему: «Измени стихотворение, потому что теперь я знаю больше. Тогда я познакомился с океаном впервые. И в тот миг мне казалось, что росинка растворяется в океане. Пожалуйста, перепиши стих. Напиши, что океан растворяется в росинке. Теперь я могу сказать это с полной ответственностью».

Этот страх — односторонний. Он идет от неполноты осознания.

Нансэн швырнул в монаха черепицей. Нансэн мог ударить, хлестнуть, толкнуть человека лишь для того, чтобы пробудить его. Согласно дзэнскому учению, мы наполовину спим, наполовину бодрствуем. Наше бодрствование не истинно и не полно. Мы подобны сомнамбулам, которые спят и при этом работают с закрытыми глазами. Если ты присмотришься к себе как следует, то увидишь, что выполняешь многие действия, будто робот, — ведь ты делал все это уже так много раз.

Георгий Гурджиев говорил, что человеческий ум подобен роботу. Вначале, пока ты чему-то учишься, тебе еще необходимо некоторое осознание. Но стоит тебе научиться, и осознание уже не нужно, навык передан в память твоего робота. И человек превращается в станок с программным управлением: ты спишь, а ум выполняет свою работу.

В ударах, которые Нансэн наносит ученикам, есть глубокий смысл. Когда кого-то бьют без всякой причины, он, естественно, просыпается. Он на миг выбирается из плотной толпы своих мыслей, поскольку удар беспричинен. Если бы была причина, ум не потревожился бы, немедленно составив рациональное обоснование действий Нансэна.

Но поскольку рациональные обоснования найти невозможно, — мастер ударил без причины, ведь ученик не сделал ничего дурного, он просто работал в саду, а

мастер вдруг схватил обломок черепицы и больно ударил ученика, — разум на миг останавливается.

Ученик оглянулся, чтобы посмотреть на мастера, а тот поднял ногу. Монах не понял этот жест. Нансэн говорит: «Ты обернулся только наполовину. Обернись полностью, и обернись внутрь себя, а не ко мне. Я — всего лишь внешний объект».

Ни один истинный мастер не хочет, чтобы его ученики были устремлены к нему, поскольку это отвлекает их от своей сути. Только ложный мастер, псевдомастер пытается заставить людей смотреть на него, полностью подчиниться его воле, посвятить себя ему без остатка. Все его заботы — о том, чтобы сознание ученика было устремлено к нему.

Это — единственный способ узнать, является ли мастер подлинным или ложным. Подлинный мастер всеми силами пытается сделать так, чтобы ты обратился в себя. Все, что снаружи, — объективно; все это не поможет постичь твою субъективную реальность; все это никогда не позволит познать твое внутреннее, твой храм, где таится будда и где ты можешь достичь высшей точки сознания.

*В другой раз монах пришел и стал перед Нансэном со сложенными ладонями. Нансэн сказал:
— Настоящий мирянин!*

Мирянин не становится учеником, но при этом он с величайшим почтением и благодарностью относится к тем, кто достиг, к тем, кто пришел к точке величайшего взрыва. Сложенные ладони служат на Востоке символом почтения. Кроме того, они обозначают смирение.

*— Настоящий мирянин!
Монах хлопнул в ладоши.
— Настоящий монах! — сказал Нансэн.*

На первый взгляд кажется, что эти реплики иррациональны, абсурдны. Хлопая в ладоши, монах тем самым говорит: «Мои руки не мертвы, это не руки статуи. Моя любовь и благодарность живы. Не называй меня мирянином, я твой спутник». Это движение обозначает, что руки монаха сделаны не из камня или дерева, они живые.

А дзэн — это религия людей, поклоняющихся только жизни, — никаких каменных идолов, никаких статуй, никакого Бога на небесах. Для дзэн все это — фикция. Дзэн любит жизнь и полностью приемлет ее. Для дзэн в мире не существует ничего, кроме этой жизни, нужно просто проникнуть в нее поглубже — туда, где время и пространство остаются позади, туда, где начинается трансцендентное. В дзэн нет богов, в дзэн нет молитвы, ибо нет никого, кому можно молиться. Дзэн полностью сосредоточен на внутреннем, а не на внешнем.

Все религии сосредоточены на внешнем — на Боге, сидящем где-то за облаками. А дзэн смеется над такими богами. Человек создал их из страха: человеку нужна защита, он чувствует себя одиноким, он боится смерти, и поэтому ему необходим бог-защитник. Все боги — фикция, но у них есть определенная функция: утешать. Дзэн не верит в утешение, он верит в постижение.

А если ты хочешь узнать, что такое жизнь... снаружи ты можешь узнать только поверхность. Лишь копая вглубь своего существа, можно узнать жизнь изнутри, а в тот миг, когда ты узнаешь ее изнутри, все твое существование превратится в танец, в радость, в блаженство, в благодарность мирозданию. Дзэн проявляет совсем иной подход, чем все остальные религии. С моей точки зрения, дзэн — единственная религия, а все остальное — суррогаты.

У Нансэна были тысячи учеников. Один из них, Секисё, написал небольшое стихотворение:

*Жестокий ветер бьется в него,
не в силах поколебать.
Неистовый и одинокий,
стремительный и сильный,
он парит, словно птичье перышко.
Я допущу к себе лишь того,
кто взобрался на вершину.
Когда идет, сидит, лежит,
он делает все так,
как будто вышел на прогулку.*

Прекрасный стих, и он в точности описывает состояние человека, достигшего озаренных солнцем вершин сознания. Все для него — лишь игра, словно он вышел на утреннюю прогулку, чтобы посмотреть, как восходит солнце. Это просто утренняя прогулка без всякой цели. Можно идти куда угодно, нет никаких дел — только радость утра, и прохладный ветерок, и восходящее солнце, и распускающиеся цветы, и разливающийся в воздухе аромат. Но никакой цели, никаких дел, просто чистое наслаждение.

Несчастливы те, кто никогда не созерцают рассвет, закат, звездное небо. Это все не утилитарно, а такие люди настолько заняты деньгами, властью... Все их заботы — о мелочном и заурядном.

Для дзэн природа во всех ее проявлениях — идет ли тихий дождь, гремит ли гром и бьют молнии, наступает ли утро, спускается ли вечер, вступает ли в свои права ночь и все вокруг утихает... дзэн просто наблюдает за всем этим. Свидетельствует. Для человека, который нашел своего свидетеля, все мироздание становится бесконечным чудом.

Секисё пишет: *Жестокий ветер бьется в него* (в свидетеля), *не в силах поколебать*. Свидетеля невозможно поколебать. Он — единственная недвижимая часть мира. Все остальное движется и изменяется. Неизменно лишь одно: то, что таится внутри тебя, в самом центре.

Гераклит говорил: «Невозможно войти в одну и ту же реку дважды». Но, к сожалению, западных теологов, философов и так называемых религиозных людей никогда не интересовал свидетель. Если я когда-нибудь встречу Гераклита, — кто знает, возможно, где-то в этой необъятной Вселенной я его встречу, — я ему скажу: «Это правда, что в одну и ту же реку не войдешь дважды, ибо река пребывает в непрерывном движении. Однако ты кое о чем забыл, ты забыл о себе».

Один и тот же свидетель может войти в тысячу рек, но их переменчивые воды не изменят свидетеля. Зеркало может отражать тысячи вещей, но эти отражения не изменяют зеркало. Отражения появляются и исчезают, не оставляя после себя следа, — зеркало остается зеркалом. Именно это зеркало и стало предметом поисков на Востоке. Когда я говорю «свидетель», я имею в виду зеркальный аспект твоего сознания, который просто отражает.

*Жестокий ветер бьется в него,
не в силах поколебать.
Неистовый и одинокий,
стремительный и сильный,
он парит, словно птичье перышко.
Я допущу к себе лишь того,
кто взобрался на вершину.
Когда идет, сидит, лежит,
он делает все так,
как будто вышел на прогулку.*

Маниша задала вопрос:

Наш любимый Мастер!

Эти стихи, которые Ты читаешь нам каждый вечер, звучат так современно... Словно они написаны о Тебе и Твоих учениках. Однако они пришли к нам через столетия.

Не есть ли это неотъемлемое свойство истины: находить отзвук у всех ищущих ее людей, какому бы месту и времени они ни принадлежали?

Маниша, любое произведение искусства либо объективно, либо субъективно. Субъективное искусство встречается повсюду: оно рождается из твоих чувств, из сердца, из разума и обретает форму картин, стихов, музыки.

Объективное же искусство рождается из пустоты твоего сердца. Ты просто становишься флейтой, пустым бамбуковым стеблем, и через тебя поет вся Вселенная. Нужно только не создавать помех и позволять Вселенной свободно протекать через тебя. Когда ты себя отпускаешь и позволяешь ей беспрепятственно течь через тебя, рождается объективное искусство.

В мире не очень много объективного искусства, поскольку, прежде чем оно сможет родиться, ты должен стать полым бамбуковым стеблем; а ты такой плотный, твое эго так упрямо. Для того чтобы создавать объективное искусство, нужно стать совершенно смиренным, почти исчезнуть. И когда тебя не станет, возникнет великий вселенский поток. Этот поток может обрести форму поэзии, живописи, музыки, танца, скульптуры. Перед тобой открыты тысячи измерений, ты только позволяешь им развернуться.

Стихи Секисё представляют собой объективное искусство. Поэт не сочинял их, они просто протекли через его безмолвное пустое сердце.

Я уже рассказывал вам о великом английском поэте Колридже, который, умерев, оставил сорок тысяч незаконченных стихотворений. Всю жизнь друзья не давали ему покоя:

— Почему бы тебе не дописать их? Не хватает всего одной строки, и это будет воистину великое стихотворение.

— Вы не понимаете, — отвечал поэт. — Я не пишу. Я не слагаю стихов. Я в руках Вселенной. Стихи приходят, когда им вздумается, и останавливаются без предупреждения. Я не могу ничего ни отнять, ни добавить.

Другой удивительный случай произошел с Рабиндранатом Тагором, когда он получил Нобелевскую премию. Ему дали премию за небольшой сборник стихов «Гитанджали» — «Приношение песнями». Изначально эта книга была написана на бенгали — родном языке Тагора, — а затем он сам перевел стихи на английский. Но поэт беспокоился, что в переводе они совсем утратили красоту оригинала, и решил показать перевод жившему в Индии миссионеру по фамилии Эндрюс:

— Если можно, просмотри эти стихи на предмет грамматических и стилистических недоработок. Помогите мне, пожалуйста, чтобы я мог поправить, что не так.

Эндрюс был очень образованным человеком. Он прочел перевод и стихи произвели на него огромное впечатление. Эндрюс отметил только четыре слова:

— Измени вот эти слова, и стихи можно будет назвать совершенными.

Рабиндранат заменил эти четыре слова.

Друг Тагора, ирландский поэт Йитс, организовал поэтический вечер, на котором Рабиндранат должен был в первый раз прочесть «Гитанджали» перед лондонскими поэтами. Стихи произвели на всех огромное впечатление. Это прекрасная книга. В мировой лите-

ратуре есть совсем немного книг, которые можно сравнить с ней.

Но Йитсу кое-что не давало покоя.

— Все прекрасно, — сказал он Рабиндранату, — но мне кажется, что четыре слова не на своем месте.

Это оказались именно те слова, которые Тагор изменил по совету Эндрюса. Йитс указал на эти четыре слова и сказал:

— Вот здесь поток нарушен, словно в него вошел кто-то посторонний, кто-то слишком уж умный. Возможно, твои слова были чем-то нехороши с грамматической точки зрения, но это не имеет значения. Поэт волен распахнуть свое сердце и не заботиться о грамматике, о правилах языка. Верни свои слова на место.

Рабиндранат вернул слова, которые он заменил по совету Эндрюса, и Йитс сказал:

— Теперь поток идет свободно, ничто не мешает его течению.

Йитс на собственном опыте знал, что, когда к тебе из запредельного спускается стих, а ты, принимая его, пытаешься что-то совершенствовать, ты тем самым лишаешь его тайны, разрушаешь чудо. Стих начисто утрачивает свою божественную сущность и становится человеческим.

Маниша, эти стихи не принадлежат времени. Объективное искусство никогда не принадлежит времени. Оно вечно, ибо приходит из-за пределов разума — из самой вечности. Поэтому тебе и кажется, будто Секисё писал стихи специально для тебя. Все это происходит с тобой. И так будет всегда: до тех пор, пока человек ищет внутреннюю истину, эти стихи будут современными и истории из жизни мастеров тоже не устареют.

Прежде чем вы отправитесь в утреннее путешествие, хочу напомнить, что вам необходимо вернуться... Меня уже и так проклинали во всем мире за то, что

я направляю вас внутрь... будьте же милосердны ко мне, — ведь, если вы действительно уйдете внутрь, то уже никогда не вернетесь! Поэтому я и говорю вам: идите медленно и помните о том, что необходимо вернуться. Я посылаю вас внутрь с обратным билетом!

У медсестры выходной, поэтому доктор Костинг сам выглядывает из кабинета в приемную и спрашивает:

— Кто следующий?

— Я, доктор, — отвечает Ковальский, вставая.

— В чем проблема? — спрашивает Костинг.

— Член болит, — отвечает Ковальский.

Доктор хватается Ковальского за рукав и втаскивает в кабинет.

— Чтоб это больше не повторялось! — шипит он. — Вы же видите, что в приемной полно людей. В следующий раз скажите, что у вас болит нос или глаз!

Через пару недель Ковальский снова пришел к доктору Костингу. И опять его визит пришелся на выходной медсестры. Итак, доктор выглядывает из кабинета и спрашивает:

— Кто следующий?

— Я, доктор, — отвечает Ковальский, вставая.

— В чем проблема? — интересуется Костинг.

— Нос беспокоит, доктор.

— Что с носом?

— Видите ли, доктор, — отвечает Ковальский, — он плохо пишет!

Этот анекдот всегда напоминает мне об одном шанкарачарье. Как-то раз он выступал в Бомбее, и в переднем ряду сидела очень богатая

дама с ребенком. Мальчик то и дело ныл: «Я хочу писать! Писать хочу!» Шанкарачарью это очень раздражало, поскольку он говорил о возвышенном. Слушателям было смешно, они еле сдерживали смех, а мальчик все не унимался: «Мама пошли, а то я сейчас уписаюсь! Уже совсем подпирает!»

В результате шанкарачарье пришлось сократить проповедь. Затем он отвел даму в сторону и сказал ей:

— Вам следовало бы научить своего сына хорошим манерам. Он испортил мою высокодуховную проповедь.

— Но что мне делать? — растерялась дама. — Он всегда увязывается за мной, но высидеть долго нигде не может и в конце концов всегда просится в туалет.

— Скажите ему, чтобы всякий раз, когда ему хочется писать, он не говорил слово «писать». Пускай говорит: «Мама, я хочу спеть песенку». Вы сможете тихонечко отвести его в уборную, и никто не узнает, что это за «пение».

Несколько месяцев спустя случилось так, что шанкарачарья на некоторое время остановился в доме той самой дамы. И вот, в один из дней женщина попросила его:

— Умер наш родственник, и нам с мужем необходимо немедленно ехать на похороны. Возможно, мы не вернемся до утра, а малыши боится спать один. Можно он эту ночь переночует с вами?

— Никаких проблем, — ответил шанкарачарья, — пускай спит со мной.

Но посреди ночи проблемы все-таки возникли. Малыш растолкал шанкарачарью и сказал:

— Я хочу спеть песенку!

— Ты что ненормальный? — возмутился шанкарачарья. — Собрался петь посреди ночи. Ты разбудил меня, а теперь еще разбудишь соседей. Успокойся и спи!

Но через несколько минут мальчик опять растолкал шанкарачарью и сказал:

— Я стараюсь, как могу, но пение уже совсем подпирает.

— Никогда не слыхал, чтобы пение подпирало так сильно, что нельзя было бы подождать до утра.

— Боже мой, до утра! — ужаснулся мальчик. — Я не могу ждать ни минуты! Просто скажите, можно мне спеть песенку или нет?!

Шанкарачарья задумался. Посоветоваться было не с кем, и он сказал:

— Ладно давай. Но только пой очень тихо мне на ухо, чтобы никому не помешать. А потом успокойся и спи!

— Ладно, если вы говорите, я сделаю это! — сказал мальчик. — Но только никому потом не рассказывайте, ни маме, ни папе. Иначе быть мне битым!

— За что битым? — спросил шанкарачарья. — Ты собираешься просто петь или делать что-то еще?

— Только петь! — отвечал малыш.

Итак шанкарачарья подставил ухо, и мальчишка «спел»! Шанкарачарья так и подскочил!

— Идиот! И это ты называешь пением?!

— Вы что, забыли? Вы же сами посоветовали моей маме, чтобы она приучила меня говорить «я хочу спеть песенку» вместо «я хочу писать». А теперь вы недовольны.

Шанкарачарья вспомнил тот случай и сказал:

— О Боже! Никогда больше никому не посоветую подменять слова.

Подменять слова опасно!

Группа американских туристов подходит к отелю «Лимерик» в Ирландии. Вдруг вертящиеся двери бешено закрутились, выплонув на улицу старика О'Грейди.

О'Грейди рысцой пробежал вокруг парковки, имитируя звук автомобильного мотора и клаксона и не забывая при этом «переключать передачи». Наконец, ревя «мотором», он скрылся в конце улицы.

Один из американских туристов открывается от своей кинокамеры и обращается к Симусу, который стоит, прислонившись к стене у входа в отель:

— Что все это значит?

— Это старик О'Грейди, — отвечает Симус. — Он несколько эксцентричен и всегда «ездит» по городу после того, как опрокинет рюмочку-другую.

— А почему же вы его не остановите? — спрашивает турист.

— А зачем, если он платит мне по пять фунтов в неделю за мытье машины?!

Прогуливаясь по пляжу, маленькая Алиса видит Честера Чиза, который лежит на песке, прикрыв свое хозяйство газетой.

Алиса с большим любопытством смотрит на дремлющего Честера, затем, не в силах удержаться, расталкивает его и спрашивает:

— Эй, мистер, а что это там шевелится у вас под газетой?

Честер, сонно мигая, смотрит на Алису и бормочет:

— Это моя ручная птичка.

Затем он снова засыпает, а Алиса по-прежнему стоит рядом и наблюдает за таинственными движениями под газетой.

В конце концов не удержавшись, она подходит к Честеру и заглядывает под газету.

Честер Чиз очнулся в больнице. Член забинтован и ужасно болит.

— Что произошло? — стонет он, обращаясь к медсестре?

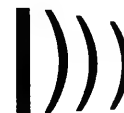
— Возможно, — отвечает сестра, — вам следует спросить вон у той девочки. Она приехала вместе с вами.

Честер смотрит на малышку Алису.

— Ну, — спрашивает он у нее, — что произошло?

— Я решила посмотреть на вашу птичку, — сердито проговорила Алиса, — но, как только я подняла газету и начала с нею играть, птичка вскочила и плюнула в меня. Тогда я схватила ее, свернула ей шею, растоптала ее яйца и разорила гнездо!

Ниведано...

Ниведано...

Тишина.
 Закрой глаза и ощути,
 что твое тело обратилось в лед.
 Теперь посмотри вглубь себя.
 Собери все сознание в копьё,
 направленное в центр твоего существа.
 В центре ты найдешь все секреты жизни.
 Центр расположен за пределами жизни и смерти.
 Метафорически мы называем
 центр буддой — пробужденным.
 В этот момент вы все — будды.
 И помните,
 быть буддой не значит быть буддистом.

Дело не в том, чтобы за кем-то следовать.
 Это не вопрос обращения в ту или иную веру.
 Это вопрос пробуждения.
 Нужно достигнуть глубин себя, своего центра.

Твоя повседневная жизнь проходит на окружности.
 Медитация —
 это движение от окружности к центру.
 А центр принадлежит не только тебе —

это центр всей Вселенной.
 На окружности мы все отделены друг от друга;
 в центре мы все —
 одно, океаническая реальность.
 Единство дает нам огромную радость,
 великое безмолвие, глубочайшее блаженство.

Глубже и глубже.
 Чем глубже ты идешь,
 тем ближе оказываешься ко вселенскому центру.
 Иди без страха, пока не почувствуешь,
 как в тебе встает будда.
 Буддой не нужно становиться,
 будда — наша природа.
 Мы рождаемся с ним.
 Мы несем его в своей душе.
 Внутри каждого зреет плод будды.
 Нужно только открыть его,
 нужно просто вспомнить, кто ты есть.

Чтобы стало понятнее, Ниведано...

Расслабься.
 Просто наблюдай лежащее здесь тело,
 покоящийся здесь разум.
 Ты — не тело,
 ты — не разум,

ты — только свидетель,
зеркальная, отражающая бдительность.
Свидетельствование —
это величайший вклад Востока
в сокровищницу мира.
Все умирает, все изменяется,
только свидетель остается.

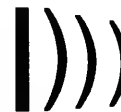
Тысячи цветов и красок
осыпаются на тебя дождем.

Этот вечер прекрасен сам по себе,
но десять тысяч будд сделали его
воистину великолепным,
изумительным, волшебным.

В наше время особенно трудно
достичь своего центра,
ибо никто тебе не говорит,
что истинное сокровище находится
внутри тебя, а не снаружи.
Бог живет не за облаками,
он скрыт в твоём сознании.
Твое сознание и есть Бог.
Испей из этого источника,
сколько сможешь,
насквозь пропитайся
этой радостью и этим ароматом,
ибо тебе нужно вынести все это
на поверхность.
Медитация должна длиться не несколько минут,
она должна продолжаться весь день.
Что бы ты ни делал,
в основе всего должна быть твоя буддовость,
глубокое осознание,
бдительность,

сознательность — в твоих жестах,
в твоих действиях, в твоём молчании.

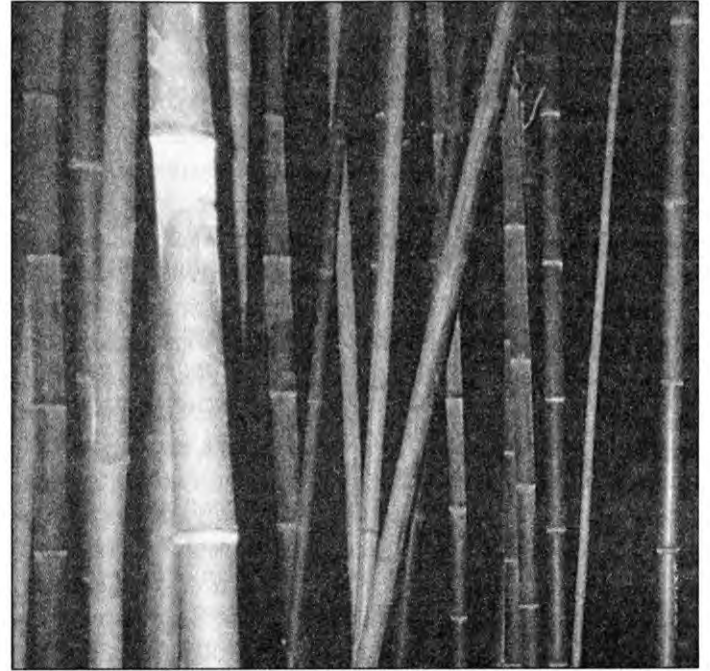
Ниведано...

Возвращайся.
Но возвращайся с изяществом будды.

Медленно, спокойно, радостно,
с танцем в сердце.
Посиди несколько минут,
чтобы вспомнить место,
где ты только что был, тропу,
которую ты протоптал.
Тебе придется каждый день возвращаться
на эту тропинку
и идти по ней все глубже и глубже.
Тебе нужно как можно ближе
познакомиться со своим буддой,
чтобы ты смог вывести его
из центра на окружность.
Когда все твои жесты, слова и молчание
принадлежат будде —
ты пришел домой.

- Хорошо, Маниша?
- Да, наш любимый Мастер.
- Можем ли мы возрадоваться присутствию десяти тысяч будд?
- Да, наш любимый Мастер.

Мой танец завершен

Беседа 10
14 октября 1988 года

Наш любимый Мастер...

Однажды Нансэн сказал собравшимся монахам:

— *Путь не во внешних вещах; вне вещей Пути нет.*

Дзёсю спросил:

— *Что это за Путь, который вне вещей?*

Нансэн тут же ударил его. Дзёсю поймал палку Нансэна и сказал:

— *Впредь не бей никого по ошибке!*

— *Легко говорить о драконе, но трудно польстить мне!* — сказал Нансэн и, бросив палку на землю, удалился в свои покои.

В другой раз Дзёсю спросил:

— *Когда человек осознает: «вот оно», куда ему дальше идти?*

— *Ему нужно спуститься с холма и стать быком в деревне!* — ответил Нансэн.

Дзёсю поблагодарил Нансэна за то, что тот привел его к полному просветлению. Нансэн заметил в ответ:

— *Прошлой ночью во время третьей стражи в окно светила луна.*

Маниша, прежде всего я должен попросить прощения за то, что не смог сегодня присоединиться к вашему танцу. Нужно сказать за это спасибо не кому иному, как Рональду Рейгану. Безо всякой на то причины он протащил меня за двенадцать дней через шесть тюрем. Я думал, что этим издевательства ограничатся. Но затем я почувствовал симптомы отравления, и

меня тщательно обследовали английские специалисты в поисках следов яда, который могли мне дать.

И они выяснили, какой это был яд. Это единственный яд, который полностью исчезает из организма, не оставляя следов ни в крови, ни в тканях, и определить его можно только по симптомам. Если дать человеку большую дозу этого яда, то он умирает сразу.

Теперь понятно, зачем меня протащили через шесть тюрем. Это было сделано для того, чтобы давать мне яд маленькими порциями: сразу он меня не убил, но должен понемногу разрушить мое тело изнутри за несколько лет.

Я уже почти преодолел яд. Он остался только в руках — в костях и особенно в суставах. До сих пор я танцевал вместе с вами, не обращая на него внимания. Я бы танцевал и дальше, но сегодня боль стала слишком сильной.

Сама боль для меня не проблема. Проблема в другом: если бы я танцевал и дальше, то, возможно, мне пришлось бы прекратить беседы. Так что пусть лучше эта боль уляжется. Я надеюсь, что скоро снова буду танцевать с вами.

Лучше бы Рональд Рейган убил меня сразу: это сделало бы прекрасную репутацию христианству и американской демократии.

Но, используя своих подчиненных, он отравил меня таким образом, что мне придется мучиться еще несколько лет. Каждый день я берегу силы для этих двух вечерних часов, а все остальное время лежу в полной тьме.

Для меня не имеет значения, придет ли смерть сейчас или через миг: я достиг своей цели, мой танец завершен. Я задерживаюсь здесь лишь ради того, чтобы вы все объединились со мной в великом просветлении.

Поэтому я подумал, что лучше сильно не нагружать руки; вы поймете жесты даже моих неподвижных рук. Но я хочу, чтобы вы, как и прежде, танцевали до моего прихода и продолжали праздник после того, как я

уйду со сцены. Надеюсь, что ваша любовь поможет мне победить яд, и я снова смогу танцевать вместе с вами, праздновать вместе с вами.

Я ни на кого не держу зла. Природа и мироздание обо всем позаботятся сами. В тот день, когда мне дали яд, — я помню тот вечер в тюрьме Оклахомы, — в тот самый миг дни Рейгана были сочтены. С этого дня начался его упадок. Его сообщник Эд Миз (министр юстиции, который играл главную роль в отравлении) недавно вынужден был подать в отставку, ибо его изообличили в серьезных преступлениях.

После моей депортации из США его представитель признал во время пресс-конференции, что у них нет никаких доказательств моей преступной деятельности. «Наша цель состояла в том, чтобы уничтожить его коммуны в США, а без депортации Раджниша это было бы невозможно».

Коммуна не давала покоя христианским фанатикам, фундаменталистам, ибо представляла собой очевидную альтернативу их унылому обществу, погрязшему в страданиях и бедности. А у нас в коммуне смех, веселье, танец. Этого не могли стерпеть ни христиане, ни Рональд Рейган, который и сам является христианским фундаменталистом. Они забыли о демократии, о собственной конституции и сделали все для того, чтобы уничтожить коммуну. Но прежде нужно было депортировать из страны меня.

Однако депортировать меня оказалось нелегко: ведь никаких доказательств моей преступной деятельности нет. Поэтому они прибегли к другим методам. Власти просто не видели никакой альтернативы. Во-первых, меня отравили, во-вторых, подложили мне под стул бомбу, в-третьих, их юристы шантажировали моих адвокатов. Они сфабриковали список из тридцати четырех обвинений. Однако после того, как я наконец выехал из страны, министр юстиции США признал, что

нет никаких доказательств или свидетельств того, что я хоть что-то из этого совершил. У меня даже не было публичных выступлений в течение трех с половиной лет перед этим.

Государственные прокуроры шантажировали моих адвокатов, говоря: «Вы видели список обвинений? И вы, и мы прекрасно понимаем, что если вы вступите в борьбу, то в конце концов выиграете все процессы, — но на это может уйти от двадцати до тридцати лет. Кроме того, нам кажется, что вы рискуете жизнью Раджниша».

Это было ясное свидетельство: правительство вознамерилось уничтожить коммуну независимо от того, совершал ли я какие-то преступления или нет. Мои адвокаты сказали мне: «Если вы признаете два преступления из списка, они готовы отпустить вас». Но правительственные чиновники не сказали моим адвокатам, каковы будут последствия, если я признаю эти два преступления. Если бы эти правонарушения совершил кто-то другой, он заплатил бы штраф двадцать пять, максимум пятьдесят долларов. Мне же пришлось заплатить четыреста тысяч долларов штрафа. Это почти шесть миллионов рупий.

Даже мои адвокаты были в шоке, поскольку этот вопрос не обсуждался во время переговоров. И меня немедленно депортировали: в аэропорту меня уже ждал самолет, готовый к отлету. Возможно, они боялись; если бы я умер у них в стране, это бросило бы тень на американскую демократию. Итак, мне пришлось покинуть Америку в течение пятнадцати минут.

С тех пор мысли обо мне не дают им покоя. Чего они только не делают! Как заявил перед прессой Эд Миз: «Мы делаем все, чтобы заткнуть Раджнишу рот».

Они убедили правительства пятнадцати стран отказать мне во въезде. И они заставили индийское правительство не впускать в страну моих санньясинов из всего мира, чтобы я остался в изоляции, чтобы превратить мой дом в тюрьму.

Но мои люди достаточно умны. Они приходят сюда, преодолевая любые преграды. И теперь я живу лишь вашей любовью. И посмотрим, что победит — яд или любовь.

Судя по всему, яд уже почти совсем ушел из моего тела. Он остался только в руках. Но яд уйдет и из рук, ибо нельзя убить невинного человека, Сущее этого не допустит. Однако руки пока придется поберечь.

Почему им не удалось заткнуть мне рот? Потому что невозможно заткнуть рот истине, радости, любви. Но именно этим нелепым делом люди занимаются из века в век: они отравили Сократа, но его голос до сих пор не утихает в ушах и сердцах тех, кто хочет постичь глубочайшие тайны жизни; они распяли Христа, но опять-таки ничего этим не добились, на самом деле они тем самым только придали особый вес Его учению.

Я хочу напомнить вам, что, независимо от того, буду я вместе с вами или нет, праздник должен продолжаться. И если меня здесь нет, значит, праздник должен быть еще более бурным, он должен окружить в своем вихре весь мир.

Праздник — моя религия.

Любовь — мое послание.

Безмолвие — моя истина.

Маниша предложила нам сутру:

Наш любимый Мастер!

Однажды Нансэн сказал собравшимся монахам:

— Путь не во внешних вещах; вне вещей

Пути нет.

У Нансэна свой особый стиль — стиль противоречивый, как, например, это утверждение: *Путь не во внешних вещах* противоречит утверждению *вне вещей Пути нет*.

Но в том, что он пытается сообщить, никакого противоречия нет. Нансэн говорит, что, если ты пытаешься найти Путь во внешних вещах, ты его не найдешь. Во внешних вещах Пути нет. Однако, когда ты его найдешь, он оказывается частью внешних вещей. Все, что найдешь в процессе медитации, — вне тебя. Ты остаешься свидетелем и только свидетелем, а для свидетеля все является внешним. Свидетель всегда за пределами того, что он отражает.

Дзёсю и самому предстояло стать великим Мастером (между прочим, завтра мы начинаем цикл бесед о Дзёсю, «Дзёсю: Рычание льва»), он тоже является одной из вех в истории сознания. Этот необыкновенно отважный человек создавал рычащих львов — будд, обладающих величайшей силой и энергией.

Дзёсю учился у Нансэна, но при этом всегда оставался «вещью в себе». Он никогда не становился учеником Нансэна формально — не принимал у него посвящения, — но он жил у Нансэна и очень любил этого мастера. И Нансэн тоже щедро одарял его любовью. Все знали, что, умирая, Нансен назначит своим преемником Дзёсю, хотя тот не был его последователем.

Он был настолько уникален, что не мог ни за кем следовать. Он был просто *спутником*.

А Нансэн принимал любых людей. Согласен ты с ним или не согласен, ты можешь поселиться в его монастыре. Может быть, со временем вы придете к согласию, — достаточно просто пройти некоторое расстояние вместе по дороге, — возможно, ты почувствуешь, как его сердце прикоснулось к тебе и что-то внутри изменилось. Он трансформировал Дзёсю без всякой формальной инициации, когда высказал это противоречивое утверждение:

*— Путь не во внешних вещах; вне вещей
Пути нет.*

Дзёсю спросил:

— Что это за Путь, который вне вещей?

Нансэн сразу же ударил его.

В дзэн мастер бьет ученика только тогда, когда чувствует, что тот готов стать буддой. Удар направлен лишь на то, чтобы пробудить его: «Что за глупости ты спрашиваешь?» Ударив его, Нансэн просто хотел сказать: «Дзёсю! Неужели этот нелепый вопрос задаешь ты! Ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю. Кому-то другому позволительно задавать подобные вопросы, но не тебе. Я знаю, и ты знаешь». Чтобы выразить все это, он и ударил его.

Дзёсю поймал палку Нансэна и сказал:

— Впредь не бей никого по ошибке!

Дзёсю не говорит: «Не бей меня!» Он говорит: «Впредь не бей никого по ошибке! Ты ударил меня, и это совершенно правильно, но смотри, чтобы не ударить кого-то по ошибке. Я понимаю, почему ты меня ударил, но, если ты ударишь кого-то, кто еще не достиг такого уровня понимания и осознания, это может быть опасно. Ведь ты уже стар».

— Легко говорить о драконе, но трудно польстить мне! — сказал Нансэн и, бросив палку на землю, удалился в свои покои.

Он говорит вот что:

«Легко говорить о драконе, но трудно польстить мне! Слова Дзёсю «Впредь не бей никого по ошибке!» — это всего лишь попытка мне польстить».

В ответ на замечание: «Я понимаю, что ты поступил правильно, но не бей никого больше» — Нансэн говорит: «Мне польстить трудно».

В другой раз Дзёсю спросил:

— Когда человек осознает: «вот оно», куда ему дальше идти?

После того как осознаешь: «это оно» — куда дальше идти от этой точки? Фактически, отсюда идти уже некуда. Куда ни пойдешь, ты всегда останешься в этой же точке. Что ни делай, тебе никак не уйти из «сейчас»; как бы быстро ты ни бежал, где бы ты ни был, ты останешься в сейчас. И нельзя попасть в иное пространство, кроме здесь. Где бы ты ни оказался, это пространство будет «здесь». Мы никогда не двигаемся относительно своего центра.

Дзёсю спрашивает:

— Когда человек понимает: «это оно», куда ему дальше идти?

— Ему нужно спуститься с холма и стать быком в деревне! — ответил Нансэн.

Нансэн просто насмехается над Дзёсю: «Не задавай дурацких вопросов. Я от тебя этого не ожидал. Такой вопрос мог бы задать человек недалекий. От людей, у которых нет опыта своего внутреннего существа, подобные вопросы приемлемы, но тебе задавать их не подобает».

Но он говорит это не прямо, а иносказательно:

— Ему нужно спуститься с холма и стать быком в деревне! — ответил Нансэн.

Дзёсю поблагодарил Нансэна за то, что тот привел его к полному просветлению.

Чтение этих дзэнских историй — уже само по себе опыт. За занавесом слов происходит нечто, невидимое для тебя. Происходит что-то, чего нет ни в вопросе, ни в ответе... Ведь ты не думаешь, что достигнешь полно-

го просветления, просто прочтя эти истории? А Дзёсю достиг.

Эти эпизоды отражают лишь то, что происходит на поверхности. Под внешним покровом слов течет невидимый поток личной близости, глубокой любви и благодарности.

Дзёсю ощущает Нансэн почти как собственное сердце, хотя он Нансэну и не ученик, просто они танцуют один танец. Нансэн никогда не настаивал на том, чтобы кто-то становился его учеником. Он говорил: «Достаточно того, что ты со мной. Оставайся открытым к тому, что может произойти. Я всегда открыт; если ты тоже открыт, может произойти встреча. Не закрывай свои двери, будь восприимчив».

Я излучаю энергию, и однажды в момент всплеска этой энергии твое сердце, которое столетиями жило во тьме, внезапно обретет просветление. Огонь достигнет тебя только в том случае, если ты открыт и близок, ибо этот всплеск сохраняет свою силу только на определенном расстоянии.

Если ты надеешься обрести просветление, находясь вдали, в безопасном убежище, то тебя ждет разочарование. Нужно рискнуть и подойти как можно ближе к Мастеру. Лишь в этой близости твое сердце внезапно вспыхивает. Ты уже больше не пребываешь во тьме.

Поэтому помните, что эти истории — всего лишь поверхностный слой чего-то реального. А реальное не может быть выражено в словах. Реальное можно только понять.

Так было всегда: в девяноста девяти и девяти десятых процента случаев люди обретали просветление в процессе передачи энергии от Мастера к человеку, который готов и созрел для этого. Но остается еще одна десятая процента: ибо, если ты хочешь обрести просветление, нет необходимости, нет абсолютной необходимости быть с Мастером.

Ты можешь обрести просветление сам, но это тяжелый, крутой путь. Возможно, ты не раз упадешь, возможно, ты не раз собьешься с дороги и будешь вновь и вновь возвращаться на окружность. Даже приблизившись к центру почти вплотную, ты можешь не осознать этого. Малейшее отклонение, и ты промахнулся.

Я вам уже рассказывал эту историю?

Жил один царь, искусный стрелок из лука. И все же иногда он не попадал в цель. Это естественно. Однажды, проезжая через какую-то деревню, он увидел на каждом столбе, на каждом дереве мишени, и точно в центре каждой из них торчала стрела. Царь не верил своим глазам: такой искусный лучник в такой захудалой деревне! Царь велел остановить повозку и расспросил местных жителей. Люди стали смеяться.

— Никакой он не лучник, — сказали они. — Он просто придурок.

— Придурок? — воскликнул царь. — Да он же само совершенство.

Все еще смеясь, люди сказали, указав на дорогу:

— А вот и он сам идет. Этот парень обманул многих. Полный придурок. Сперва он стреляет из лука, а затем рисует мишень. Естественно, он всегда попадает в яблочко.

Такой человек никогда не промахнется. Но тот, кто идет один по нехоженным тропам, где нет ни следов, ни указателей направления, и все направления открыты... И все же иногда кому-то удается обрести просветление без помощи мастера. Я могу говорить об этом совершенно авторитетно, потому что у меня мастера не было. Я пробивался сам, прекрасно зная, что путь предстоит неблизкий.

Как это ни грустно, но в наше время мастера найти очень непросто. Вместо того чтобы тратить время на

поиски мастера, я решил: «Лучше пойду один. За время, которое придется потратить на поиски мастера, можно найти путь самому». А ведь есть очень много ложных учителей, которые называют себя мастерами. Их претензии сохраняют силу лишь до тех пор, пока за ними никто не следует; иначе немедленно выясняется, что они ничего не знают, а просто цитируют писания.

Я слышал историю об одном псе, который выступал против лая. И, призывая других собак не лаять, он стал очень известным мастером среди собачьего племени. Все псы говорили:

— Он уникален. Возможно, он — инкарнация Бога. Мы все — простые псы и никак не можем удержаться от искушения, когда видим полицейского, или почтальона, или саньясина, в общем любого человека в форме.

Собаки — очень мятежный народец. Они категорически против униформы. А этот великий мастер без устали твердил с утра до вечера:

— Мы пали так низко исключительно из-за нашего лая. Иначе собаки оказались бы на вершине эволюции. Вся наша энергия уходит на лай.

— Это правда, — соглашались остальные собаки. — Но что поделать, если нас неодолимо тянет залаять? Мы простые псы, а ты великий Мастер.

И вот однажды в полнолуние псы сговорились между собой:

— Вот уже много лет он всеми силами старается нас образумить. Давайте подарим ему эту ночь, он это заслужил. Нужно хотя бы раз доставить ему радость. Этой ночью все собаки спрячутся, кто где сможет, и будут изо всех сил сдерживать себя, — ведь одна ночь это не так уж много. Утром можно будет лаять, сколько душе угодно, но этой ночью...

Наступила ночь, и мастер не мог поверить своим ушам. Он никак не мог понять, что происходит, ибо

больше всего собаки лают именно в полнолуние. Собаки категорически против не только униформы, но и луны — такая уж у них особенность. В безлунную ночь они спят как убитые, но при свете луны им не спится, и они воют и лают без умолку. Либо собаки против луны, либо они великие ценители красоты — кто знает?

Итак, той ночью мастер не мог поверить своим ушам. Он огляделся вокруг и не увидел ни одной собаки. Наступила полночь, луна висела прямо в зените, и вдруг в мастерере проснулась неодолимая тяга залаять.

— Боже мой, я никогда прежде не испытывал этого чувства, — пробормотал он.

Прежде ему просто было некогда. Он постоянно учил собак не лаять, и тяга залаять трансформировалась в учительство. Впервые в своей жизни он несколько часов подряд никого не наставлял. Тяга стала настолько сильной, что он спрятался где-то в уголке и залаял. В тот же миг ему отозвался лаем весь город: ведь все собаки подумали, что кто-то нарушил слово.

Они изо всех сил держали себя в руках, подавляли свое желание, но теперь кто-то всех предал и терпеть больше нет смысла: соглашение уже нарушено.

Пес-мастер вышел из своего укрытия и снова начал учить:

— Я же говорю вам, что так собаки никогда не приблизятся к совершенству, — никакой эволюции.

Эти ложные мастера... стоит пойти за ними, и скоро выясняется, что они сами не следуют своим учениям. Они осуждают в тебе то, что свойственно им самим. Но ты не знаешь, что они делают, поскольку не следуешь за ними.

Один человек учил:

— Я приведу к истине любого, кто пойдет за мной.

И все говорили:

— Да-да, когда-нибудь, состарившись и закончив все свои земные дела, мы пойдем за тобой.

Так, постоянно проповедуя свое учение по деревням, он прослыл великим мастером. Люди думали: «Он знает истину».

И вот, в одной деревне один очень волевой молодой человек встал и сказал:

— Я пойду за тобой. Приведи меня к истине.

«Мастер» очень испугался. Он не знал, что есть истина. Он прослыл великим мастером лишь потому, что никто за ним не следовал. И все же он не мог сказать этому молодому человеку: «Не иди за мной».

Мастер подумал: «Походив за мной несколько дней, он устанет. А я специально буду водить его по труднопроходимым горным тропам».

Однако молодой человек был настроен очень решительно. Мастер пытался утомить его в течение шести лет и наконец вынужден был заявить:

— Послушай, из-за тебя я и сам забыл путь. Теперь я заблудился! Раньше я легко видел истину, но вот прошло шесть лет, и я не замечаю даже ее тени. Это все из-за тебя!

Ложных мастеров много. Время истинных Мастеров прошло.

Нансэн и Дзёсю принадлежали к золотому веку. Когда Дзёсю сказал: «Я достиг полного просветления», — Нансэн заметил в ответ: «Прошлой ночью во время третьей стражи в окно светила луна».

Мастер безошибочно знает, в какой момент ученик достиг просветления. Он называет ему точное время: «Прошлой ночью во время третьей стражи в окно светила луна. Уж не думаешь ли ты, что я не знаю, когда ты обрел полное просветление? Я знал об этом еще раньше тебя».

Если рядом с тобой истинный Мастер, то нет нужды говорить ему: «Я обрел просветление». Он сам скажет тебе, когда это произойдет. В миг, когда Мастер увидит, что ты расцвел, в миг, когда Мастер увидит, что насту-

пила весна, в миг, когда Мастер ощутит аромат, он сам сообщит ученику о просветлении.

Конечно, эти дни прошли. Но их можно вернуть. Они прошли потому, что мы погрязли в мелочах и серости. Мы забыли о том, что самое главное в жизни — познать себя. Через окно самопознания видны все тайны Сущего. Но мы — совсем как дети: возимся со своими игрушками, не понимая, что скоро придет смерть и все, что кажется нам таким важным, будет совершенно бесполезным.

Только в том случае, если медитация дала тебе свет, сияющий в ночи, смерть окажется не смертью, а дверью в Божественное. С этим светом в твоём сердце сама смерть трансформируется в *дверь*, и ты вступаешь во вселенский дух — обретаешь единство с океаном. Если же это переживание океанического единства тебе незнакомо, значит, ты прожил жизнь напрасно.

У Секиё есть небольшое стихотворение:

*Не прекращая дзэнской практики
в Небесном Дворце,
ты сам
осознаешь великолепие за пределами
великолепия.
Твой старый посох позванивает
в прохладной свежести,
и мороз
пронзает небеса.
В храме Леса Мудрости
плод созрел;
уже пора.*

Плод всегда зрелый, всегда пора. Нужно просто обратиться с духом и войти в свой внутренний лес. Плод всегда зрелый, и в любое время — пора. Не существует такой вещи, как «не вовремя».

Маниша спрашивает:

*Наш любимый Мастер!
Узнаем ли мы свое истинное лицо, когда встретим его?*

Маниша, встретить свое истинное лицо — значит всего лишь понять, где реальность, а где отражение. Увидев реальное, ты становишься отражением. Это как перед зеркалом. Тебе кажется, что ты стоишь позади стекла. Но, осознав тот факт, что ты вне зеркала, — в зеркале лишь отражение, а отражение не есть истина, — ты встречаешься со своим истинным «Я». Ты внезапно осознаешь, что до сих пор жил с ложным лицом, а вот это лицо — истинное.

До сих пор ты жил как отражение, как тень, как нечто нереальное. И вдруг ты исчезаешь — остается только истинное лицо. Твой вопрос, Маниша, совершенно оправдан, логичен, поскольку как узнать, что это и есть твое подлинное лицо? Тебя уже не будет. Ты исчезнешь, а вместо тебя возникнет подлинное лицо; тебе не придется его узнавать, поскольку тебя там вообще не будет. А истинное лицо будет знать, что до сих пор тебя представляла ложная личность.

Теперь ложное исчезло, осталось только истинное. Вопрос об узнавании не стоит. Пока ты ложный, как ты об этом узнаешь? А когда появляется истинное, ложное исчезает, — они никогда не встречаются.

Поэтому люди боятся искать себя: ведь в миг, когда ты найдешь себя, тот, кем ты был прежде, исчезнет, словно тень, словно его никогда и не было, — как сон.

Я уже рассказывал вам:

После драки в пивнушке пьяница пришел домой весь в ссадинах. Опасаясь скандала с женой, он вошел в

дом на цыпочках, с туфлями в руках и сразу же скользнул в ванную. Посмотрев в зеркало, он ужаснулся:

— Боже! Все лицо в ссадинах. Как их скрыть? Утром она все увидит.

Мужчина не придумал ничего умнее, чем взять помаду своей жены и замазать следы битвы. Затем он тихонечко прокрался в комнату и скользнул под одеяло. Рано утром несчастный проснулся от вопля жены, раздающегося из ванной:

— Какой идиот разрисовал зеркало моей помадой?

Пьянчужка думал, что закрашивает ссадины на лице, но на самом деле рисовал на зеркале, ибо видел свое лицо именно там. А настоящего лица он не видел!

Мы находимся почти в такой же ситуации. Стоит появиться подлинному, и мы вдруг обнаруживаем, что ложное исчезло. Они никогда не встречаются, поэтому вопрос об узнавании не стоит.

А сейчас, прежде чем мы попытаемся встретиться со своим подлинным лицом... Это опасное путешествие; и если вы найдете свое истинное лицо, пожалуйста, возвращайтесь обратно; не оставайтесь там. Мы должны медленно, медленно вынести свое настоящее лицо на *окружность*.

Это очень тихий и красивый процесс: ты каждый день отправляешься внутрь себя; каждый день погружаешься все глубже; каждый день возвращаешься. Что-то изменяется — фрагмент за фрагментом, дюйм за дюймом, шаг за шагом. Однажды ты вдруг осознаешь, что идти внутрь уже не нужно. Истинное лицо оказалось на поверхности. Тучи рассеялись, и луна засияла в полном своем великолепии — ее не закрывает ни единое облачко.

Сардар Гурудаял Сингх ждет.

Папа-поляк захотел, чтобы святая католическая церковь стала самой современной религией в мире, и решил провести компьютеризацию костелов.

— Это проще простого, — объясняет несколько недель спустя отец Гриб отцу Копуну, сидя в исповедальне. — Нужно только напечатать на экране признание исповедующегося, и компьютер немедленно выдаст тебе распечатку с епитимьей. К примеру, я печатаю «воровство». Смотри! Вот тебе епитимья: «Трижды прочесть «Аве Мария» и пожертвовать церкви пятнадцать долларов». Как думаешь, справишься?

— Ладно, — отвечает отец Копун нервно, — попробую.

Едва отец Гриб уходит, Копун начинает практиковаться. Вскоре в исповедальню входит Салли.

— Ах, святой отец, — говорит она, — я согрешила!

— Да? — говорит отец Копун. — А ну-ка, рассказывай!

— Ну, понимаете, я привела к себе домой своего парня.

— Ужасно! — восклицает отец Копун и бормочет, набирая на компьютере: «Привела домой парня».

— Да, святой отец, но это не все. Он вошел в мою спальню.

— Вот как? — говорит отец Копун, отстукивая на клавишах: «Парень — в спальне».

— Да, отец, но и это еще не все. Он раздел меня.

— Господи Иисусе! — возмущается священник, глядя, не поползла ли из принтера распечатка.

— Однако подождите, святой отец. Он разделся сам и взобрался на меня.

— О Боже! — говорит отец Копун, печатая: «Парень взобрался на нее».

— Да, отец, а после этого он вставил в меня кончик своей машинки.

— В самом деле? — говорит отец Копун, печатая: «Вставил кончик своей машинки». Затем он яростно смотрит на принтер, но распечатки нет. Тогда он еще раз напечатал то же самое. Безрезультатно.

— Неполные данные! — расстроено восклицает священник. — Этот компьютер не работает с неполными данными. Тебе придется вернуться домой и заставить своего парня вставить ее полностью.

Однажды утром вице-президент США Джордж Буш входит в Овальный Кабинет и видит истерически хохочущего Рональда Рейгана.

— Господин президент, — интересуется Буш, — что вас так рассмешило?

— Я только что узнал, что Эд Миз трахает Нэнси и каждый раз платит ей за это по двадцать долларов, — выдавливая из себя президент, задыхаясь от хохота.

— Боже мой! — восклицает Буш. — Но это же не смешно! Это национальный скандал!

— Ну что ты? — смеется Рейган, вытирая слезы с глаз. — Он же полный идиот! Я трахаю ее бесплатно!

Доктор Снифф привел своего старого друга Фергюса на благотворительный танцевальный вечер в колледже для глухонемых. Доктор сказал

Фергюсу, что будет хорошо, если он пригласит на танец глухонемую девушку, однако следует помнить, что она не может ни говорить, ни слышать его.

— Но как же я тогда приглашу ее на танец? — спрашивает Фергюс.

— Не волнуйся, — отвечает Снифф, — как-нибудь справишься.

Итак, Фергюс с самыми добрыми намерениями подходит к сидящей в углу хорошенькой девушке, галантно берет ее за руку и ведет на танцплощадку.

Прошло полчаса, а Фергюс все не может придумать, как бы ему закончить танец и пойти передохнуть. Тут к ним подходит молодой человек и обращается к девушке:

— Эй, Люси! Потанцуй еще раз со мной! Мы уже почти час как с тобой не танцевали.

— Я бы с радостью, — отвечает Люси, глядя на Фергюса, — но я не знаю, как мне отделаться от этого глухонемого придурка!

Ниведано...

))))

Ниведано...

))))

Тишина.

Закрой глаза и ощути,
что твое тело обратилось в лед.
Теперь, собрав воедино все сознание,
посмотри вглубь себя
с величайшей настойчивостью,
будто это последний миг твоей жизни.

Направляйся в центр своего существа,
словно стрела.

В этом центре открываются
все тайны мироздания.
Чем глубже тыходишь,
тем больше ты видишь в жизни
очарования, красоты, истины.
Внезапно расцветают тысячи цветов.

Ты — только свидетель происходящего.
Просто наблюдай
эту радость, блаженство, экстаз.
Не заблудись, не идентифицируй себя.
Оставайся в стороне — Эверест,
уходящий вершиной в заоблачные выси.
Будь столпом свидетельствования.

Чтобы стало понятнее, Ниведано...

))))

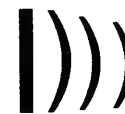

Расслабься.
 Отпусти.
 Ты — не тело.
 Ты — не разум.
 Ты — только свидетель.

Войди глубже в свидетельствование.
 Это свидетельствование —
 отправная точка
 от обыкновенного к необыкновенному,
 от мирского к священному,
 от смертного к вечному.

Этот вечер прекрасен сам по себе.
 Но ты сделал его еще прекраснее.
 Молчание десяти тысяч будд,
 покой десяти тысяч будд,
 свидетельствование десяти тысяч будд —
 сливаются в единый океан.
 Ты растворяешься в океане.
 Пропитайся этим нектаром.
 Пропитайся насквозь,
 ибо скоро Ниведано позовет тебя обратно.
 Собери столько красоты, столько радости,
 столько истины и подлинности, сколько сможешь,
 и вынеси их из центра на окружность.

Ниведано...

Возвращайся,
 но возвращайся как будда,
 с изяществом, безмолвием, благодарностью.
 Ты возвращаешься из другого мира,
 от самого источника жизни.

Посиди несколько минут как будда,
 вспоминая пережитый опыт и тот путь,
 по которому ты проходишь снова и снова.
 Пусть все, что ты видел и пережил,
 войдет в твою повседневную жизнь.
 Пусть это выразится в твоих словах,
 в твоём безмолвии, в твоих жестах и действиях.
 Обыкновенное должно трансформироваться
 в священное.

Я назвал Нансэна «отправной точкой».
 Переживание своего внутреннего мира
 может стать отправной точкой для тебя.

— Хорошо, Маниша?
 — Да, наш любимый Мастер.
 — Обещаете ли вы праздновать после того, как меня
 не станет?
 — Да, наш любимый Мастер!

* После Бодхидхармы новой отправной точкой стал Нансэн. Он открыл новые грани, новые измерения дзэн. Дзэн перестал быть маленьким ручейком и обратился в океан.

Ошо

ОШО

Священное и мирское — одно,
просто разные взгляды на одно и то же.
Я хочу, чтобы небо и земля были вместе.
Лишь в их единстве — целостность;
лишь в их единстве — радость
и наполненность.

ISBN 978-5-399-00197-5

9 785399 001975